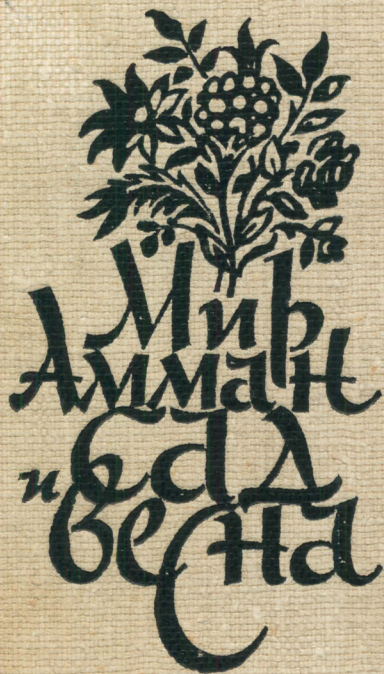

Мир Амман и Бедна

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

*

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1962

Мир
Аннан
Сад
и
весна

перевод
С Урду

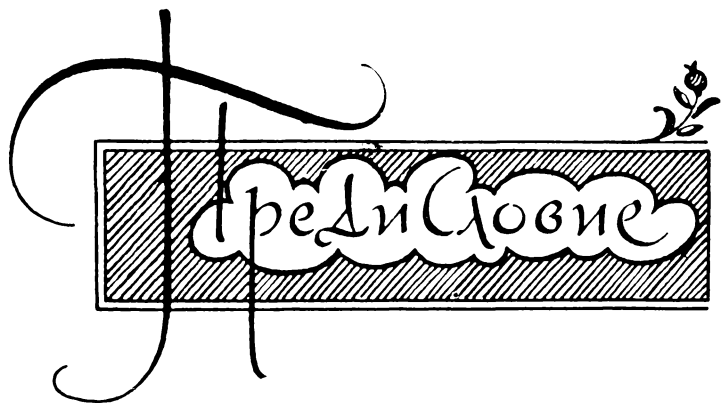
Перевод
Г. А. ЗОГРАФА

Под редакцией
В. М. БЕСКРОВНОГО

Стихи в переводе
А. СЕНДЫКА

Х у д о ж н и к

Е. КОГАН

Л

итература урду принадлежит к числу так называемых новых индийских литератур, сложившихся на современных живых языках народностей Индии в течение последних нескольких сотен лет. Именовать словом «новая» литературу, история которой исчисляется столетиями, можно только в относительном смысле, имея в виду богатство и древность всей совокупности индийских литератур в целом.

Действительно, в сравнении с древнеиндийской и среднеиндийской литературами, создававшимися на санскрите, а затем также на пали и пракритах, начиная с эпохи, отделенной от нас по меньшей мере тремя тысячами лет, литературу урду, начавшую складываться три-четыре века назад, нельзя назвать старой.

История урду и литературы на этом языке своеобразна.

В средневековой Индии, как и во многих других феодальных государствах, литература господствующих классов создавалась на «классических» языках, отличающихся от разговорной речи народа.

Индуские феодалы и окружавшее их брахманство — носители традиционной учености — пользовались древним санскритом, который давно уже вышел из живого употребления и стал таким же мертвым языком ортодоксальной литературы и науки, каким была латынь в средневековой Европе. Однако выработанные в этой литературе традиции не могли впоследствии не сказаться в какой-то мере на развитии новоиндийских литератур и их языков.

Но помимо санскрита в феодальной Индии существовал еще один «классический» литературный язык, непонятный простому народу. Его принесли завоеватели-мусульмане, хлынувшие сюда с XI столетия из Средней Азии и Афганистана.

В течение ряда веков они вливались в Индию волна за волной и оседали здесь, поработав местное население. Литературным языком у них был персидский, который стал в Индии не только обычной речью мусульманских феодальных дворов, но долгое время служил и для всего официального делопроизводства. Широкое распространение получила литература на персидском языке, на нем писали здесь не одни лишь местные придворные поэты и летописцы. Привлеченные щедротами индийских правителей, к их дворам стекались писатели из Средней Азии и Ирана. Здесь постепенно сложилось свое особое литературное направление, отличавшееся по стилю от персидской литературы, которая развивалась в Иране. Больших успехов индо-персидская литература достигла в эпоху расцвета империи Великих Моголов. Да и впоследствии персидский язык, наряду с уже развившимися новоиндийскими языками, долго еще оставался литературным языком Индии. На нем написана значительная часть произведений таких крупнейших поэтов, писавших на урду в XIX и XX столетиях, как Галиб и Икбаль.

Особенность литературы урду по сравнению с другими новоиндийскими литературами заключается в том, что в начальном периоде своего развития она явилась в некотором роде преемницей традиций индоперсидской литературы. В конце XVI и XVII вв. в княжествах Биджапур и Голконда, расположенных на Декане, а с начала XVIII столетия на севере — в Дели и Лакхнау — придворные поэты-мусульмане, творившие раньше только на персидском языке, принимают писать и на хиндустани — одном из важнейших языков Северной Индии. Однако, перейдя на новый язык, многие из них сохранили старые литературные приемы: идеи, темы и формы их воплощения в основной массе оставались те же, что и прежде. Стихи на языке хиндустани стали слагаться по персидским размерам, в них переносились многие персидские традиционные образы, сравнения, эпитеты. В хиндустани начало резко расти использование лексических заимствований из персидского языка, и в результате сложился особый литературный стиль или, как часто говорят, литературная форма хиндустани, именуемая урду. Отличительными

чертами урду являются обильное употребление слов, почерпнутых из персидского языка, и использование арабского письма, в противовес другой литературной форме того же языка — хинди, которая заимствует лексику из санскрита и пользуется индийским письмом деванагари. Литература урду оставалась под сильным влиянием индо-персидской литературы до середины XIX в. По существу она все еще отражала идеи и воззрения феодального общества. Писатели и поэты, происходившие, как правило, из придворной знати, помещичьих и военных кругов, искали свой идеал в прошлом и писали на традиционные темы, вкладывая в старые сюжеты свое отношение к миру.

Вплоть до самого начала XIX в. на языке урду, как, кстати сказать, и на других новоиндийских языках, создавалась почти исключительно одна поэзия. Проза возникла сравнительно недавно — она развивается с начала XIX в. Попытки писать прозой на хиндустани предпринимались и раньше, но не имели серьезного успеха. Только в первые годы XIX столетия появились произведения в прозе, получившие широкое признание. К их числу относится книга «Сад и весна» Мир Аммана.

О жизни Мир Аммана известно очень немного. Родился он в Дели, где его предки служили при дворе Великих Моголов еще в XVI в. Некогда они были богаты и знатны, но упадок Могольской империи в XVIII в. отразился и на них. Затем походы афганцев, неоднократно опустошавших Северную Индию, и восстания индийских племен лишили Мир Аммана поместий и всего наследственного достояния. Ему пришлось покинуть родной дом и семью и пуститься странствовать в поисках пропитания. Несколько лет он провел в городе Патне, потом отправился еще дальше на восток — в Калькутту. Здесь он сначала был воспитателем в аристократическом мусульманском семействе, а в 1801 г. поступил на службу в недавно открывшийся колледж Форты Вильям, где обучались молодые чиновники англо-индийской службы. Для изучения живых новоиндийских языков были необходимы произведения, написанные языком, не слишком далеким от разговорной речи. Поэзия, носившая отпечаток искус-

ственности, этому требованию не отвечала, а потому администрация колледжа пригласила ряд литераторов, индусов и мусульман, для создания прозаических сочинений на важнейших новоиндийских языках. В их число попал Мир Амман, которому было поручено написать книгу, как он сам говорит, «на чистом индийском наречии (хиндустани), на котором разговаривает между собою народ на базаре: индусы и мусульмане, женщины и мужчины, дети и подростки, знатные и простые». В результате более чем года работы появилась книга «Сад и весна».

Обо всем этом рассказывает сам Мир Амман в своем введении к книге. Очень скудные добавочные сведения можно почерпнуть из протоколов заседаний совета колледжа Форта Вильям, хранящихся ныне в Национальном архиве Индии в Дели. Там, в частности, сообщается, что в мае 1801 г. Мир Амман в числе других индийцев был утвержден в должности преподавателя хиндустани (мунши) с окладом в 40 рупий. Затем, 23 августа 1802 г., Мир Амман был награжден пятьюстами рупий за окончание работы над книгой «Сад и весна», а в 1804 г. он завершил работу над другим своим произведением — «Сокровищница добродетели», менее удачным, чем первое, и оставшимся малоизвестным. В середине 1806 г. Мир Аммана освободили от преподавания в колледже вследствие преклонного возраста и слабого здоровья, и на этом его следы теряются.

Кроме прозы, Мир Амман писал и стихи, выступая под псевдонимом Лутф, но славу ему принесла только проза, и именно «Сад и весна», благодаря своему живому, яркому, образному языку и увлекательному содержанию. Заслуга Мир Аммана заключается в том, что он сумел противостоять господствовавшему среди поэтов урду, его современников, стремлению усложнять язык, безмерно «украшать» и «облагораживать» его за счет персидского. Мир Амман обратился к неисчерпаемой сокровищнице народной речи и принялся писать, по собственному его выражению, в такой манере, «словно кто-то ведет разговор». Действительно, богатства живого языка всюду проступают в книге «Сад и весна», полной метких слов и образных выражений. По своим языковым

и стилистическим достоинствам проза Мир Аммана занимает видное место в истории языка урду и литературы на нем. В течение прошлого столетия эта книга выдержала несколько десятков изданий — несравненно больше, чем любое из современных ему произведений на урду, и продолжает часто издаваться поныне.

Мир Амман воспользовался известным в Индии сюжетом «Истории четырех дервишей», изложив его по-своему, и его «Сад и весна» пользуется наибольшей известностью среди всех существующих в Индии сочинений на тот же сюжет как предшествующих, так и более поздних. Творческое использование традиционных сюжетов — явление обычное не только для индийской, но и для целого ряда средневековых восточных литератур. Оно не умаляет самостоятельной ценности произведения, так как в рамках общей фабулы писатель чувствует себя весьма свободно: он по-своему рисует обстановку, в которой совершается действие, дает собственный анализ поступков героев, — словом, вносит в трактовку сюжета как можно больше своей индивидуальности.

«Сад и весна», или «История четырех дервишей», следует весьма распространенному в Индии композиционному построению: ряд независимых друг от друга историй объединяется как рамкой вводным рассказом, окончание которого служит общим заключением. Все части произведения выступают как повествования отдельных лиц; в свою очередь они сами могут содержать вставные рассказы. Так построены многочисленные индийские сборники сказок, подобным же образом множество самостоятельных историй разного объема заключают в себе грандиозные древнеиндийские эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна». Эта схема вместе с сюжетами проникла из Индии в соседние страны — сначала в Иран, а оттуда к арабам, где нашла воплощение в знаменитых сказках «Тысяча и одна ночь». Воспользовались ею и мастера итальянского Возрождения.

Структура «Истории четырех дервишей» сравнительно проста. Незамысловатый обрамляющий рассказ о падишахе, жаждущем наследника, включает в себя четыре повести дервишей об их неудачной любви и большую, полную острых

приключений повесть о купце и его вероломных братьях, рассказанную падишахом. К последней — в качестве ее части — примыкает рассказ купца о похороненном заживо молодом человеке. По общему характеру все это произведение можно рассматривать как своеобразную форму восточного романа, стоящего на грани волшебной сказки. Творения подобного жанра не новость для Индии. Например, одному из крупнейших классиков санскритской литературы Дандину (около VI в. н. э.) принадлежит роман «Приключения десяти принцев», где на фоне фантастических, чисто сказочных приключений даны яркие картины жизни различных слоев индийского общества. Построен он аналогично «Истории четырех дервишей»: каждый царевич рассказывает о своих похождениях, причем любовный элемент и здесь занимает центральное место.

Корни происхождения «Истории четырех дервишей» не вполне ясны. Общий характер фабулы и некоторые второстепенные детали дают основание предполагать индийское происхождение этой истории. Несомненно, что впоследствии она подвергалась значительному влиянию персидских литературных традиций. Но и известный сейчас персидский вариант «Истории четырех дервишей», по всей видимости, оформился в Индии. Обычно его создание приписывают знаменитому делийскому поэту Амиру Хосрову (умер в 1325 г.), что крайне сомнительно, так как вариант этот носит признаки более позднего происхождения. Скорее всего он сложился только в XVII или в начале XVIII в., но и в таком случае в качестве возможных его создателей называют опять-таки писателей, творивших в Индии. В конце XVIII в. этот сюжет изложил на урду писатель Мир Мухаммад Хусейн Ата-хан, носивший псевдоним Тахсин. Однако его произведение, написанное крайне тяжелым искусственным языком, признания не получило и ныне забыто. Наконец, в 1802 г. Мир Амман написал книгу «Сад и весна», завоевавшую наибольшую популярность. Известно еще несколько позднейших вариантов этой истории как на урду, так и на других новоиндийских языках. Почти все они основываются на книге Мир Аммана.

Название «Сад и весна», которое Мир Амман дал своему произведению, не имеет непосредственной связи с содержанием и представляет просто хронограмму, обозначающую год написания книги по мусульманскому летосчислению.

Не лишено интереса авторское введение, хотя оно и написано в старом, традиционном для средневековых мусульманских сочинений духе. Вслед за обязательными в таких случаях славословиями Аллаху, пророку, святым, а за ними и земным покровителям автора Мир Амман излагает причины, побудившие его взяться за создание книги. Наибольшего внимания здесь заслуживает та часть, которая посвящена истории языка. Это первая известная в литературе попытка осветить происхождение урду.

Своим построением «Сад и весна» Мир Аммана несколько отличается от известных персидских вариантов «Истории четырех дервишей»: переменены местами рассказы второго и третьего дервишей, изменены пропорции частей, иначе освещаются некоторые конкретные ситуации. Известный в Индии и Пакистане филолог доктор Абдулхак, большой знаток литературы урду, на основе сопоставления версий Мир Аммана и Тахсина с персидскими пришел к выводу, что Мир Амман безусловно должен был быть знаком с переложением Тахсина и использовал его в работе над своим вариантом «Истории четырех дервишей».

Это не умаляет своеобразия книги «Сад и весна», особенно заметного в трактовке деталей. Мы отчетливо видим здесь приметы страны и эпохи. Хотя действие и переносится в далекие экзотические страны: то на Аравийский полуостров в Яман (Йемен), то в Шам (Сирия), то в столицу «султана правоверных» Константинополь, то в разные области Аджама (Иран), то на восток — в Чин и Мачин (Китай), то далеко на запад — в Фаранг (Европа), — повсюду встречаемся мы с одной и той же обстановкой, с тем же образом жизни. Везде изображается быт мусульманской феодальной аристократии в том виде, как его наблюдал сам Мир Амман у себя на родине, в Дели. Черты Индии проявляются особенно ярко, когда дело касается каких-либо подробностей обыденной жизни. Мусульмане здесь следуют многим индусским обычаям: они

жуют бетель, ставят на лоб благословляющий знак — т́ику, носят индийскую одежду и готовят индийскую пищу. И это не удивительно, потому что «Сад и весна» представляет собою волшебную сказку, и все поименованные страны очень напоминают лежащее за «тридевятъ земель» «тридесятое государство» наших сказок, которое лишено каких-либо конкретных примет. Поэтому и в русском переводе за перечисленными странами сохранены те названия, которые дает им автор: ведь Чин у него ничем не напоминает Китай, а Фаранг едва ли похож на европейское государство.

Фантастика действия подчеркивается тем, что на сцену нередко выступают сверхъестественные силы в лице пери, джиннов и дэвов, которые то содействуют людям, то разрушают все их усилия. Но вмешательство этих сил в жизнь героев проявляется далеко не всегда и возможности их ограничены. Так, прекрасная пери в рассказе второго дервиша не в состоянии prolongировать встречу с возлюбленным, а царь джиннов и пери из рассказа четвертого дервиша сам вынужден обратиться за помощью к человеку. Характерно, однако, что окончательное устройство судеб героев не обошлось без вмешательства «владыки всех духов».

Такой способ разрешения трудностей здесь не случаен — он логически восходит к тому мировоззрению, которое проповедуется религией: «Будь покорен судьбе, надейся на Аллаха — и дела твои как-нибудь устроятся». Это фаталистическое пассивное отношение к жизни, представляющее смесь религиозного фанатизма с грубыми суевериями, было порождено самым развитием общества. Жестокая феодальная эксплуатация сопровождалась в условиях восточных деспотий полным бесправием низшего перед лицом вышестоящих, слабого перед сильным — в книге «Сад и весна» можно найти достаточно примеров этому. И конечно, господствующие классы сознательно поддерживали и воспитывали такое пассивное мировосприятие, ибо оно убивало в массах веру в свои силы, заставляло их смиряться с существующими несправедливостями.

Но постоянные призывы к Аллаху и его милости далеко не всегда звучат в книге «Сад и весна» как проявления фа-

натической веры. Куда чаще они выглядят как привычные заклинания, простая божба. Неоднократные похвалы исламу — «лучшей из религий» — не подкрепляются действием. Стоит только мусульманину оказаться в кругу иноверцев, он легко подчиняется их обычаям, участвует в их религиозных обрядах, и различие в вере нисколько не мешает ему подлаживаться и добиваться преуспевания. Здесь нашла отражение та веротерпимость, которую поддерживал в Индии еще могольский император Акбар (1556—1605), поощрявший сотрудничество мусульман и индусов. О религиозной вражде в тех размерах, которых она достигла под влиянием английской политики «разделяй и властвуй», во времена Мир Аммана не было речи.

Вообще читатель столкнется в этой книге со многими противоречиями. Возвышенные идеи, провозглашаемые автором, не всегда вяжутся с развитием действия. Герои, при первом же знакомстве с ними щедро наделяемые всевозможными добродетелями, на поверку нередко оказываются беспринципными. Когда их влечет к себе какая-то цель, они, бывает, не стесняются в средствах. С другой стороны, в затруднительном положении они теряют все свои доблести и ждут, пока судьба пошлет им помощника.

Все эти черты характерны для индо-мусульманской литературы средневековья. Они сохранились и в книге «Сад и весна», созданной в эпоху окончательного развала феодальной империи в Индии, но опирающейся на сюжет более раннего происхождения. Хотя это произведение, не в пример большинству других индийских сказочных сборников, которые носят правоучительный характер, преследует главным образом развлекательные цели, оно содержит немало ярких картин жизни и быта, правда довольно узких кругов общества, и в какой-то мере познакомит наших читателей со старой Индией.

Г. Зограф

Мир
Амман

Вступлeннe

*Во имя Аллаха милостивого и милосердного!
Благословен Аллах! Сколь велик творец,
который из горсти праха создал всяческие
формы и тела во плоти! Он взял всего лишь
два цвета — белый и черный* — и дал всем те же
нос и уши, руки и ноги, но сотворил столько ярких
образов, что вид одного не сходится с обликом
другого — ведь среди миллионов людей вы всегда уз-
наете того, кто вам нужен. Небеса — лишь пузырек
воздуха в его океане единства, а земля — только кру-
жок на воде. Но вот чудо! Море, которое обрушивается
на них тысячами волн, не может нанести им ни малей-
шего ущерба. Язык человека немеет, когда он пытается
восхвалить и прославить того, кто обладает такой
силой и могуществом. Что он способен сказать?! Пусть
лучше молчит о том, что выразить ему не под силу.*

*Едва ли смогу я с достоинством должным
прославить того,
Кто создал и небо и землю, чья воля
превыше всего.
Одни лишь глупцы помышляют Аллаха
постичь до конца,
Ведь даже пророк говорил: «До конца
я не понял его».
Есть солнце и месяц у неба, подобно
огромным глазам
Всегда они смотрят на землю и славят
творца торжество,
Он равных не знал и соперников гордых
не ведал вовек,*

*Ни с кем и ни с чем не сравнимо в силъе своем
божество.*

*Аллах всемогущ — он творец
и великий кормилец живых,
Его благодать осеняет вседневно
меня самого.*

*И хвала тому, кого он возлюбил, для кого создал
он небо и землю и кого облек в сан посланника.*

*Светлое тело пророка —
сгусток небесного света,
Тени оно не бросает,
каждому ведомо это.
Как бы мне силы набраться,
чтобы восславить пророка,
Ведь прославленье пророка —
долг величайший поэта.*

*И благословение и приветствие роду его, который
представлен двенадцатью имамами *.*

*Я славословил пророка и славословил Аллаха,
Кончив, к труду приступаю, полный сомнений
и страха.*

*Ради святого пророка, добрый Аллах,
помоги мне,
Пусть мою речь разумеет знатный и вставший
из праха.*

*История создания этого сочинения такова. В 1215 году хиджры *, или 1801 году христианского летоисчисления, и, соответственно, в 1207 году эры фасли *, в правление благороднейшего из благородных генерал-губернатора маркиза Уэлзли лорда Морнингтона * (при описании достоинств которого ум приходит в смущение и рассудок помрачается, ибо все качества, какие потребны правителю, господь соединил в его лице; это счастье для нашей страны, что пожаловал сюда та-*

кой губернатор, благодаря полезной деятельности которого все обрели покой и нет места тому, чтобы кто-нибудь смел чинить над кем-нибудь насилие: тигр и коза пьют из одного источника и вся беднота живет, вознося благословения) пошли толки об обучении. У сановных господ явилось стремление ознакомиться с языком базара *, чтобы свободно беседовать с индийцами и исполнять государственные дела с полной осведомленностью. Для этого в тот же год было приказано составить несколько книг.

Всем знатокам, желающим говорить на языке Хиндустана *, я сообщаю, что «Историю четырех дервишей» впервые рассказал Амир Хосров Делийский * по следующему поводу. Захворал однажды хазрат Низамуддин Аулия * по прозванию Зари Зарбахш, который был его духовным наставником; гробница его находится близ Дели в нескольких косах * от крепости, за Красными воротами, против Ворот носильщиков, у Красного дома *. Для того чтобы развлечь и утешить наставника, Амир Хосров, ходивший за больным, стал рассказывать ему эту историю. Через несколько дней Аллах даровал выздоровление. Тогда наставник в день, когда было совершено омовение *, помолился, чтобы всякий, кто ее услышит, по милости божьей обретал здоровье. С тех пор и пошла ходить эта история на персидском языке.

Ныне господин благодати, владыка благосклонности, ценитель превосходного, господин Джон Гилкрайст * (да будет велико его счастье, пока текут Ганг и Джамна!) любезно соизволил повелеть мне: «Переложить эту историю на чистое индийское наречие, на котором говорят друг с другом люди на базаре — индусы и мусульмане, женщины и мужчины, дети и подростки, знатные и простые». В соответствии с приказанием его превосходительства я и начал писать таким языком, словно кто-нибудь попросту разговаривает.

Сначала я, жалкий грешник * Мир Амман Делийский, расскажу о себе. Мои предки из поколения в по-

коление преданно служили у стремени всех падишахов со времен Хумаюна *, и те благосклонно покровительствовали им соответственно их заслугам. Награждая поместьями, должностями и другими пожалованиями за службу, они сделали их богатыми и знатными, и благословенными устами своими нарекли их наследственными слугами и потомственными вассалами, так что титул этот вошел в шахские книги. Когда же этот царственный дом, благодаря которому все другие дома процветали, постигла та доля, которой мы сами свидетели * (стоит ли говорить об очевидном?), тогда Сурадж Мал, джат *, захватил наши поместья, а Ахмад-шах Дуррани * разграбил имущество. Под ударами всех этих бед как изгнанник покинул я город, который был моей родиной и к которому я привязан всем сердцем. Так этот корабль, капитаном которого был сам падишах, потерпел крушение, и я погрузился в океан одиночества. Утопающий хватается за соломинку. Поэтому несколько лет я провел в городе Азимабаде *. Удачи чередовались там с неудачами. В конце концов ушел и оттуда: судьба не была ко мне благосклонна. Оставив семью и детей, я один-одинешенек сел на корабль и в поисках пропитания прибыл в благороднейший из городов — Калькутту. Некоторое время я не имел работы. Случайно наваб * Дилавар Джанг призвал меня и приставил наставником к своему младшему брату Мир Мухаммад Казим-хану. Мне пришлось провести там около двух лет, но настоящей поддержки себе я не видел. Потом благодаря почтенному мунши Мир Бахадур Али * я встретился со славным господином Джоном Гилкрайстом (да продлится процветание его!). Наконец-то судьба привела меня к такому благородному человеку. Надо бы, чтобы теперь наступили дни получше. Да ведь и то хорошо, что я имею место, где приклонить голову, когда съем свой кусок, а десять человек домашних, старых и малых, обретя покровительство, молятся об этом справедливом человеке. Да примет бог их молитвы!

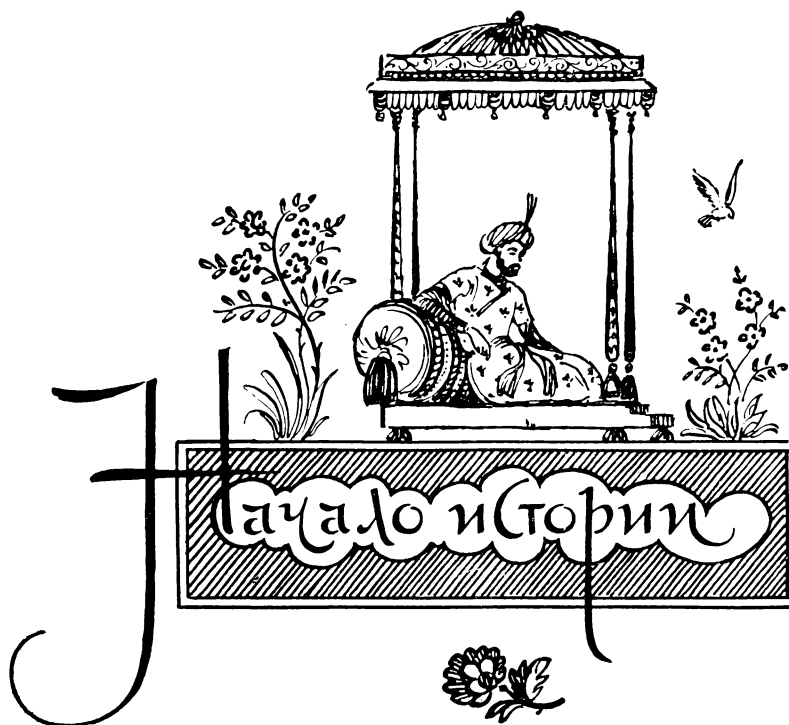
*Об истории языка урду наши предки повествуют так. Город Дели, как считают индусы, очень старый. В нем издревле жили их цари и народ, и говорили они на своем наречии. Тысячу лет назад наступило правление мусульман. Пришел султан Махмуд Газнави *, потом стали падишахами Гури * и Лоди *. Вследствие общения индусов и мусульман некоторые их языки смешались. Наконец Хиндустан захватил эмир Тимур *, род которого до сих пор владеет султанатом. После того как он пришел и обосновался здесь, войсковой базар вошел в черту города. Поэтому городской базар стал называться «урду» — так же, как войско. Затем падишах Хумаюн, разбитый патанами *, бежал за границу. Вернувшись обратно, он наказал отступников, и не осталось тогда ни одного мятежника, который мог бы поднять мятеж.*

*Когда воссел на престол падишах Акбар *, то люди разного племени из окрестных стран, прослышав о любезности и щедрости этой несравненной династии, стали стекаться к его двору. Но все они говорили на разных языках и наречиях. Собравшись вместе, они вели между собою дела, торговали, беседовали, и в результате установился общий язык базара. Шах-Джахан *, великий император, повелел соорудить благословенную крепость *, соборную мечеть * и городские стены * и оправить Павлиний трон массой драгоценных камней *. По его приказу был установлен на шестах и растянут на канатах грандиозный шатер, а наваб Али Мардан-хан провел канал *. Когда все это было готово, шах, обрадовавшись, устроил празднество и сделал город своей столицей. С тех пор и стал известен Шахджанабад * (так как Дели расположен отдельно, он называется Старым городом, а этот — Новым городом), и тамошнему базару дали название шахского базара.*

*С правления эмира Тимура до царствования Мухаммад-шаха, даже более того — до времени Ахмад-шаха и Аламгира II *, султанат из поколения в поколение*

оставался все тем же. Постепенно язык базара, все более совершенствуясь, отшлифовался настолько, что с ним не могла сравниться речь никакого другого города. Но для того чтобы его оценить, необходим беспристрастный судья. И вот теперь, много спустя, господь послал такого мудрого и проникательного человека, как Джон Гилкрайст, который благодаря своим знаниям и деятельности, путем разысканий и трудов составил книги грамматических правил*. Вследствие своих достоинств язык Хиндустана пошел по всей стране, и блеск его возрос еще более. Но никто ведь не считает плохой свою манеру повязывать тюрбан, свою речь и свои обычаи. И если спросить деревенского жителя, то он станет поносить горожанина и превозносить самого себя. Но умные сами разумеют!

Когда Ахмад-шах Абдали пришел из Кабула и разграбил город, Шах-Алам* был на востоке. Не осталось ни наследника, ни наместника. Город оказался без главы. Поистине процветание города покоилось на могуществе государства. Бедствие свалилось внезапно. Благородные жители столицы разбежались куда глаза глядят. Куда бы они ни приходили, речь их менялась от общения с местным населением. А много нашлось и таких, которые, попав по какой-либо причине в Дели, прожили там всего лет по пять или десять. Сколько-то они научились делийскому языку, но, конечно, не смогут говорить без ошибок. Лишь тот, кто подобно делийским камням оставался там, претерпев все лишения, чей род в продолжение пяти или десяти поколений жил в этом городе, кто сам многие годы бывал там на собраниях знатных людей, участвовал в торжествах, пиршествах, процессиях, шествиях, поездках, гуляньях и зрелищах и кто после отъезда оттуда старательно оберегал свой язык, только тот сохранил свою речь в чистоте. Таков и я, ничтожный, который добрался сюда*, обойдя и повидавав всякие города.

ТАК, начинаю рассказ. Пожалуй-
ста, слушайте внимательно и
судите благосклонно. В «Похож-
дениях четырех дервишей» говорится,
что некогда в стране Рум * был пади-
шах, который славился справедливо-
стью Науширвана * и щедростью Хати-
ма *. Звали его Азадбахт, и город
Константинополь, который теперь на-
зывают Стамбул, был его столицей.
Под его властью народ благоденство-
вал, казна была полна, войско послуш-
но, бедняки довольны. Все жили в та-
ком покое и радости, словно в каждом
доме днем и ночью был праздник.
Азадбахт уничтожил всех воров, гра-
бителей, жуликов, мошенников, обман-
щиков и не оставил даже памяти о них
во всей стране. Двери домов на ночь
не запирались, а лавки на базаре оста-

вались открытыми. Путешественники шли через леса и поля, позванивая золотыми монетами, и никто не спрашивал, что они несут и куда направляются.

Тысячи городов были подчинены этому падишаху, и несколько султанов платили ему дань. Но даже при такой большой власти он ни на час не забывал служения богу. Из мирских благ у него было все, что только можно желать, лишь сына, плода жизни, не хватало в саду его счастливой судьбы. Поэтому нередко пребывал он в задумчивости и после пятикратного намаза * говорил своему щедрому покровителю:

— О Аллах! Ты все даровал своей милостью мне, недостойному, не дал лишь светильника моему темному дому *. Одно гнетет мою душу: нет у меня наследника моего имени, нет верной опоры моей. Ведь у тебя в сокровищнице тайн имеется все что угодно. Дай мне веселого, резвого сына, тогда сохранится имя мое и останется след моей власти.

Не теряя надежды, дожил падишах до сорока лет. Однажды в зеркальном зале, совершая намаз, он читал

свой урок из Корана. Бросив случайно взгляд в зеркало, он вдруг заметил в своих усах седой волос, блестящий, словно парчовая нить. Слезы навернулись у него на глазах, и тяжкий вздох вырвался из груди. «Увы! — подумал он про себя, — сколько лет потратил ты даром! В погоне за мирской славой ты перевернул целый мир, но все эти земли, которыми ты овладел, теперь тебе ни к чему — в конце концов все это пустит по ветру кто-то чужой. А к тебе пришел вестник смерти. Если и проживешь еще, все равно телесные силы будут только слабеть. Ясно, что не судьба тебе родить наследника венца и престола. Кончится тем, что умрешь, и все пойдет прахом. Не лучше ль самому все покинуть и провести остаток дней в служении творцу?»

И, утвердившись на том в своем сердце, он отправился в нижний сад, выслушал всех просителей и повелел, чтобы с этого дня никто больше к нему не обращался, а все взяли в обычай разрешать свои дела в зале собраний. Потом удалился в одну из внутренних комнат, разостлал молитвенный коврик и погрузился в молитвы. Кроме плача и тяжких вздохов, ничего от него не слышали. Так провел падишах Азабхат несколько дней, круглые сутки не покидая места молитвы; лишь вечером, в час разрешения от поста *, он съедал один финик и запивал его тремя глотками воды. Толки об этом вышли за стены дворца, и по всей стране разнеслась весть о том, что падишах, отрешившись от власти, избрал уединение. Притеснители и мятежники повсюду подняли головы и преступили границы дозволенного: всякий, кому только хотелось, теснил народ и поднимал бунт; всюду, где были наместники, обнаружилось упущения в их управлении. Из всех областей потекли ко двору жалобы на беззакония. Тогда собралась вся придворная знать и принялась держать между собою совет.

Порешили на том, чтобы обратиться к везиру *: он, мол, человек мудрый и знающий, он близок к падишаху и пользуется его доверием, к тому же он выше всех чи-

ном. Надо пойти к нему и спросить, что он сочтет подходящим.

— Известно ли вам, — сказали эмиры *, явившись к везиру, — что если падишах и дальше будет уклоняться от дел, то созданное с таким трудом государство пойдет прахом. А вернуть его будет не так-то легко.

Везир был старый, опытный человек, справедливый и умный; так и звали его — Хирадманд, то есть «мудрый».

— Хоть падишах и не велел являться к себе, но вы попытайтесь, — посоветовал он. — Я тоже отправлюсь с вами. Бог даст, падишах согласится принять нас.

Он привел всех в зал собраний, а сам прошел в зал совета и послал евнуха доложить падишаху:

— Скажи, что пришел старый слуга, который уже несколько дней не мог лицезреть того, чье сияние служит украшением мира. Он надеется увидеть его и облобызать его стопы, чтоб обрести утешение.

Падишах выслушал просьбу везира, а так как он знал достоинства, осмотрительность и преданность Хирадманда, да и сам не раз обращался к нему за советом, то, пораздумав, велел его пригласить. Лишь только дозволение было получено, везир предстал перед падишахом, приветствовал его как подобает и встал, сложив почтительно руки. Он был изумлен переменой, которую увидел в облике шаха: от бесконечных слез и поста у него под глазами пошла синева, а лицо побледнело. У Хирадманда не хватило сил сдержаться. Подбежав к своему господину, он припал к стопам его. Тот поднял голову старого слуги и спросил:

— Ну что? Увидел меня, утешился? А теперь иди. Не беспокой меня больше, возьми правление в свои руки.

В ответ на это Хирадманд горько заплакал.

— Благодаря вашим милостям и благосклонности мне всегда открыт путь к высшей власти, — произнес он. — Но ныне, когда защитник мира так внезапно удался от дел, всю страну охватило волнение, а это добра

не сулит. Что за мысль терзает возвышенный ум? Было бы хорошо, если б вы соизволили посвятить в свою тайну меня, выросшего в вашем доме слугу. Я осмеюсь доложить вам все, что придумает ничтожный мой ум. Ведь отличия для того и даруются слугам, чтоб падишах мог пребывать в довольстве и покое, возложив заботы о стране на своих подчиненных. Не дай бог, чтобы тяжкие думы овладели высоким духом,— на что же тогда нужны будут шахские слуги?

— Ты верно говоришь,— отвечал падишах.— Но гнетущую меня мысль никак невозможно прогнать. Слушай же, Хирадманд! Вся моя жизнь протекла в тяжких заботах о том, как укрепить государство и расширить его. Но теперь наступила такая пора, когда впереди только смерть. Она уже прислала мне своего гонца — седину. Знаешь пословицу: «Проспав всю ночь, неужели не проснешься утром?» Ведь до сих пор нет у меня сына, утешенья души. Потому-то жестокая печаль и заставила меня от всего отказаться. Пусть кто угодно забирает страну и богатства. Мне до этого нет дела. Уже не первый день я лелею мечту бросить когда-нибудь все, что имею, уйти в леса и горы, чтобы больше ни с кем не встречаться, и так провести свои последние дни. Где понравится, там и останусь, посвятив себя служению богу, которому я поклоняюсь. Может быть, он пошлет мне хороший конец. Я уже насмотрелся на мир — нет мне в том удовольствия.— И, тяжело вздохнув, падишах замолчал.

Хирадманд служил везиром еще у его отца. Он любил Азадбахта еще с той поры, когда тот был царевичем. Вдобавок он отличался мудростью и осмотрительностью.

— Никогда не следует терять надежду на милость божию,— сказал он.— Для того, кто одним мановением создал восемнадцать тысяч живых существ*, что за труд даровать вам потомка! Пусть владыка мира изгонит из своего сердца мрачные мысли, не то на всей земле воцарится беспорядок. Ведь государство, создан-

ное вами и вашими предками с таким трудом и усилиями, попусту уйдет из ваших рук, и лишенная заботы страна придет в запустение, а не дай бог, еще и обесславится! Тогда в судный день вам может быть сделан упрек: «Поставив тебя падишахом, мы доверили тебе слуг наших. Ты же разочаровался в нашем милосердии и посеял смущение и тревогу среди своих подданных». Что вы на это ответите? Ведь никакие оправдания тут не помогут, потому что сердце человека — это дом божий, и падишаха спросят только, как он творил правосудие. Простите вашему рабу, что он надоедает вам вопреки этикету, но покидать свой дом и скитаться в лесах — дело йогов * и факиров *, а не падишахов. Вам надлежит исполнять свое предназначение. Молиться и служить богу можно не только в горах и лесах. Вы, верно, слышали такое двустишие:

Он бога в лесу не отыщет, вся тщетность
попытки знакома
Тому, кто на улице кличет ребенка,
уснувшего дома.

Если вы соизволите рассудить справедливо и согласитесь выслушать мнение преданного слуги вашего, то лучше поступить так: пусть прибежище мира, ежечасно и ежеминутно направляя свои помыслы к богу, постоянно ищет его милости — ведь он никого не обходит своей благосклонностью. Днем управляйте страной и вершите правосудие, чтобы слуги божьи мирно благоденствовали под сенью вашей власти, а ночью творите молитву. И, вознеся ее к чистому духу пророка, обратитесь за помощью к безропотно уповающим отшельникам-дервишам *. Назначьте ежедневное пропитание сиротам и пленникам, многосемейным и вдовам. С помощью таких добрых дел и благих решений, даст бог — я в этом твердо уверен, — сбудутся все желания вашей души. Свершится и то, чем заняты ваши думы, и благородное сердце наполнится радостью. Уповайте на милость творца — он вмиг может сделать все, что захочет.

Рассуждения везира воодушевили Азадбахта.

— Хорошо! — сказал он. — Все, что ты говоришь, превосходно. Так и попробуем сделать. А там пусть будет по воле Аллаха. — И, обретя утешение в этом, он спросил у везира, что делают остальные эмиры и дабиры * и чем они озабочены.

— Все столпы государства, — почтительно отвечал тот, — молят бога о благополучии владыки мира. Они встревожены заботой о вас. Если вы позволите им лицезреть благословенную красоту вашу, то все успокоится. А сейчас они ожидают в общей приемной.

— Да будет воля Аллаха! — повелел тогда падишах. — Завтра устрою общий прием. Скажи всем, чтоб явились.

Обрадованный таким обещанием, Хирадманд воздел обе руки и воскликнул:

— Да не поколеблется трон и венец падишаха, пока существуют небо и земля!

И, довольный, с поклоном вышел и передал радостную весть эмирам. Все, ликуя, разошлись по домам. Город охватило веселье. Народ был в восторге от того, что падишах устроит завтра всеобщий прием.

Наутро собрались должностные лица, низшие и высшие, и сановники, малые и большие. Расположившись по рангу, они ожидали шахского выхода. Когда же день вступил в свои права, поднялись занавеси и на трон взошел падишах. В павильоне над воротами загремели литавры. Все склонились, приветствуя государя, и поднесли ему свои дары *, всяк получил награду по своим заслугам и положению, и на сердце у каждого стало легко и спокойно. В полдень падишах поднялся, проследовал во внутренние покои и, вкусив от изысканных блюд, удалился отдохнуть в опочивальню. С того дня он так и взял в обычай: по утрам устраивать общий прием, а после полудня обращаться к Корану, читать молитвы и восхваления и, вызывая к милости бога, просить об исполнении своего желанья.

Однажды он прочитал, что если человеком овла-

сильный ветер. Вдруг вдалеке падишаху померещился какой-то огонек, поблескивавший, словно утренняя звезда. «Неспроста такой темной ночью да еще в бурю горит этот свет,— подумал Азадбахт.— Нет ли тут какого-нибудь колдовства? Правда, если обложить фитиль селитрой и серой, лампа не потухнет, какой бы ни был ветер. А может быть, она горит потому, что хозяин ее святой человек? Что бы ни было, надо пойти посмотреть. Вдруг от этого огонька в моем доме тоже воссияет светильник, и тем исполнится заветное желание?»

С этой мыслью он двинулся на огонек и, приблизившись, увидел четырех нищих странников-факиров в наброшенных на плечи плащах. Уткнув головы в колени, они безмолвно сидели в глубоком раздумье. Очевидно, ими владело такое же чувство, как путником, который вдали от родной земли и народа, одинокий и обездоленный, охвачен тоской и грустью. Так застыли они в неподвижности, будто изваяния на каменной стене. Перед ними на могильной плите мерцал светильник, язычок пламени спокойно поднимался вверх; казалось, сам небосвод укрывает его от ветра.

Лишь только Азадбахт увидел факиров, им овладела уверенность, что с помощью этих божьих людей его желание обязательно исполнится.

«Благодаря их милости иссохшее дерево твоей надежды зазеленеет и принесет плоды,— сказал он себе.— Подойди к ним, поведай о своих невзгодах и прими участие в их беседе. Может быть, они сжалятся над тобой и вознесут молитву, которая будет услышана тем, кто свободен от всяких желаний».

И он уже готов был выступить вперед.

«Эй, неразумный! — остановил его голос рассудка.— Не спеши! Сперва осмотрись! Знаешь ли ты, кто они, откуда явились сюда и куда направляются? Быть может, это дэвы * или злые духи пустыни, приняв человеческий образ, собрались в этом месте. Во всяком случае незачем торопиться. Лучше сперва спрятаться где-нибудь неподалеку и разузнать, что это за дервиши».

Так Азадбахт и поступил: он тихонько присел поблизости, так что никто не заметил его появления, и все свое внимание направил на дервишей, в надежде услышать их беседу.

Вдруг один факир чихнул и воскликнул:

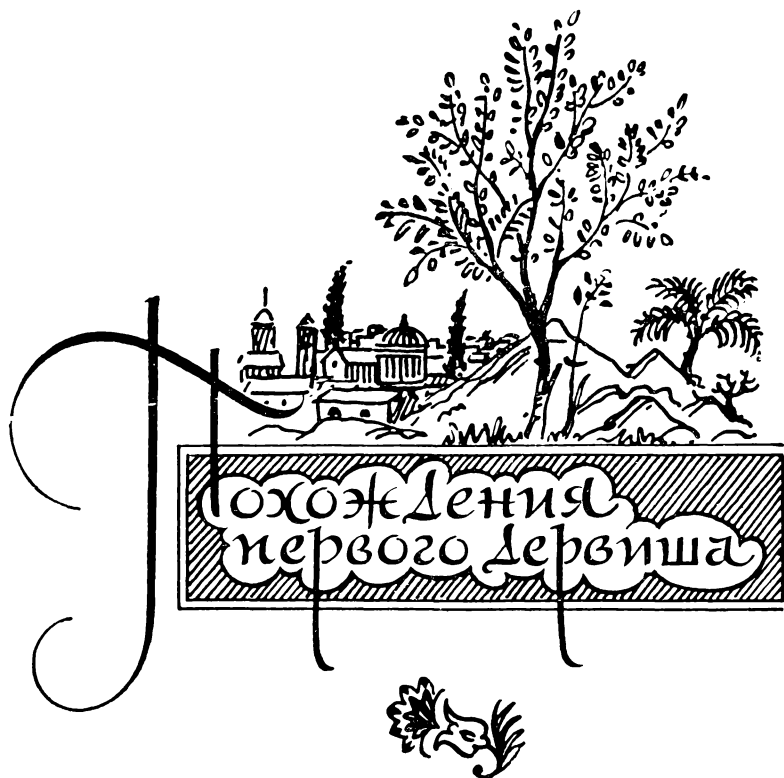
— Хвала Аллаху! *

От его голоса встрепнулись и трое других. Сняли нагар — светильник вспыхнул ярче, потом набили трубки и закурили. Тут кто-то из них произнес:

— О друзья по несчастью и товарищи по странствиям! Превратности судьбы заставили нас четверых оставить дом и безутешно скитаться по белу свету. Слава Аллаху, что счастливая звезда и благое стечение обстоятельств свели нас сегодня в этом месте. Что будет завтра, никому не известно: может быть, мы останемся вместе, а может быть, разойдемся в разные стороны. Ночь длинна и тягостна, а ложиться так рано спать — нехорошо. Пусть лучше каждый из нас расскажет другим обо всем, что с ним стряслось в этом мире, но условие — не говорить ни крупицы неправды. Так в беседе скоротаем мы ночь, а когда дело будет клониться к утру, тогда и уляжемся.

— О хади! * — ответили остальные. — Мы согласны со всем, что вы предлагаете. Начните сами рассказ о виденном вами, мы же будем внимательно слушать.

ПЕРВЫЙ дервиш сел, скрестив ноги, и так приступил к истории своих походов:

— О возлюбленные Аллахом!

Соблаговолите выслушать, что произошло со мною, бездомным.

В этой истории смысла немало, слушайте, Жизнь возносила меня и бросала,

Я расскажу вам о бедах и приключениях, Станут ясны и конец и начало, слушайте.

О друзья! Я, ничтожный, как и мои предки, происхожу из страны Яман. Отца моего звали Ходжа Ахмад, он числился старшиной купцов и сам вел большую торговлю. В те времена ни один ростовщик или купец не мог с ним равняться богатством; во многих городах он открыл свои лавки и назначил

приказчиков для продажи и купли, а в доме его всегда можно было найти много денег наличными и на сотни тысяч рупий товаров из разных стран света. Детей у него было двое: я — факир, который сидит перед вами, одетый в кафни * и с волосяным ожерельем на шее *, и моя сестрица, которую еще при своей жизни родитель отдал за сына купца из соседнего города; она жила в семье мужа. Известно, когда в доме такое богатство и всего лишь один ребенок, есть ли предел заботам и ласке? Я воспитывался под родительским кровом, окруженный любовью, а когда подрос, начал учиться читать и писать, ездить верхом, владеть оружием да еще вести торговые дела и отчеты. Четырнадцать лет моей жизни протекали в беспечности и полном довольстве — никакие мирские заботы не отягощали мою душу. Вдруг в один и тот же год родители мои по воле Аллаха скончались.

Меня охватила такая тоска, что описать невозможно — ведь я осиротел так внезапно, и никого из старших надо мной не осталось. В горе плакал я день и

ночь, есть и пить совсем перестал. Кое-как прошли сорок дней траура. Тогда собрались все родные и знакомые от мала до велика, прочитали молитву, повязали мне отцовскую чалму и принялись утешать.

— У всех на земле умирают родители, — говорили они, — настанет день, когда придется умереть и тебе самому. Возьми себя в руки, крепись. Смотри за своим домом — теперь ты хозяин вместо отца. Займись делами и торговлей.

Успокоив меня, они разошлись. Следом за ними явились приказчики, управляющие и разные слуги; они поднесли мне подарки и попросили:

— Извольте взглянуть своим благословенным оком на кладовые денег и склады товаров.

Лишь только взгляд мой коснулся этих несметных богатств, я словно прозрел. Первым делом велел я украсить приемную залу. Разостлали ковры, развесили роскошные занавеси. Были подобраны лучшие, самые красивые слуги, одетые по моему приказанию в роскошное платье. Сам я воссел на маснад, опершись на подушку *. Всякие пустые люди — бездельники, прихлебатели, любители поестъ и выпить на чужой счет, лжецы и льстецы — мигом окружили меня, напрашиваясь в друзья и приятели. Стал я проводить с ними круглые сутки; болтали о всякой всячине, молили вздор и чепуху, и постоянно я слышал от них: «Пользуйтесь драгоценной юностью. Велите подать ароматных напитков, призовите прекраснейших женщин, пейте с ними и наслаждайтесь».

Да! Нет хуже врага человеку, чем сам человек. От таких бесед и я с пути сбился. Вино, танцы и азартные игры вошли у меня в обычай. Настал, наконец, и тот час, когда, позабыв о торговле, я целиком посвятил свое время зрелищам и удовольствиям. Видя мою небрежность в делах, служащие, да и приятели пошли тащить все, что под руку попадет. Начался неприкрытый грабеж: никто уже не интересовался, сколько расходуется денег, откуда они появляются и куда исчезают.

Ведь то, что достается без труда, тратится без жалости. Такой расточительности не выдержала бы даже сокровищница Каруна *. Прошло несколько лет, и я вдруг обнаружил, что у меня не осталось ничего, кроме шапки и повязки на бедрах. Друзья-приятели, которые с такой охотой ели мой хлеб и в речах своих проливали за меня целые потоки крови, теперь уж не появлялись в моем доме; больше того, если мне случалось встретиться с ними на улице, то они отворачивались, делая вид, что не замечают меня. Оставила меня и вся многочисленная прислуга, так что некому было спросить: «Что это с тобой приключилось?» Только горе и скорбь остались в дружбе со мной.

Даже горстки зерна не было у меня тогда. Немало времени провел я в жестокой нужде и дошел до того, что муки голода стали вовсе невыносимы. И вот однажды, спрятав лицо под покровом бесстыдства, я решил отправиться к своей сестре. Смущало меня, что со времени смерти отца я не только ни разу не проведал ее, но и не написал ни строки. В угаре своего безрассудства я не ответил даже на ее несколько писем, проникнутых состраданием и любовью. Хотя и стыдно мне было к ней обратиться, но другого прибежища себе я не видел. Кое-как, пешком, с пустыми руками, спотыкаясь на каждом шагу, я с тысячью трудностей преодолел те несколько дневных переходов, что отделяли меня от сестры, и добрался до ее дома. Увидев мое состояние, дочь моей матери приняла на себя все мои беды * и, обняв меня, разрыдалась. Чтобы отметить мой благополучный приход, она велела наделить нищих маслом, чечевицей и мелкой монетой, потом обратилась ко мне:

— Брат! Встреча с тобой меня очень обрадовала, но что за вид у тебя?

Что я мог ей ответить? Молча стоял я с глазами полными слез.

Сестра отправила меня в баню, а тем временем велела сшить мне новое платье, которое я и надел после купанья, отмывшись дочиста. Для жилья она отвела мне

хорошо убранную комнату недалеко от своей. Ухаживала она за мной всячески. Кормила и пила сама: по утрам давала шербет со всякими сладостями; потом халву, миндаль и фисташки на завтрак; после полудня — разные фрукты, свежие и сушеные; а два раза в день — к обеду и к ужину — удивительно вкусный плов, хлеб, кебаб и жаркое. Когда после всех огорчений я нашел такой безмятежный покой, мне оставалось только тысячи раз возносить благодарности богу. Несколько месяцев протекло у меня безо всякого дела — я шагу не ступал из своего убежища.

Но однажды сестра, лелеявшая меня словно мать, принялась говорить в таком роде:

— О брат! Ты свет моих очей и живая плоть наших покойных родителей. Твой приход утешил мое сердце. Я душевно радуюсь, видя тебя. Ты принес мне весну. Но господь сотворил мужчин для того, чтобы они сами зарабатывали хлеб свой, — им не следует век сидеть дома. Того, кто прячется дома и тратит попусту время, люди поносят и презирают. И, в частности, наши соседи от мала до велика, хоть и без основания, а все же станут говорить о том, что ты живешь здесь. «Он проел и растратил огромные богатства отца, — скажут они, — а теперь пришел на хлеба к зятю». Ведь это бесчестье! Нас с тобой засмеют и покроют позором имя наших родителей, не то я обула бы тебя в туфли из собственной кожи и век бы носила тебя в своем сердце. Но теперь я советую: уезжай отсюда. Даст бог, времена изменятся, и на смену нынешнему беспокойству и бедности к тебе придут довольство и счастье.

Эти речи пробудили во мне гордость.

— Хорошо! — сказал я. — Ты мне теперь вместо матери. Что ты велишь, то я и сделаю.

Заручившись моим согласием, она вошла в дом и вернулась со служанками, которые несли пятьдесят кошелевков золота.

— Караван наших купцов уходит в Димашк *, — сказала она. — Купи на эти деньги разных товаров, от-

правь их с караваном, а заботу о них возложи на достойного доверия человека, да не забудь взять расписку. Сам тоже поезжай в Димашк. Когда благополучно прибудешь туда, приглядывай за своими товарами и доходами с них или сам займись их продажей.

Я взял деньги и пошел на базар. Накупил всего, что только можно пустить в торговлю, и препоручил эти товары богатому купцу, а сердце свое успокоил распиской. Купец погрузился на корабль и отправился морем, я же готовился ехать сухим путем. Когда подошел час разлуки, сестра одела меня в богатые одежды, подарила коня в усыпанной драгоценными камнями сбруе и велела подвязать к седлу бурдюк с водой и сундучок, полный сладостей и печений. На руку мне она повесила рупию, посвященную имаму-хранителю, чтобы в пути оберегала от бед; кислым молоком нанесла на лоб тилку * и, глотая слезы, сказала:

— Отправляйся! Препоручаю тебя богу. Сегодня ты показываешь нам спину, так возвращайся скорей, обратив к нам лицо.

Я прочитал молитву и произнес:

— Да будет и тебе защитником Аллах! Я исполнил, что ты пожелала.

Выйдя со двора, я сел на коня и, уповая на заступничество божье, поскакал, покрывая по два перехода в день. Вскоре добрался до Димашка. Но, когда я подъехал к городским воротам, была глубокая ночь. Привратники и стража уже заперли вход. Я умолял впустить меня, говоря, что я путник, прискакал издалека и хочу найти в городе ужин, отдых и корм для коня.

— В такое время открывать ворота не велено,— грубо закричали в ответ изнутри.— Зачем приехал так поздно!

Получив решительный отказ я сошел с коня, разостлал попону и уселся под городской стеной. Чтоб не уснуть, я время от времени принимался ходить взад и вперед. Когда же до конца ночи осталось столько же, сколько прошло, я немного забылся. Вдруг вижу, с кре-

постной стены медленно спускается какой-то ящик. Я изумился: «Что за чудо! Быть может, господь снизошел к моим бедствиям и страданиям и жалует меня из своей небесной сокровищницы?» Ящик тем временем опустился на землю. Я с опаской подошел к нему. Смотрю: это простой деревянный сундук. С жадностью отворил я его и что же вижу! Несравненной красоты женщина, один вид которой заставляет ум помутиться, лежит в крови, вся израненная. Тело ее трепещет, глаза закрыты, но губы еле заметно шевелятся, и с них слетает тихий шепот:

— Ах, злосчастный изменник! Ах, жестокий притеснитель! Так-то ты отплатил за все добро и любовь? Что ж, ударь еще! И пусть рассудит нас бог!

С этими словами она, все так же не приходя в себя, спрятала лицо под край покрывала, а на меня даже и не взглянула.

Я же, увидев ее и услышав подобные речи, прямо ошеломенел. «Какой бессовестный тиран и почему изранил это чудное создание? — подумал я. — Что взбрело ему в голову, и как поднялась на нее его рука? Она ведь до сих пор сохранила в сердце любовь, раз даже в предсмертном бреду вспоминает о нем». Так рассуждал я сам с собой, и голос мой коснулся ее слуха. Отодвинув слегка покрывало, она посмотрела на меня. Лишь только мои глаза встретили ее взор, голова у меня закружилась и чувства пришли в смятение. С трудом я взял себя в руки и, набравшись отваги, спросил:

— Скажите всю правду: кто вы и что с вами случилось? Если я это узнаю, сердце мое успокоится.

— Спасибо, — ответила она чуть слышно, говорить ей едва хватало сил. — Сами видите, как я изранена. Что я могу рассказать! Я здесь минутная гостья. А когда дыхание покинет меня, ради бога, будьте так благородны, похороните меня, несчастную, где угодно, прямо в этом же сундуке. Тогда я смогу избежать пересудов и добрых и злых людей, а вас бог наградит. — И она замолчала.

Ночью я ничего не мог предпринять. Я только перенес сундук к своей стоянке и принялся считать часы до рассвета: когда же, наконец, пройдет эта ночь, зардеет заря и я смогу войти в город, чтоб, не жалея сил, разыскать все, чем только можно помочь ей. Остаток ночи тянулся так долго, что сердце у меня совсем истомилось. Не раз я взывал к богу, прежде чем дождался наступления утра. Но вот пропел петух и послышались людские голоса. Тогда, прочтя утренний намаз и взвалив сундук на седло, я, лишь только открылись ворота, вошел в город. У всех встречающих и лавочников я спрашивал, где сдаются внаймы помещения. После долгих поисков мне удалось, наконец, найти дом, красивый, новый, удобный, и я решил в нем остановиться. Прежде всего я вынул красавицу из сундука и уложил ее на мягкую постель. Потом оставил при ней надежного человека, а сам вышел на поиски лекаря.

— Кто в этом городе искусный хирург и где его можно найти? — спрашивал я каждого встречного.

— Есть один цирюльник, сведущий в хирургии и в врачевании, он очень искусен в этих делах, — ответил мне кто-то. — Принесите к нему покойника, так он, по божьей воле, найдет такие средства, что и к тому вернется душа. Живет он в этом квартале, и зовут его Иса.

Вне себя от такой радостной вести, я бросился, куда было указано, и скоро достиг дома этого человека. У дверей я увидел седобородого старца; вокруг него несколько человек растирали какие-то мази. Стараясь польстить, я очень почтительно обратился к нему:

— Я пришел, потому что узнал ваше имя и прослышал о ваших достоинствах. Дело вот в чем: я покинул родину, чтобы заняться торговлей, и взял с собой жену, которую страстно люблю. Когда мы уже приблизились к вашему городу, сгустились сумерки. Ехать ночью по незнакомой стране я не решился, пришлось расположиться в поле под деревом. Под утро налетели разбойники и ограбили все наше имущество. Срывая с моей жены драгоценности, они ранили ее, а я ничего не

в силах был сделать. Кое-как протянул я остаток ночи; с рассветом вошел в город, снял себе дом и, уложив жену в постель, прибежал к вам. Господь наделил вас великим совершенством. Смилуйтесь над путником, пожалуйста в мой нищий дом * и осмотрите ее. Если вы сохраните ей жизнь, то возвеличится ваша слава, а я на всю жизнь останусь вашим рабом.

Хирург Иса был очень сострадательный и благочестивый человек. Он сжалился над моею бедой и вместе со мной отправился ко мне в дом. Едва лишь взглянув на раны этой женщины, он сразу же утешил меня.

— По милости божьей,— сказал он,— раны этой госпожи затянутся раньше, чем пройдет сорок дней, а тогда я прикажу совершить исцелительное омовение.

И вот этот божий человек очистил все ее раны и промыл их соком дерева ним *. Потом он зашил те, какие нашел возможным, а на другие, вынув из своей сумки шкатулку с лекарствами, наложил либо компрессы, либо сухие повязки.

— Я буду приходить два раза в день,— сказал он с редкостной добротой.— Ты же следи внимательно, чтобы она не делала резких движений, от которых могут повредиться швы. Для поддержания сил корми ее куриным бульоном и давай почаще напиток из сока бедмушка * с розовой водою.

С этими словами он распрощался. Рассыпаясь в благодарностях и сложив почтительно руки, я пожелал ему благополучия и отпустил, одарив духами и бетелем *.

День и ночь проводил я в заботах о своей пери * и даже отдыхать себе запретил. Каждый день я молил бога, чтобы она выздоровела. К счастью, вскоре прибыл купец, который привез мне мое имущество. Я продал все товары за первую цену, какую за них предложили, и принялся тратить деньги на лекарства. Хирург постоянно навещал нас, и вскоре раны красавицы закрылись и стали заживать. Через несколько дней было совершено омовение, как полагается при выздоровлении. Меня охватила бурная радость; цирюльника Ису я на-

градил халатом и золотом, а прекрасную пери усадил на маснад, велел разостлать великолепный ковер. Богатая милостыня была роздана нищим — в тот день я чувствовал себя так, словно мне досталась власть над семью странами света *. Поправившись, красавица так расцвела, что лицо ее засияло, как солнце, озаряясь блеском чистого золота. Глазам нестерпимо было смотреть на ее красоту. Я служил ей беспрекословно и выполнял все, что она требовала. Гордая своей красотой и опьяненная властью, она, если и обращала иногда свой взгляд на меня, то лишь для того, чтобы сказать:

— Смотри! Если тебе дорого наше расположение, никогда не вмешивайся в наши дела. Все, что мы скажем, должно исполняться без оговорок. И не суйся не в свое дело, не то пожалеешь.

По обращению ее было видно, что моя преданность и покорность несомненно нравятся ей. Я ничего не делал сам без ее согласия и всем ее приказаниям подчинялся с полной готовностью. Некоторое время все шло хорошо и спокойно. Чего бы ей ни хотелось, я тотчас же доставал. Но вот настал день, когда все товары, какие у меня были, весь капитал и вся прибыль — все разошлось. Кто поверит мне в долг в этой незнакомой стране? Начались затруднения с самым необходимым. Сердцем моим овладела забота; от тягостных мыслей я начал худеть, а лицо мое потемнело. Все думал, к кому обратиться, но понапрасну — бедняк ведь сам несет свое горе.

И вот однажды прекрасная пери со свойственной ей проницательностью угадала мое состояние и обратилась ко мне:

— Эй, как тебя! Твоя верная служба неизгладимо запечатлелась у меня в душе, но вознаградить тебя за нее я сейчас не могу. Если же тебя одолевают заботы о каких-нибудь расходах, выбрось их из своего сердца. Подай мне листок бумаги, чернильницу и калам *.

Я тут же смекнул, что это, наверно, шахская дочь из какого-нибудь государства, раз она ведет столь воз-

вышенные речи, и мигом принес ей принадлежности для письма. Красавица написала письмо и вручила его мне.

— Поблизости от крепости,— сказала она,— есть ворота с тремя арками. Там в переулке стоит огромный дом. Хозяина дома зовут Сиди Бахар *. Пойди и доставь ему эту записку.

Исполняя ее повеление, я по указанным признакам добрался до места и послал привратника доложить о письме. Тотчас же вышел ко мне молодой привлекательный эфиоп с изящным тюрбаном на голове. Лицо его хоть и было темным, но словно светилось умом. Он принял из моих рук письмо и, ничего не сказав, ничего не спросив, удалился внутрь дома. В скором времени он вернулся с одиннадцатью невольниками. Каждый из них нес на голове по подносу с запечатанным парчовым кошельком.

— Следуйте за этим молодым человеком,— велел он, указав на меня,— и доставьте ему свою ношу.

Поклонившись, я двинулся обратно и привел их к своему дому. Невольников я отпустил у дверей, а подносы взял и поставил перед своей пери. Взглянув на них, она сказала:

— Здесь одиннадцать кошельков с золотом. Возьми их и употреби на расходы. Господь — наш кормилец.

Получив деньги, я принялся тратить их на все, что было нужно; но, хотя и избавился от прежних забот, в душе моей зародилось сомнение. «Боже мой! — думал я.— Что это такое? По одному лишь клочку бумаги незнакомый человек иноземного вида, не спросив ни о чем, отдал мне такое богатство! Если бы разузнать об этом таинственном деле у моей пери! Так нет! Она ведь заранее запретила мне любопытствовать». Боясь ее гнева, я и слова молвить не смел.

Через неделю возлюбленная обратилась ко мне:

— Всевышний даровал людям одежду высоких человеческих свойств, которая не пачкается и не рвется. Но, хотя старое платье и не меняет существа человека, в глазах творений Аллаха оно не внушает почтения.

Возьми два кошелька золота, пойди в лавку купца Юсуфа, что находится посредине базара, и купи на эти деньги драгоценных украшений и два самых роскошных халата.

Я сразу же сел на коня и подъехал к той лавке. Гляжу — сидит в ней на подушке прекраснейший юноша в шафранных одеждах, и сила его красоты такова, что целая толпа запрудила базар, чтобы полюбоваться им. Я приблизился к нему, объятый восторгом, и произнес: «Мир вам», — потом сел и спросил, что мне было нужно. Говор мой отличался от речи жителей города, и хозяин лавки это заметил:

— Все, что господину угодно, у нас имеется, — радужно отвечал он. — Соизвольте только сказать, из какой страны вы приехали и что заставляет вас жить в чужом городе? Поведайте нам о себе, будьте так благосклонны.

Мне совсем не хотелось открывать свое положение. Придумав какую-то отговорку, я забрал платье и драгоценности, расплатился за них и стал прощаться. Молодой купец помрачнел.

— Эх, господин! Если вы стремитесь уклониться от знакомства со мной, — сказал он, — то зачем же вы приветствовали меня так дружески? У добрых людей хороший привет ценится высоко.

Это было сказано так деликатно и с таким чувством меры, что поневоле покорило мое сердце. После такого упрека просто встать и уйти было бы бесчеловечно. Чтобы доставить ему удовольствие, я снова сел и сказал:

— Я покоряюсь вам душою и сердцем и готов служить вам.

Это его очень обрадовало.

— Если вы сегодня почтите своим присутствием мой жалкий дом, — сказал он, просяив, — то, составив благодаря вам веселое общество, мы потешим душу час или два и посидим вместе за едой и питьем.

Я еще ни разу не оставлял свою пери одну и, вспомнив сейчас о ее одиночестве, стал подыскивать разные

извинения, но молодой купец и слушать ничего не хотел. Только взяв с меня обещание, что я вернусь тотчас, как отнесу ей покупки, и, заставив в этом поклясться, он разрешил мне уйти. Выйдя из лавки, я доставил драгоценности и халаты своей госпоже.

Она спросила, сколько я за них заплатил и каков был сам ювелир. Я рассказал ей, как покупал и как хозяин настойчиво звал меня в гости.

— Человек должен твердо держать свое слово,— сказала она.— Оставь меня под защитой бога и исполни, что обещал. Сам посланник Аллаха заповедал нам принимать приглашение на пир.

— Сердце мое не велит мне оставлять вас одну,— ответил я.— Но, раз таково ваше желание, я пойду против своей воли, и, пока не вернусь, душа моя не увидит покоя.

С такими словами я отправился обратно в лавку ювелира. Он уже ждал меня, сидя на пороге.

— Входите, любезный,— сказал он, увидев меня.— Вы долго заставили себя ждать,— и, тотчас же поднявшись, он взял меня за руки и повел за собою.

Он привел меня в сад, дивный своей красотой: в бассейнах и вдоль ручейков били фонтаны, деревья сгибались под бременем зреющих плодов, разноцветные птички оглашали все вокруг своим щебетаньем, а великолепные залы стоящего среди сада дома были устланы роскошными коврами. Усадив меня в беседке на берегу ручья, он на мгновение исчез и появился снова уже в другой, подобающей случаю одежде.

— Великий боже! Прочь дурной глаз! — вскричал я, увидав его в таком виде.

— Хорошо бы, если б и господин сменил свое платье,— ответил он улыбаясь.

Уступая его желанию, я тоже переоделся.

Мой хозяин приготовил роскошнейший пир — не забыли ничего, что могло бы служить наслаждению. Он тепло принял меня и повел приятную беседу. Между тем явился виночерпий с кувшином и хрустальной ча-

шей; принесли разные фрукты и сладости, собрали на стол, и вино полилось. Когда настал черед третьей или четвертой чаши, вошли четверо прекрасных, ни разу не бривших еще бороды юношей с распущенными кудрями и принялись петь и играть. В музыке их было столько чувства и стройности, что появившись в тот час сам Тан Сен *, он забыл бы свои мелодии, а Байджу Бавра * сошел бы с ума от их искусства.

Вдруг посреди развлечений грусть овладела хозяином дома.

— Ведь мы с вами уже подружились,— обратился он ко мне, роняя невольные слезы,— а скрывать от друзей сердечную тайну не принято ни в какой вере. Поэтому я без церемоний обращаюсь к вам с просьбой: если вы ничего не имеете против, я позову сюда мою возлюбленную и утешу тем свое сердце. Без нее душа не знает покоя.

Его слова дышали такой страстью, что, еще не видев возлюбленной ювелира, я уже проникся к ней чувством.

— Ваше счастье — мое желание,— отвечал я.— Что может быть лучше?! Не медлите! Поистине, без любимой не мило ничто.

Юноша обернулся к ширмам и подал знак, и тотчас же вышла и села с ним рядом женщина, черная и безобразная, словно ведьма. От одного ее вида можно бы умереть раньше времени. Глядя на нее, мне стало страшно, а про себя я подумал: «Этакое чудовище — возлюбленная такого красивого юноши. И он еще говорит о ней с восторгом и страстью!» Тихо прочел я заклинание и ничего не сказал.

Трое суток предавались мы вместе вину, песням и радостям; на четвертую ночь опьянение и усталость победили нас. Не помню как, я заснул мертвым сном. Наутро хозяин разбудил меня и, дав несколько чашек отвлекающего напитка, взял за руки и помог мне подняться. Тут я попросил отпустить меня. Довольный моим посещением, он не возражал.

— Нехорошо больше утруждать гостя,— сказал он своей подруге.

Тогда я быстро надел свои старые одежды и, вернувшись домой, предстал перед пери. До сих пор ни разу еще не случилось, чтобы я провел где-нибудь целую ночь, а ее оставил одну. Смущенный своим трехдневным отсутствием, я просил у нее извинения и в оправдание рассказал все о пиршестве и о том, что хозяин не хотел отпустить меня раньше.

Она хорошо знала обычаи света.

— Что за беда, если пришлось задержаться для друга,— сказала она, улыбаясь.— Я уже все простила. В чем ты виноват? Когда человек приходит в чей-нибудь дом, то только по воле хозяина он может покинуть его. Но я хочу сказать о другом: ты ел, пил и развлекался в гостях; что же, на этом и успокоишься или отблагодаришь его тем же? Надо, чтобы ты пошел и привел этого молодого купца к себе в гости и задал бы ему пир вдвое роскошнее. А об устройстве не беспокойся, с божьей милостью все, что нужно, вмиг будет готово, и празднество получит должный блеск.

Я послушался и пошел к ювелиру.

— Ваше желание я выполнил беспрекословно,— сказал я ему,— теперь и вы, следуя пути благосклонности, примите мою покорную просьбу.

— Я ваш душою и сердцем,— ответил он.

— Если вы пожалуете в дом вашего покорного слуги,— продолжал я тогда,— вы окажете мне величайшую милость.

Молодой человек долго отнекивался и извинялся, но я не отставал, пока не добился согласия. Тут же я повел его к себе, а по дороге все размышлял, как бы устроить ему такой прием, чтобы он был доволен. «Вот веду я его с собой,— думал я,— а что из этого выйдет?»

С такими тревожными мыслями я приблизился к дому. И что же вижу! Какое великолепие! Улица подметена и полита водою, расставлены стражники и була-

воносы. Я изумился: туда ли я попал? — но, признав свой дом, решился войти. Гляжу: по всем комнатам разостланы великолепные ковры, каждый на подобающем месте; разложены маснады и расставлены в строгом порядке шкатулки с бетелем, кувшины с розовой водой, коробочки с благовониями, плевательницы *, букеты цветов и вазы с нарциссами. В нишах лежат всяких сортов апельсины и разнообразные сласти. Тут за ширмами из разноцветной слюды пылают светильники, там — сияют люстры и канделябры в форме кипариса и лотоса, а по всей зале и галереям расставлены ароматные камфарные свечи в подсвечниках из чистого золота и развешаны усыпанные самоцветами фонари. Люди стоят наготове, каждый там, где велит его должность. В кухне звенят посудой; на серебряных подносах расставлены завязанные кисеей кувшины и накрытые крышками сосуды с теплой водой, дальше, на столике, на блюде под крышкой, разложены ковши и чаши; большие кувшины стоят во льду, и длинногорлые бутылки покачиваются, охлаждаясь в растворе селитры. Можно сказать, все готово для царского пира. Собрались танцовщицы, шуты, мальчики-танцоры, музыканты, певцы — все в красивых одеждах; они пробуют струны своих инструментов.

Я ввел гостя и усадил его на маснад, а сам не мог опомниться от удивления: «О Аллах! Как можно было обставить так дом за такое короткое время?» Оглядываясь по сторонам, я не видел нигде и следа своей пери. Пошел искать ее и добрался до кухни. Смотрю, сидит там моя красавица в шальварах и курти *, на голову наброшен белый платок — одета просто, безо всяких украшений.

Зачем драгоценности той, которой дана красота,
Взгляни, как прекрасна луна, хотя на ней
нет украшений.

Она вся ушла в заботы об угощении, и сама пробует каждое блюдо, чтобы кушанья были как можно

вкуснее, содержали необходимые приправы и обладали должным ароматом. От этих трудов ее тело, подобное розе, оросилось каплями пота.

Подойдя, я склонился перед ней и принялся слово-словить, вознося ее ум и способности. В ответ на мои льстивые речи она нахмурила брови.

— Человеку подвластно многое, что лежит за пределами способностей ангелов. Что такого я сделала, чем ты так изумлен? Ты и без того сказал много слов, которые мне неприятны. Скажи лучше, разве учтиво бросить гостя без внимания, а самому ходить неизвестно где? Что он может подумать? Сейчас же иди, займи свое место и услаждай гостя, да позови еще его возлюбленную и усади ее рядом с ним.

Я тотчас же пошел к юноше и окружил его радушным вниманием. Между тем перед нами предстали два раба редкостной красоты. Они принесли кувшин и осыпанные жемчугом чаши и принялись наливать нам вино.

— Я во всем ваш верный слуга,— обратился я тогда к гостю.— Хорошо бы, чтоб владычица красоты, к которой проникнуто склонностью сердце моего господина, тоже пожаловала сюда. Это было бы великолепно. Если вы соизволите, я тотчас же pošлю человека пригласить ее.

— Превосходно! — вскричал он с радостью, лишь только услышал это.— Вы высказали сейчас как раз то, что лежало у меня на душе.

Я отправил за ней одного из своих слуг, и вскоре после полуночи, словно нежданное бедствие, эта ведьма явилась к нам в роскошных носилках. Ради своего гостя мне поневоле пришлось оказать ей любезную встречу. Приветливо, как только мог, я ввел ее и усадил рядом с ним. При виде ее мой гость так обрадовался, словно обрел все блага мира, а сама дьяволица повисла на шее прекрасного юноши — поистине, выглядело это подобно тому, как на сияющий лик полной луны находит темная гуча. Все приглашенные разделить наше общество за-

мерли в изумлении. «Что за беда свалилась на этого юношу?» — думал каждый из них. Все взоры обратились туда; забыв о праздничных зрелищах, присутствующие не сводили с них глаз.

— Друзья! — сказал один из гостей. — Сердце и рассудок непримиримы: что откажется вместить в себя ум, то покажет вам сердце — этот безбожник. Взгляните на Лейли глазами Меджнуна *.

— Поистине, так оно и есть, — хором ответили все.

Я неотлучно был при гостях, как приказала мне моя пери. Хотя юноша настоятельно приглашал меня разделить с ним чашу и трапезу, но, боясь прогневить свою пери, я не мог расположить себя ни к еде, ни к питью, ни к развлечениям и отказывался ото всего, говоря, что занят с гостями. Так прошло трое суток; на четвертую ночь он позвал меня и с жаром принялся говорить:

— Теперь нам пора уходить. Забросив ради вас все дела, мы находимся в вашем распоряжении целых три дня. Хоть напоследок присядьте с нами и порадайте наше сердце.

«Если я и теперь его не послушаюсь, — подумал я, — то он обидится, а ведь к новому другу, когда он твой гость, надо быть особенно внимательным». И тогда я сказал:

— Я должен исполнить просьбу господина, ибо учтивость превыше всего.

Лишь только юноша услышал мой ответ, он подал мне чашу, и я опорожнил ее одним духом. А потом пошли обносить вином беспрерывно, так что скоро все участники пира опьянели до невменяемости, и я сам свалился без памяти.

Когда наступило утро и солнце поднялось ввысь на два копья, я открыл глаза, но не увидел ни прежнего убранства, ни общества, ни своей пери — осталась только пустая зала. Лишь в одном углу что-то было прикрыто покрывалом. Приподняв его, я увидел, что мой молодой гость и его возлюбленная оба лежат под ним обезглавленные. Эта картина ошеломила меня. Я не мог

понять, что произошло здесь за время моего сна. В изумлении я озирался по сторонам. Тут я заметил того евнуха, который хлопотал над приготовлениями к пиру. При виде его я немножко пришел в себя и стал расспрашивать, как все это случилось.

— Какой вам прок знать это? — ответил он мне.

Хорошенько подумав, я решил, что он прав.

— Ладно, не надо, — произнес я после некоторого колебания. — Скажи только, где сейчас госпожа?

— Извольте, что знаю, то расскажу, — отвечал он тогда. — Но как понимать, что такой умный человек, как вы, позволил себе без согласия госпожи, опираясь лишь на случайное знакомство, грубо и бесцеремонно предаться пьянству с чужим человеком?

Я был подавлен своим поступком и назиданием евнуха.

— Теперь дела уже не поправишь, — было единственное, что я нашелся сказать.

Наконец евнух сжалился надо мной и сказал, где искать мою пери. Озабоченный тем, как похоронить тела обоих убитых, он ушел, а я, сняв с себя подозрение в этом злодействе, страстно думал лишь об одном: как найти свою пери. Спотыкаясь и падая, бродил я по городу и только к вечеру добрался до улицы, о которой рассказывал евнух. Дожидаясь утра, я всю ночь провел в беспокойстве у дверей ее дома. Но ничьих шагов не было слышно за ними, и никто не вышел спросить, что со мною. Так в одиночестве меня застало утро. Когда взошло солнце, в одном из окон верхнего этажа показалась моя луноликая и стала глядеть на меня. О радости, охватившей меня в это время, знает одно только сердце.

Через некоторое время ко мне вышел евнух.

— Идите вон в ту мечеть и ждите, — сказал он. — Может быть, желанье ваше исполнится, и вы получите то, к чему стремитесь ваше сердце.

Вняв его совету, я отправился в мечеть. Но, сидя там, я не мог отвести глаз от двери — хотелось скорее уви-

деть, что покажется из-за завесы таинственного. Весь день я провел в таком же нетерпении, с каким тот, кто постится, с самого утра ждет наступления сумерек. Наконец приблизился вечер, и день, как тяжелая гора, свалился с моего сердца. Вдруг в мечеть вошел тот самый евнух, который рассказал мне, как найти дом моей пери. Окончив вечерний намаз, этот добрый человек, поверенный всех ее тайн, обратился ко мне со словами утешенья и, взяв меня за руку, повел за собой. Он привел меня в небольшой садик и, усадив там, сказал:

— Оставайтесь здесь, пока не сбудется ваше желание, — а сам ушел, наверно, чтобы рассказать обо мне госпоже.

Я вдыхал свежесть цветов этого сада, видел блеск лунного света, любовался фонтанами в водоемах — их струи, казалось, танцевали в серебристых лучах; но когда я глядел на цветы, то думал о той, чье тело прекраснее розы; когда взор мой поднимался к луне, я вспоминал лицо луноликой; и без нее все это великолепие являло меня словно шип.

Но вот всевышний смягчил ее сердце, и она вышла из дверей, словно луна в полнолуние. На плечах ее было платье с парчовой каймой, обшитое жемчугом; на голове — покрывало, конец которого спускался волной до самых браслетов на щиколотках; вся с головы до пят она сверкала драгоценными камнями. Красавица прошла по аллее и остановилась. Ее появление наполнило сад новой свежестью, легче стало и у меня на душе. Прогулявшись немного по саду, она поднялась на балкон и села на возвышении, где лежал парчовый маснад и подушки. Я подбежал к ней, влекомый той же силой, что заставляет мотылька кружиться около свечи, и покорно, как слуга, встал, сложив руки. Тем временем евнух, мой заступник, доложил обо мне.

— Я низкий раб, грешный и преступный, — сказал я, обращаясь к ней. — Пусть будет мне назначено любое наказание, какое только я заслужил.

Пери была очень недовольна мной.

— Теперь тебе лучше всего,— сказала она с неприязнью,— получить сто кошельков золота, собрать все свои вещи и отправиться обратно на родину.

При таких словах я весь словно одеревенел и высох. Рассеки кто-нибудь в этот момент мое тело, не пролилось бы, наверно, ни капли крови. В глазах у меня потемнело, вздох отчаянья невольно вырвался из самого сердца, с ресниц упали тяжелые слезы. В тот миг не на кого было мне уповать, кроме бога.

— Ладно,— сказал я, совсем отчаявшись,— хоть немного рассудите в сердце своем: будь у меня, злополучного, хотя капля алчности к мирским богатствам, разве стал бы я губить ради вас свою жизнь и имущество? Неужели преданность и самоотверженность больше не ценятся в мире, раз вы с таким бессердечием отнеслись ко мне, злосчастному? Что ж, теперь мне и жизнь ни к чему — измена возлюбленной лишает несчастного влюбленного охоты продолжать его жалкое существование.

— Скажите, пожалуйста! — нахмутив брови, едко и с гневом отозвалась она. — Вы влюблены в нас?! И лягушку прохватила простуда? Глупец! Из крохотных уст да великие речи! Можно подумать, что тебе все дозволено! Хватит, молчи! Прекрати этот бессмысленный разговор! Будь на твоём месте кто-нибудь другой, клянусь творцом, коршуны уже давно по кускам растащили бы его тело. Но что мне делать с тобой? Я ведь не забыла твоей службы. Однако теперь тебе лучше всего отправиться своим путем; ты уже получил от нас все, что уготовила тебе здесь судьба.

И все же я со слезами и плачем сказал:

— Если мне написано на роду не достигнуть цели, которая влечет мое сердце, и, рискуя свернуть себе шею, блуждать по горам и лесам, то я перед этим бессилен.

— Мне не нравятся эти мерзкие домогательства и намеки,— отвечала она, еще сильнее разгневанная моими словами. — Иди, веди свой иносказательный разговор с тем, кому он больше подходит.

Затем, все так же сердито, она поднялась и удалилась в свою благословенную обитель. Я еще ниже опустил голову, но она не обратила на это внимания. Поневоле и я ушел оттуда, охваченный тоской и отчаянием.

Сорок дней прошло в тяжких страданиях. Когда я уставал скитаться по городу, то отправлялся бродить в леса; когда же становилось невозможно и там, снова, словно безумный, слонялся по улицам. Я не ел целыми днями и не спал по ночам, как собака прачки, которой нет места ни дома, ни на берегу *. Но жизнь поддерживается пищей, человек — хлебный червь, и тело мое без еды вскоре вовсе лишилось сил. Совсем больной свалился я под стеной той самой мечети, где когда-то ждал свою пери. И вот однажды пришел на пятничную молитву знакомый мне евнух. Он прошел мимо, чуть не задев меня, а я еле слышным от слабости голосом читал такое двустишие:

Любовью ранен я; не знаю,
жизнь или смерть мне суждена.
С судьбою спорить безрассудно,
но пусть торопится она.

Хотя внешне я сильно изменился и в лице так осунулся, что никто из видевших меня раньше теперь ни за что не узнал бы, все же евнух, услышав голос боли, остановился. Внимательно взглядевшись, он горестно вскрикнул и сочувственно обратился ко мне, расспрашивая, как я дошел до такого состояния.

— Того, что свершилось, теперь уже не исправить, — сказал я ему. — Я пожертвовал ей всем, что у меня было, жизни своей не жалел; но, раз такова ее воля, что же мне еще делать?

Выслушав это, он оставил со мной одного из своих слуг, а сам удалился в мечеть. Когда, окончив намаз, он вышел оттуда, то уложил меня на носилки и велел нести за собой к той бессердечной красавице. Там он усадил меня перед ширмой, за которой она находилась. Хотя от моей былой красоты ничего не осталось, она не

могла не узнать меня — ведь я провел с ней рядом много дней и ночей. И все же пери сделала вид, что не знает меня.

— Кто это? — спросила она евнуха.

— Это тот злополучный бедняк, — отвечал сей добрый человек, — который вызвал ваш гнев и впал у вас в немилость. Из-за этого он и дошел до такого вот вида. Пламя любви сжигает его. Как он ни заливают его потоками слез, оно разгорается сильнее и сильнее, и никакого облегчения он не испытывает. Вдобавок он умирает от стыда за свою вину.

— Зачем ты болтаешь вздор? — возразила пери с насмешкой. — Уже много дней, как мои люди донесли мне, что он вернулся на родину. Конечно, Аллах лучше знает. Но все-таки кто же это? О ком ты говоришь?

— Если мне будет дарована жизнь, я все объясню, — взмолился тогда, сложив руки, евнух.

— Говори, я дарую ее тебе, — получил он ответ.

— Вы сами от природы справедливый судья, — сказал евнух. — Бога ради, соизвольте приоткрыть ширму, которая отделяет вас от него, узнайте этого человека и смилуйтесь над его беспомощностью. Нехорошо оставаться неблагодарной. Сколько бы жалости вы ни проявили к нему в этой беде, все будет уместно, и вам за это воздастся. А давать советы, что делать дальше, мне не подобает. Что придет на ум вашей милости, то и будет лучше всего.

— Хорошо, — улыбаясь, ответила она. — Кто бы он ни был, возьмите его на лечение. Когда же он хорошенько поправится, мы сами расспросим его.

— Если вы собственноручно окропите его розовой водой да при этом еще произнесете что-нибудь своими устами, — продолжал евнух, — то к нему вернется желание жить. Разочарование — дурная вещь. Мир держится надеждой.

На это пери ничего не сказала.

Слыша такой разговор, я совсем опечалился и, не колеблясь больше, воскликнул:

— Душа моя не хочет терпеть такой жизни! Я уже стою одной ногой в могиле. Смерть моя близка, а исцеленье — в руках царевны; даст она мне его или нет — ей лучше знать.

Видно, всевышний повелитель сердец смягчил душу жестокосердной красавицы.

— Приведите скорее шахских врачей,— приказала она, сменив гнев на милость.

Тотчас собрались лекари. Они пощупали у меня пульс, посмотрели мочу и долго совещались между собой. Наконец они сошлись на том, что пациент страстно влюблен: для него нет другого лекарства, кроме встречи с любимой; лишь только он обретет ее, как сразу поправится. Когда и устами врачей была подтверждена у меня та же болезнь, о которой говорил евнух, царевна приказала, чтобы меня отвели в горячую баню, хорошенько вымыли, одели в красивое платье и доставили к ней. Без промедления меня повели, вымыли в бане, нарядили в лучшие одежды и доставили назад к этой пери.

Тогда красавица с жаром сказала:

— Ты напрасно оскорблял и порочил меня. Чего ты теперь еще хочешь? Выскажи начистоту все, что лежит у тебя на душе.

О факиры! Меня охватил такой восторг, что я от него чуть не умер. Радость моя так стремилась наружу, что я не чувствовал ног под собой, и даже мой облик совсем переменился от счастья. Я возблагодарил бога и отвечал ей:

— Сейчас вы сделали ненужной всю врачебную науку: ведь я был совсем уж покойником, а вы оживили меня в один миг. Посмотрите! Какая разница между тем, чем я только что был, и чем стал теперь!

Произнося это, я трижды обошел вокруг нее, чтобы показать свое уважение к ней и признательность. Потом, остановившись перед ней, продолжал:

— Госпожа мне приказывает, чтобы я поведал ей все, что у меня на душе. Для меня, вашего раба, дороже

власти надо всем миром, чтобы вы проявили величайшую благосклонность: допустили к себе меня, недостойного, и возвысили бы разрешением облобызать стопы ваши.

Она выслушала меня и погрузилась в раздумье, потом, потупив глаза, сказала:

— Садитесь. Вы нам служили столь преданно, что все, что вы ни попросите, будет уместно. Ваши заслуги запечатлены в сердце нашем. Хорошо, мы согласны с тем, чего вы хотите.

В тот же день, в добрый час и благоприятный момент кази * без лишнего шума поженил нас. Наконец-то после стольких тягот и несчастий господь дал мне увидеть день, когда исполнилось мое сердечное стремление! Но как раньше сердцем владело желание соединить свою жизнь с этой пери, так теперь душу мою охватила жажда понять все те удивительные дела, свидетелем которых я был. Ведь до сих пор я не знал, кто моя пери и кто был тот красивый эфиоп, который по одному лишь клочку бумаги вручил мне столько кошельков с золотом. Как за такое короткое время могло появиться все убранство пира, достойного падишахов? Почему те двое невинных были убиты на этом пиршестве? Что за причина навлекла на меня, несмотря на мое послушание и покорность, безжалостный гнев моей пери и почему теперь она вдруг меня так возвысила? Из-за этого целую неделю после совершения свадебного обряда я, хоть и питал сильную страсть к ней, был не в силах предаться радостям любви. Ночью мы ложились в одну постель, но на деле я не стал ей супругом.

Раз утром, намереваясь совершить омовение, я велел служанке согреть немного воды. Госпожа с улыбкой спросила:

— На что тебе теплую воду? *

Я промолчал, хотя давно уже заметил, что пери недовольна моим поведением.

— Что за странный вы человек: то так горячи, то столь холодны,— наконец сказала она мне однажды.—

Как это назвать? Если в вас нет мужской силы, то к чему было это нелепое стремление жениться на мне?

— О любимая! — ответил я тогда, не раздумывая. — Будьте же справедливы. В своем суждении никто не должен уклоняться от беспристрастия.

— Какая остается еще справедливость? — спросила она. — Что было можно, все уже сделано.

— Действительно, мое самое большое желание исполнилось, — сказал я, — но в сердце моем царят сомнения; а у того, кем владеет раздумье, душа беспокойна, и потому он становится ни к чему не способным и не походит на обычных людей. Я поклялся себе, что после нашей свадьбы, поистине напоившей радостью мое сердце, я расспрошу вас о многих вещах, которые не вмещает мой ум и смысл которых мне самому не раскрыть. Когда из благословенных уст ваших я услышу повесть о них, покой снизойдет на мою душу.

— Ах вот что! — нахмурила она лоб. — Неужели вы так скоро забыли? Так вспомните! Сколько раз я говорила вам: не вмешивайтесь никогда в мои дела и ни о чем не спрашивайте. Зачем понадобилось вам, не в пример обычаю, позволить себе такую неучтивость?

— Раз вы простили другие дерзости, так простится и эта, — засмеялся я.

Красавица гневно сверкнула очами и воскликнула, пылая гневом, как огненный вихрь:

— Ты что-то чересчур задрал голову! Иди займись своим делом! Что за польза тебе знать эти вещи?

— Нет большего стыда в мире, чем показать другому свое обнаженное тело, — отвечал я. — Но настолько мы уже знаем друг друга. Теперь, когда сердце даже с этим смирилось, что еще может заслуживать тайны?

— Это верно, — подумав, согласилась она. — Но предчувствие говорит мне, что, если секрет мой откроется, произойдет большая беда.

— Что вы! — вскричал я. — Неужели я не заслужил доверия? Вы можете спокойно поведать мне все, что с

вами случилось, и я сокрою это в сердце своем и никогда в жизни не выдам вашу тайну. Как же сможет она дойти до чьих-либо ушей?

Когда она увидела, что отделаться от меня, не раскрыв мне секрет, невозможно, ей поневоле пришлось говорить.

— Разглашение моих дел сулит многие неприятности, но ничего не поделаешь, ты слишком настаивал. Что же, я хочу доставить тебе утешение, поэтому расскажу свою историю. Но помни, ты должен держать ее в тайне.

Предупредив меня строго-настрого, она приступила к рассказу.

— Я, злосчастная,— начала она,— дочь падишаха страны Димашк. Мой отец — величайший из султанов, и других детей, кроме меня, у него не было. С самого дня своего рождения я воспитывалась под родительской опекой в ласке и неге, окруженная счастьем и радостью. Когда я немного вошла в разум, у меня обнаружилась склонность к красивым и привлекательным лицам, поэтому в подружки мне были даны самые прекрасные девушки из благородных семей, прелестные, как дочери пери, а прислуживали мне лучшие из хорошеньких рабынь и служанок, сверстниц моих. Я вечно любовалась танцами, услаждала свой слух пением, и не было мне никакого дела до мирской суеты. Глядя на свою беззаботную жизнь, я только и могла благодарить бога.

И вдруг мой характер сам собой так испортился, что ничье общество не стало мне нравиться и никакие веселые сборища меня больше не радовали. Словно черная немочь овладела мной: сердце погрузилось в печаль и расстройство, ни одно лицо мне не казалось больше приятным, разговаривать ни с кем не хотелось. Видя меня в таком состоянии, няньки и мамки, кормилицы и служанки — все до единой переполошились и сбились с ног, не зная как быть. Мою тоску заметил преданный евнух, которого ты уже знаешь,— он с давних пор был поверенным моих тайн, и я от него ничего не скрывала.

— Если царевна соизволит выпить немного настойки из листьев растения, которое называется «лист мечты»,— предложил он мне,— то здоровье ваше, наверно, поправится и жизнерадостность снова вернется к вам.

Совет его пришелся мне по душе, и я приказала, чтоб он поскорей доставил мне этот напиток. Евнух ушел и заботливо приготовил кувшинчик такого питья. Хорошенько охладив его на льду, он вручил сосуд мальчику и вместе с ним вернулся ко мне. Я выпила напиток и вскоре почувствовала, что его целебное действие вполне отвечает тому, что было обещано. Тогда в награду за эту услугу я подарила евнуху богатый халат и приказала, чтобы всегда в этот час мне доставляли такой же кувшинчик с напитком. С тех пор и повелось, что евнух все с тем же мальчиком приносил мне кувшинчик, а я его выпивала. Когда же опьянение давало себя знать, легкими волнами окутывая мой рассудок, я услаждала свое сердце шутками и забавами с отроком. А он, когда осмелел, начал говорить приятные сладкие речи и рассказывать изумительные истории; временами принимался даже вздыхать и плакать. И собою он был хорош — стоило посмотреть. Поневоле душа моя потянулась к нему. По склонности сердца, да и в благодарность за развлечения я каждый день что-нибудь дарила ему, но этот несчастный продолжал приходить ко мне в той же одежде, которую обычно носил,— грязной и рваной.

Однажды я спросила его:

— Ты столько всего от меня получаешь, а внешнестью своей пренебрегаешь по-прежнему. Что это значит? На что тратишь ты эти деньги? Или ты их, может быть, копишь?

Когда мальчик услышал мои участливые речи и увидел, что я о нем беспокоюсь, глаза его наполнились слезами.

— Все, что вы жалуете мне, вашему рабу,— сказал он,— забирает мой наставник, а мне не дает ни гроша.

Откуда же мне взять новое платье, в котором я мог бы явиться к вам? Я в этом вовсе не виноват. Что я тут могу сделать?

Весть о том, как ему приходится бедствовать, вызвала у меня сострадание. Я тотчас же приказала евнуху, чтобы с этого дня он взял мальчика к себе в обучение, велел сшить ему хорошее платье, да не давал бы ему попусту бегать и резвиться со сверстниками, а лучше, чтобы доставить мне удовольствие, поучил его хорошим манерам, подобающим слугам падишахов, и приставил его служить мне. Евнух сделал все, что было сказано, и, следуя моей воле, принялся за ним хорошенько присматривать. Вскоре досуг и хорошая пища сделали свое дело — внешность отрока совсем изменилась, будто он, как змея, сменил кожу. Как я ни сдерживала свои чувства, образ этого несносного отрока так глубоко проник в мою душу, так завладел ею, что я готова была носить его в своем сердце и ни на миг не отпускать с глаз своих.

Наконец, я взяла его к себе в услужение и, нарядив в роскошнейшие халаты и украсив всяческими драгоценными камнями, постоянно им любовалась. И вот благодаря тому, что он всегда был поблизости, в глазах у меня появился блеск счастья и тоска отлегла от сердца. Я думала о нем ежечасно и дошла до того, что если он хоть на миг отлучался по какому-нибудь делу, я не могла найти себе покоя.

Через несколько лет он возмужал: у него стали пробиваться усы, тело и грудь его окрепли. Тут между придворными пошли о нем толки. Привратники, слуги и стража перестали пускать его во дворец. Посещения его совсем прекратились, а я без него не знала покоя — каждый миг был мне тяжек. Когда же я поняла безнадежность своего положения, то почувствовала, точно надо мной разразилось страшнейшее бедствие, и в такое пришла состояние, что ни сказать ничего не могла, ни жить без него не хотела, а предпринять что-нибудь у меня уже не было сил. О Аллах! Что мне было делать?

Горе мое не поддавалось описанию. В расстройстве, я позвала к себе верного евнуха.

— Я хочу позаботиться об этом юноше, — заявила я ему. — По нынешним временам лучше всего будет дать ему тысячу золотых и построить ювелирную лавку на людном перекрестке базара * — на доходы с торговли он сможет безбедно существовать. А неподалеку от моего дворца постройте ему красивый дом для жилья, купите сколько нужно рабынь и рабов и наймите хороших слуг, чтобы он ни в чем не ощущал недостатка.

Так евнух и сделал. Он приготовил все, что было нужно юноше для жизни, а также для занятий ювелирным мастерством и торговлей. В скором времени лавка молодого ювелира так заблестала среди других и так прославилась, что когда шахскому двору или эмирам бывали нужны роскошные халаты и дорогие изделия из самоцветных камней, то покупали их только у него. Понемногу торговля его все расширялась, и вскоре в лавке юноши можно было найти любые заморские диковинки. Дела же других городских ювелиров пришли в упадок. Одним словом, никто в городе не мог с ним соперничать, да и в других странах не было ему равных.

В то время как он преуспевал, зарабатывая на своих делах сотни тысяч рупий, мое здоровье из-за разлуки с юношей изо дня в день ухудшалось. Я не могла придумать никакого способа встретиться с ним и облегчить свое сердце. В конце концов я обратилась за помощью к опытному в делах евнуху и сказала:

— Вели прокопать из его дома подземный ход во дворец. Другой возможности хоть на миг увидеть его я не могу найти, а сердце мое не хочет больше терпеть.

Через несколько дней, после того как я отдала этот приказ, подземный ход был готов, и каждый день, лишь наступали сумерки, евнух приводил ко мне юношу. Вся ночь протекала у нас за вином и едой в радостях и веселье. Встречи с ним приносили мне покой, а ему было приятно глядеть на меня. Когда же восходила утренняя звезда и муэzzин * возглашал призыв на молитву, евнух

тем же путем отводил юношу обратно. Кроме трех человек: этого евнуха да двух нянек, вскормивших и вспоивших меня, не было никого, кто знал бы об этом деле.

Так прошло некоторое время. Помню, однажды евнух, как обычно, отправился за юношей. Смотрит, он сидит молчаливо, погруженный в задумчивость.

— Все ли в порядке сегодня? — спросил евнух. — Почему вы такой грустный? Идемте, госпожа зовет вас.

Но тот ничего не ответил; даже уст не раскрыл.

Евнух вернулся ни с чем и доложил, в каком состоянии он застал юношу. Видно, дьявол мной овладел, раз даже это не заставило меня изгнать из сердца любовь. Если б я знала, что страсть к этому вероломному в конце концов покроет меня позором и бесчестьем, я тут же отвернулась бы и отреклась от него, забыла бы навсегда его имя и выкинула навек из своего сердца. Но случилось иное. Я не заподозрила его в недостойных намерениях, а то, что он не пришел, истолковала как кокетство и любовный каприз. Результат же вышел такой, что и тебе пришлось неожиданно столкнуться с этой историей. Не то, где бы теперь была я, а где ты? Ладно, что вышло, то вышло.

Так вот, не задумываясь глубоко над упрямством этого осла, я снова послала к нему евнуха и велела сказать так: «Если ты тотчас же не придешь, то я сама так или иначе проникну к тебе. Но мой приход будет связан с большой опасностью, потому что тебе придется очень плохо, если тайна наша откроется. Не доводи дела до того, что не даст иных плодов, кроме бесчестья, а лучше приходи поскорей; не то знай, я приду сама». Получив это сообщение и видя мою безудержную страсть, он сострис несчастное лицо и явился с лестью и обманом.

Когда он сел рядом со мной, я спросила его:

— Почему ты сегодня задержался и чем недоволен? Ты никогда не позволял себе такой дерзкой небрежности и всегда приходил без отговорок.

— Я, ничтожный бедняк, достиг такого высокого положения благодаря вашему вниманию и покровитель-

ству, и жизнь моя течет в полном довольстве,— отвечал он.— Я вечно молюсь за вашу жизнь и имущество. Грешен я, провинился, уповая на милость царевны. Надеюсь, вы простите меня.

Я любила этого юношу всем сердцем, поэтому поверила его притворным словам, не обратила никакого внимания на их лживость и даже ласково спросила:

— В чем встретилось тебе затруднение? Чем ты так озабочен? Расскажи — придумаем, как помочь твоему горю.

— Все, что затрудняет меня, когда я один, при вас становится легким,— ответил он все так же смиренно.

Смысл его дальнейших речей сводился к тому, что рядом с его домом, как раз в центре города, продается на редкость красивый сад с высоким домом, с бассейном, прудом и каменными колодцами. А в придачу к этому саду идет рабыня-певица, которой нет равной в музыкальном искусстве. Сад купить отдельно нельзя — продаются они только вместе, как верблюд с кошкой на шее *. Тот, кто возьмет этот сад, должен заплатить и за девушку, и самое хитрое то, что сад стоит лакх * рупий, а рабыня — пять лакхов. А таких денег ему, понятно, сразу взять неоткуда.

Я увидела, что стремление совершить эту покупку совсем захватило юношу и оттого сердце его полно волнения, а душа — беспокойства. И хоть он сидел рядом со мной, лицо его было печально. Мне же хотелось каждый час и каждое мгновение видеть его счастливым, поэтому я сразу же позвала евнуха и приказала, чтобы на следующий день поутру с покупкой сада и рабыни было покончено и бумаги на право владения тем и другим были составлены и отданы юноше, а бывшему хозяину их уплатили бы золотом из шахской казны. Едва услышав мое повеление, юноша рассыпался в благодарностях и лицо его оживилось. Вся ночь прошла у нас, как обычно, — смех и веселье не прекращались. На заре он удалился. Евнух купил сад и рабыню, и каждую ночь юноша по-прежнему продолжал приходить ко мне.

Как-то был чудесный весенний день: по небу медленно проплывали облака, моросил мелкий дождичек, поблескивали молнии и веял нежнейший ветерок *. Вдруг взгляд мой упал на полку с разноцветными бутылками и кувшинами, и меня потянуло выпить глоток вина. После двух-трех бокалов я вспомнила о недавно купленном саде. Неудержимо захотелось тотчас же по нему прогуляться. Говорят ведь: когда тебя преследует несчастье, так хоть на верблюда залезь — и там тебя укусит собака.

И вот я беззаботно, с одной только нянькой, прошла подземным ходом в дом к юноше, а оттуда направилась в сад. Гляжу: и верно, сад цветет, словно райские кущи. Капли дождя сияют на ярко-зеленых листьях деревьев, как жемчуга на изумрудных пластинках, красивые цветы, словно вечерняя заря, рдеют на фоне облаков, а по зеркальной глади полных до краев водоемов расходятся легкие круги. Я разгуливала по саду, пока не кончился день и не сгустились вечерние тени. И вот на одной из аллей показался мой юноша. Заметив меня, он приветливо и учтиво бросился мне навстречу, заключил мои руки в свои и отвел меня в дом. Когда я вошла туда, то внутреннее убранство дома затмило в сердце моем все, что я видела снаружи. Тут было море огня: повсюду горели фонарики, яркие люстры и канделябры, китайские фонари, огромные свечи и лампы, так что праздник шаб-е-барат * с его лунным светом и иллюминацией в сравнении с этим показался бы сумерками. Здесь пускали фейерверк, там летели ракеты, взрывались шутихи, и каких только не было тут замысловатых фигур из огня: одни сияли яркими звездами, другие рассыпались мелкими искрами; они то вертелись, как колесо, то распускались пышными цветами разной формы, переливаясь, как жемчуг, и серебясь, словно месяц.

В это время, прорвав облака, показалась луна, словно выглянула красавица в багряных одеждах. Как стало красиво! Лишь только луна пролила повсюду свой свет, юноша пригласил меня подняться и посидеть на

балконе. Я была так глупа, что верила всем речам этого негодяя. Теперь он надумал свести меня в башню. Она поднималась так высоко, что, казалось, все городские дома и огни базара лежат у самого ее подножья.

Обвив руками его шею, я сидела, вся поглощенная счастьем. Между тем с графином вина в руках вошла отвратительнейшая женщина с уродливым лицом и такая черная, будто только что вылезла из печи. Ее появление пришлось мне очень не по душе, а вид этой уродины поверг меня в ужас.

— Что это за чудовище? — спросила я в волнении. — Откуда ты ее выкопал?

— Это та самая невольница, которая благодаря вашей милости была куплена вместе с садом, — отвечал юноша, сложив руки.

Мне вдруг стало ясно, что этот глупец принял ее с большим удовольствием, может быть, даже сердце его к ней равнодушно. Опечалившись этим, я замолчала: душой моей с этой самой минуты овладело тяжкое беспокойство и настроение совсем испортилось. А он в своем бесстыдстве дошел до того, что оставил эту дрянь при нас виночерпием. Сердце мое обливалось кровью, и я чувствовала себя, словно самка попугая, которую заперли в одной клетке с вороном: уйти не дают, а сидеть выше сил.

Вино, которое принесла эта эфиопка, оказалось таким крепким, что способно было свести человека с ума. Юноша выпил подряд несколько чаш, и по его настоянию мне тоже пришлось проглотить полбокала этого яда. В конце концов та бессовестная тварь охмелела и затеяла с этим негодяем всяческие бесстыдства, а он, подлец, набравшись спьяну нахальства, сам пустился в разные непотребства.

Мне стало так стыдно, что я готова была провалиться сквозь землю, и все-таки из любви к нему я, глупая, тогда промолчала. Но он, видно, был закоренелый негодяй и не понял моей снисходительности. В пьяном дурмане он хватил еще две чаши и лишился остатков рас-

судка; уваженье ко мне совсем испарилось из его сердца. Охваченный страстью, он кинулся на грудь к этой ведьме, и она наградила его всевозможными ласками. Так они обнимались и целовались тут же при мне: ни верности не осталось в вероломном, ни стыда у бесстыдной — они обнажили всю свою душевную низость. Я чувствовала себя певицей, которая, сбившись с такта, поет как попало. «Зачем тебя сюда принесло за таким наказанием? — думала я, проклиная себя. — Сколько можно терпеть?» С головы до ног меня жгло огнем, и сидела я как на углях. Охваченная возмущеньем и гневом, я поняла, что мое присутствие здесь явно излишне, и поднялась, желая уйти.

Но этот пьяница решил, что ему грозит опасность. «Если царевна нынче разгневалась, — шепнула ему его душевная подлость, — то что будет завтра со мной? Какой переполох поднимется утром! Раз так, лучше с ней сразу покончить». Посоветовавшись со своей развратницей и укрепившись в этом решении, он повесил пояс на шею *, бросился мне прямо в ноги и, сорвав с головы тюрбан, принялся со слезами молить о прощении. А ведь сердце мое было в плену у него, и он вертел мной так же легко, как вертят жерновок ручной мельницы. Так или иначе, он меня улегил, усадил снова и опять, наполнив несколько чаш тем же крепчайшим вином, пил сам и угощал меня. Я уж и без того чересчур распалилась от гнева, да еще это вино — мигом я опьянела и вовсе лишилась сознания, а он, безжалостный предатель с каменным сердцем, нанес мне мечом удар и решил, что со мной уже кончено. Но я все же открыла глаза и прошептала:

— Ладно, я получила по заслугам, но и ты остерегайся возмездия за безвинно пролитую кровь.

Боюсь, жестокий, кто-нибудь тебя за ворот схватит,
Отмой с одежды кровь мою: что было, то прошло.

Никому не открывай эту тайну. Я же верила тебе до последнего вздоха.

Потом я препоручила его богу, и душа моя погрузилась в небытие. Больше я уже ничего не чувствовала. Очевидно, этот мясник счел меня мертвой, бросил в сундук и спустил с крепостной стены. Это ты сам видел. Я никому не желала зла, но, верно, так было написано мне на роду, а предначертанье судьбы не стирается. Я сама была виновата в своих несчастьях: если бы не моя склонность любоваться красавцами, этот негодяй не стал бы ярмом на моей шее.

Аллах послал тебя и сделал моим спасителем. Мне было так стыдно, что я не знала, как дальше жить и как показаться на глаза людям. Но что могла я поделать? Человек не волен в своей смерти: господь погубил меня, но оживил снова, чтобы я испытала все, что мне суждено. Видно, твои заботы и усердие пошли мне на пользу, раз я оправилась от таких тяжких ран. Ты пожертвовал ради меня собой и своим имуществом и предоставил мне все, что у тебя было. В те дни, видя, что ты остался без денег и не знаешь как быть, я дала тебе письмо к Сиди Бахару, своему казначею. В нем я писала, что благополучно пребываю в таком-то доме, и просила сообщить обо мне, неудачнице, моей благородной матушке. Он прислал с тобой те подносы с деньгами на наши расходы. А когда я отправила тебя в лавку к купеческому сыну Юсуфу покупать халаты и драгоценности, я думала так: он, нищий духом, легко заводит знакомства со всяким; признав в тебе иноземца, он обязательно станет приглашать тебя в гости, чтобы завязать с тобой дружбу. Я не ошиблась в расчете — он поступил точно так, как я полагала. Когда ты, дав ему обещание вернуться, пришел ко мне и рассказал, как настойчиво он звал тебя в гости, я втайне обрадовалась. Если ты станешь есть и пить в его доме, подумала я, то в ответ должен будешь пригласить его сам, а он сразу же прибежит. Потому-то я и отпустила тебя так легко. Ты вернулся оттуда через целых три дня и со стыдом стал просить прощенья. Тогда я сказала, чтобы успокоить тебя:

— Не беда. Ты ведь ушел от него, как только он дал разрешение. Но неприлично принять от человека любезность и не ответить тем же. Пойди теперь, пригласи его к нам и приведи с собой.

Лишь только ты отправился к нему, я увидела, что к приему гостей у нас ничего не готово. Что делать, когда он придет?! Выход все же нашелся. Дело в том, что у падишахов нашей страны издавна такой обычай: восемь месяцев в году они проводят за пределами столицы, переезжая из области в область и занимаясь устройством всяческих дел, а четыре осенних месяца восседают во дворце на престоле. Как раз в это время падишах, мой благородный родитель, уже несколько месяцев как отправился объезжать свои земли, чтобы навести повсюду порядок. Пока ты ходил за тем молодым человеком, Сиди Бахар доложил обо мне шахской супруге — она ведь была моей матерью. Потом я сама, сгорая от стыда за свой недостойный поступок, предстала пред ее очи и рассказала ей все, что со мной приключилось. Материнская любовь и предусмотрительность заставляли ее скрывать до времени, что я исчезла. «Бог ведает, как еще оно обернется, а разглашать такой позор пока ни к чему», — рассуждала она, храня под сердцем вместо меня мои прегрешения, но поисков не оставляла.

Когда она увидела, в каком я состоянии, и услышала всю мою историю, глаза ее наполнились слезами, и она изволила молвить:

— Ах, негодница, лучше бы тебе не появляться на свет! Ты нарочно бросила тень на честь всего нашего шахского рода. Тысяча проклятий! Почему ты сама не пропала! Лучше бы мне родить вместо тебя камень — терпеть было бы легче. Хоть теперь-то покайся и не грешь больше, а что было тебе суждено, то свершилось. Что же станешь делать дальше? Жить будешь или умрешь?

— Видно мне, бессовестной, на роду было написано, — отвечала я со стыдом, — претерпеть эти несча-

стья, чтобы остаться жить в позоре и бесчестии. Умереть было бы лучше. Но, хотя клеймо позора и легло на мой лоб, я не сделала ничего, что запятнало бы честь моих родителей. Хуже всего для меня сейчас то, что оба наглых бесстыдника ускользнули из моих рук и будут наслаждаться друг с другом, а я из-за них должна переносить столько мук. Боюсь, я одна ничего не смогу с ними сделать, и надеюсь, что вы мне поможете. Велите дворецкому приготовить у меня в доме все как следует для пиршества, тогда я заману обоих негодников в гости и воздам им за все содеянное. Как он поднял на меня руку и ранил меня, так и я изрублю их в куски. Может быть, после этого сердце мое немного остынет, а то я готова сгореть в пламени гнева и обратиться в горсточку пепла.

Мой рассказ наполнил сердце матери болью. Сжалившись, она простила мне мои прегрешения, прислала с моим доверенным евнухом все, что было нужно для торжества, и каждый занялся своим делом. Вечером пришел ты с тем обреченным, а мне хотелось заполучить еще и его развратную рабыню. Поэтому я снова дала тебе заботу: велела позвать ее тоже. Когда она появилась, началось пиршество, и все перепились до бесчувствия, а с ними и ты свалился мертвецки пьяный. Тогда я позвала калмычку-телохранительницу и велела зарубить их обоих. Она тотчас же вынула саблю, отсекла им головы, и их тела обагрились кровью. На тебя же я разгневалась потому, что тебе было дано разрешение устроить пир, а не пьянствовать вместе с людьми, которых ты знаешь только два дня. Конечно, твое легкомыслие мне не понравилось: можно ли было ждать помощи с твоей стороны, когда ты напился до потери сознания? Но твои прежние заслуги так обязывали меня, что я вынуждена была простить тебе этот проступок.

Вот я и рассказала тебе все, что случилось со мной, с начала до конца. Может быть, твоему сердцу угодно знать еще что-нибудь? Теперь, когда я исполнила все, о чем ты просил, сделай и ты, что я скажу. Дело в том,

что нам с гобой не следует оставаться дольше в этом городе. А в остальном поступай как знаешь.

О дервиши, возлюбленные Аллахом! На этом царевна кончила свой рассказ.

Ее приказания я ставил выше всего на свете — ведь я попался в силки любви.

— Как ваша милость изволит, так и будет. Я целиком посвятил себя вам и все исполню без отговорок, — отвечал я.

— Достань из личной шахской конюшни пару быстрых и смелых коней, таких, чтобы могли спорить с ветром, — сказала царевна, убедившись, что я готов ей покорно служить, — и держи их наготове.

Я так и сделал: выбрал самых красивых и резвых коней, велел оседлать их и привести. Под утро царевна, переодевшись мужчиной, в полном вооружении вскочила на одного из коней, на другого сел я, тоже вооруженный, и мы отправились в путь.

К рассвету мы добрались до берега озера. Спешившись, умыли лицо и руки и, наскоро закусив, тронулись дальше.

Время от времени госпожа принималась говорить в таком роде:

— Ради тебя я бросила все: совесть и стыд, родину и богатство. Не случилось бы так, что ты поступишь со мной, как тот вероломный злодей.

Иногда я рассказывал ей разные истории, чтобы скоротать путь, и в свой черед отвечал:

— Царевна! Люди не все одинаковы. Видно, у этого негодяя был какой-то природный изъян, если он совершил такое подлое дело. А я предан вам душою и телом. Вы подарили мне непомерное счастье, и теперь я ваш раб на всю жизнь. Если вы прикажете сшить себе туфли из моей кожи, я не позволю себе даже вздоха.

Так, беседуя, мы ехали дни и ночи. Лишь иногда мы останавливались, чтобы отдохнуть и поохотиться за зверем и птицей. Мы убивали дичь, как того требует шариат *, доставали соль из солонки, высекали кремнем

огонь и готовили себе пищу. Пока ели сами, лошадей пускали пастись. Они щипали траву и листья и тем наполняли свои животы.

В конце концов мы оказались среди пустынной равнины, где не было ни признака жилья, ни следов человека. Но, несмотря ни на что, близость царевны делала для меня день и ночь сплошным праздником. Долго мы ехали, и вдруг легло у нас на пути бескрайнее море, при виде которого кровь леденела в жилах. Куда ни обращал я взор, стоя на берегу, повсюду, насколько хватало глаз, расстилалась водная ширь, и не было видно ни клочка суши. «О Аллах! — подумал я. — Как нам теперь перебраться через это море?» Потом мне пришлось в голову оставить царевну на месте, а самому пойти на поиски лодки. Пока я не найду чего-нибудь подходящего для переправы, красавица моя отдохнет.

— Госпожа! — обратился я к ней. — Если вы мне позволите, я осматрю берег.

— Я очень устала и проголодалась, — отвечала она. — Дай я немного переведу дух, а ты тем временем поищи способ, как переправиться.

Поблизости стояло фиговое дерево. Крона его была так раскидиста, что целая тысяча всадников смогла бы укрыться под ним от дождя или солнца. Я усадил мою пери в тени и пошел, оглядываясь по сторонам, не окажется ли признаков человека на берегу или в море. Но сколько я ни смотрел, ничего не нашел, а когда, наконец, отчаявшись, вернулся назад, то пери под деревом не оказалось.

Как описать мне свое состояние! Рассудок отказался служить мне. Я совсем обезумел: то взбирался на дерево и обыскивал каждую ветку, каждый листок; то, обессилев, разжимал руки, валялся на землю и кружил у ствола, будто пришел к нему на поклонение; то с громкими воплями рыдал над своею беспомощностью; то бежал с запада на восток, то поворачивал с севера к югу — словом, искал как только мог, но нигде не находил и следа своей несравненной жемчужины. Когда же я по-

нял, что мне ничего не добиться, я плача и посыпая голову прахом, покинул это злосчастное место.

Мне пришло в голову, что случилось одно из двух: или какой-нибудь джинн * похитил ее и поверг меня в такое глубокое горе; или же нас с самого начала кто-то преследовал и, когда застал ее здесь одну, то уговорил вернуться обратно на родину и увез в страну Шам *. Одолеваемый неотвязной заботой, я изорвал на себе все одежды и, голый и нищий, словно факир, бродил по этой стране с ранней зари до позднего вечера, а ночью валился спать где попало. Так истоптал я все окрестные земли, но о своей царице ни от кого не услышал ни слова, и исчезновение ее оставалось мне непонятным, как прежде. «Раз ты ничего не узнал о любимой, — решил тогда я, — то и жить тебе незачем».

Однажды в лесу попался мне на глаза высокий утес. Я влез на него с намерением броситься вниз, чтобы вдребезги разбить свое тело о камни и разом покончить со всеми несчастьями. Только хотел я привести свою мысль в исполнение и занес уже ногу, как кто-то схватил меня за руку. Тут я пришел в себя. Гляжу: передо мной всадник в зеленых одеждах, лицо его закрыто покрывалом.

— Почему решил ты покончить с собой? — обратился он ко мне. — Разувериться в милости божьей — значит не верить силе всевышнего. Пока хранится дыхание, до тех пор пусть живет и надежда. В скором времени в стране Рум соберутся три дервиша, таких же несчастных, как ты; они попали в ту же беду, что и ты, и им тоже довелось претерпеть много несчастий. Тебе надо встретиться с ними. Падишаха этой страны зовут Азадбахт; и ему пришлось нелегко. Когда он присоединится к вам четверым, каждый из вас благополучно обретет то, чего желает всем сердцем.

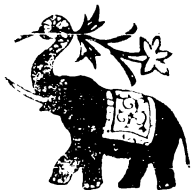
— О божий посланец! — сказал я, поймав и поцеловав его стремя. — Ваши слова успокоили мою истерзанную душу. Ради бога, скажите мне, кто вы. Назовите свое благородное имя.

— Меня зовут Муртаза Али *, и дело мое — облегчать страдания тех, кому встретится тяжкое горе,— ответил он и скрылся из глаз.

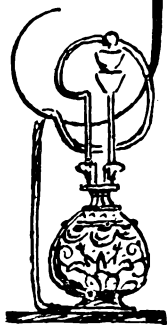
Вот так я, найдя утешение в добром слове того, кто разрешает людские тяготы, направился в Константинополь. Перенеся в пути все несчастья, какие были мне предначертаны в книге судьбы, но уповая на встречу с царевной, я по милости божьей все же добрался сюда и осчастливил себя вашим обществом. Наша встреча свершилась, мы уже вступили в беседу друг с другом, а теперь надо бы нам познакомиться и с падишахом Азадбахтом. Тогда мы все пятеро наверняка достигнем желанной цели. Так что молитесь и говорите: «Да будет так!»

Вот вся моя история, которую я, измученный и опечаленный, рассказал вам, о дервиши. Теперь посмотрим, когда же встреча с царевной обратит мою грусть и тоску в радость и счастье.

Азадбахт, который тихо сидел, спрятавшись в стороне, и внимательно слушал, обрадовался рассказу первого дервиша. Но тут второй из них принялся излагать свои похождения.

КОГДА очередь рассказывать перешла ко второму дервишу, он уселся, подогнув под себя ноги, и молвил:

Повесть факира, бредущего мимо,
слушайте,
Точит болезнь мое тело незримо,
слушайте,
Понял давно я бессилье лекарств
и лекаря,
Ибо болезнь моя неизлечима,
слушайте.

О вы, одетые дервишами! Я, ничтожный,— царевич из страны Фарс *. Там рождаются самые одаренные люди, и не зря про столицу ее ходит пословица: Исфаган * — это половина мира. Нет другой области во всех семи чашах света, которая сравнилась бы с нашей страпой, и звезда ее — само солнце, величайшее светило из озаря-

ющих землю. Климат там очень приятный, а люди возвышенные и обходительные.

Мой отец, падишах, стремясь с юных лет научить меня, как следует править страной, выбрал самых лучших и самых мудрых наставников, знатоков всевозможных наук и искусств. Он поручил им мое воспитание, чтобы я достиг совершенства в разных отраслях знаний и стал образованным человеком. По милости божьей, уже к четырнадцатилетнему возрасту я овладел всеми науками. Я приобрел умение говорить любезно, двигаться изящно и научился делать все, как надлежит и подобает падишахам. Между прочим, появилась у меня тогда страсть проводить дни и ночи в беседе с людьми достойными и учеными, слушать их рассказы о всяческих странах и о подвигах славных царей и героев.

Как-то раз один мой мудрый собеседник, человек образованный и видевший мир, сказал, что при всей бренности нашей жизни у человека нередко могут быть такие достоинства, вспоминая которые люди донесут его имя до самого судного дня.

— Вот бы мне узнать поподробней о таком человеке и попробовать действовать так же, как он,— произнес я.

И тогда он рассказал мне историю Хатима Тая.

— Во времена Хатима был у арабов один падишах, которого звали Науфаль. Он проникся страшной враждой к Хатиму из-за его славы, собрал огромное войско и выступил против него войной. Хатим был человеком добрым и богобоязненным. Он подумал: «Если я тоже начну готовиться к битве, то лишится жизни немало слуг божьих, много будет пролито крови, и мне придется нести ответ за все это». И с такой мыслью он ушел один-одинешенек, унося свою жизнь, и спрятался где-то в горах в пещере. Когда до Науфала дошла весть, что Хатим исчез, он захватил его дом и имущество и велел объявить: всякому, кто найдет Хатима и схватит его, он даст в награду пятьсот золотых. Это известие возбудило алчность в сердцах, и все бросились разыскивать Хатима.

Однажды какой-то старик со старухой и крохотными ребятишками отправились в лес за дровами и, собирая хворост, подошли к той самой пещере, где прятался Хатим.

— Если б нам повезло,— сказала старуха,— мы заметили бы где-нибудь Хатима, поймали б его и отвели к Науфалу, а тот дал бы нам пятьсот золотых. Тогда мы смогли бы зажить на покое и избавились от такой тяжелой работы.

— И что ты тараторишь? — ответил старик. — Нам на роду написано целый день ломать хворост, а потом, взвалив вязанки на голову, нести продавать его на базар. Так мы заработаем себе хлеб насущный, если только нас самих не утащит раньше тигр. Иди делай свое дело. С какой стати Хатим попадется к нам в руки и заставит падишаха отдать столько денег?

Женщина тяжело вздохнула и замолчала.

Но Хатим слышал их речи. Ему показалось бесчеловечным и слишком жестоким продолжать дальше скрываться и не помочь бедным людям достигнуть же-

лаемого. Поистине, если человек лишен милосердия, то это не человек; и тот, в чьем сердце нет места жалости, просто мясник.

Бог сотворил человека, чтоб видеть сердечные муки,
Для славословий ему бы и ангелов было довольно.

Одним словом, благородное сердце Хатима не могло допустить, чтобы он, услышав слова бедняков, пропустил их мимо ушей. Он тотчас же вышел наружу и сказал старику:

— Эй, дорогой! Хатим — это я. Отведи меня к Науфалю. Он увидит меня и выдаст тебе столько денег, сколько было обещано.

— Верно,— ответил старик,— это сулит мне благополучие и благоденствие. Но кто знает, как он поступит с тобой. Если убьет, то что я тогда буду делать? Нет, я никак не смогу предать тебя врагу ради собственной корысти. Пусть даже я проживу на эти деньги какое-то время, а что потом? Ведь в конце концов и ко мне смерть придет, а что тогда' отвечу я богу?

— Веди меня,— принялся настойчиво уговаривать Хатим.— Я хочу этого. Я всегда думал, что было бы лучше всего, если бы сама моя жизнь смогла послужить кому-нибудь на пользу.

Но старик никак не хотел согласиться отвести Хатима и получить за это награду.

— Если ты не отведешь меня,— сказал наконец Хатим, отчаявшись,— тогда я сам пойду к падишаху и скажу, что это ты прятал меня в горной пещере в лесу.

— Вот судьба! Получить злом за добро,— ответил с усмешкой старик.

Пока они так препирались, прибежали туда новые люди — целая толпа. Им стало ясно, что это Хатим; они быстро схватили его и повели. Старик с причитаниями поплелся следом.

Когда все предстали перед Науфалем, тот спросил:
— Кто поймал его?

— Кто же мог сделать это, кроме меня? — заявил один бессердечный подлец. — Эта победа принадлежит моему имени: я поднял знамя славы!

— Нет, это я, — перебил его другой хвастун. — Несколько дней бегал я за ним по лесу, а теперь вот изловил и привел. Оцените мои труды и дайте мне, что обещано.

Но и остальные точно так же стремились получить золото. Каждый кричал: «Я! Я это сделал!» Старик между тем молча стоял в стороне, слушал их бахвальство и плакал, глядя на Хатима. Когда же все кончили превозносить свое геройство и храбрость, заговорил Хатим.

— Сказать по правде, — обратился он к падишаху, — привел меня тот старик, что стоит один, в стороне ото всех. Если вы способны судить по лицу, то признайте это и отдайте ему, что было обещано за меня. Ведь во всем человеческом теле самое святое — это язык, наделенный даром речи. Муж должен твердо следовать своему слову, иначе в чем состояла бы разница между человеком и зверем, у которого тоже есть язык в пасти.

Науфаль подозвал к себе старого дровосека.

— Скажи честно, как было дело. Кто схватил Хатима? — спросил он.

Несчастный искренне и без утайки поведал, как все произошло.

— Хатим сам пришел ради меня, — заключил он.

Науфаль, узнав про отвагу Хатима, был изумлен.

— Какое великодушие! — вскричал он. — Ты не пожалел даже собственной жизни!

Лжецам, которые хвастались, что поймали Хатима, он приказал связать за спиной руки и наградить их вместо пятисот золотых пятьюстами ударами туфлей по затылку, да так, чтобы у них мозги полезли наружу. Тут же раздались шлепки туфель, и вмиг головы хвастунов покрылись коростой. Поистине, ложь — худший из пороков. Да охранит господь всякого от этой беды и

не привьет никому вкуса к вранью! Многие люди подолгу болтают всякий вздор, но в час испытания их настигает расплата.

Воздав таким образом всем по заслугам, Науфаль подумал, что было бы бесчеловечно и неблагородно дальше враждовать и соперничать с таким человеком, как Хатим, который приносит пользу целому миру, а для бедняков даже жизни своей не жалеет и во всем следует божьим заветам. «Ну что ж. Пусть так и будет», — сказал он про себя, с большим дружелюбием взял Хатима за руку и с почтением усадил его рядом с собой. В тот же час он вернул ему все захваченные богатства и земли и вновь поручил ему главенствовать над племенем тай, а старику велел выдать пятьсот золотых из собственной казны, и тот, не переставая благодарить, удалился.

Когда я выслушал до конца историю Хатима, мной овладело честолюбие. «Хатим, — подумал я, — был всего лишь вождь племени и все же одной только щедростью он создал себе имя, которое славится до наших дней. А я, по милости божьей, падишах над целым Ираном, и будет очень жалко, если я не использую свои возможности. Действительно, в мире нет ничего лучше щедрости, потому что за все, что человек отдает в этой жизни, ему сторицей воздается в другой. Когда кто-нибудь сажает зерно, сколько зерен получает он после!»

Отдавшись этой мысли всем сердцем, я позвал смотрителя строений и приказал возвести за городом роскошное здание, у которого было бы сорок высоких и очень широких дверей. В скором времени просторное здание, точно такое, как мне хотелось, было готово. Я воссел в нем и целый день от зари до зари раздавал деньги беднякам и бездомным, и всякую просьбу, с которой ко мне обращались, я исполнял целиком и делал еще больше. Так через сорок дверей входили нуждающиеся и брали все, что хотели.

Помню, вошел однажды в переднюю дверь какой-то факир и обратился за подаванием. Я дал ему золотой. Потом он вернулся через другой вход и попросил два золотых. Я узнал его, но не стал обращать на это внимания, и дал снова. А он тем же образом принялся входить по очереди через каждую дверь и каждый раз просил на один золотой больше, а я нарочно делал вид, что не запомнил его, и давал ему, сколько он спрашивал. Наконец, дойдя до сороковой двери, он потребовал сорок червонцев — я выдал и это. Не остановившись на том, дервиш снова проник через первую дверь и опять попросил. Больше терпеть я не мог.

— Послушай, стяжатель! — сказал я ему. — Что же ты за факир, если не знаешь смысла, который скрыт в этом слове? А ведь это заповедь жизни факира.

— Благодетель, объясни мне сам, — попросил он.

— Первое — это умеренность в еде; второе — довольство тем, что имеешь, и третье — преданность богу. В ком нет этих качеств, тот не факир. Проешь сперва то, что ты получил, а потом приходи и требуй еще, что захочешь. Я даю милостыню, чтобы утешить в нужде, а не затем, чтобы мои деньги копили. Скупец! Через сорок дверей ты унес от одного до сорока золотых. Сосчитай-ка, сколько это будет всего! И все-таки жадность снова привела тебя в первую дверь. Что будешь ты делать с этим богатством? Факир должен заботиться только о нынешнем дне, а на завтра господь снова pošлет пропитание. Стыдись! Разве это поступки факира? Терпи и довольствуйся тем, что у тебя уже есть. Чему научил тебя твой наставник?

Мои слова обидели и рассердили его.

— Довольно, господин! — вскричал он, бросив на землю все собранные у меня деньги. — Не горячись. Спрячь свое богатство и впредь о щедрости не поминай. Щедрым быть очень трудно, и нести бремя щедрости тебе не под силу. Когда ты достигнешь этой ступени?! Ведь до нее тебе еще так же далеко, как до Дели. В слове «щедрый» тоже есть символический смысл, нау-

чись сначала его понимать и действовать в соответствии с ним — вот тогда и зовись щедрым.

— Благодетель, объясни мне это, — сказал я в смущении.

— Первое — это способность терпеть, — продолжал он, — второе — страх божий, а третье — умение помнить всегда, что мы родились и должны умереть. Пока ты не будешь этому следовать, о щедрости и не говори. Ведь в чем величие щедрого? Пусть даже он совершит дурные дела — и то господь на него не разгневается! Я обошел много стран, но, кроме царевны из Басры, не видал никого, кто был бы щедрым по-настоящему. Платье щедрости этой женщине выткал сам бог. Все же другие хотят только славы, но не действуют так, как должно.

Как я ни молил его смириться, как ни заклинал простить мне эту ошибку и взять, что ему будет угодно, он наотрез отказался.

— Дай мне теперь все свое царство, я на него и не плюну, — сказал он и пошел прочь.

Он-то ушел, но его похвалы басрийской царевне лишили мое сердце покоя, и я нигде не мог найти себе места. Меня томило желание во что бы то ни стало добраться до Басры и поглядеть на эту царевну.

Тем временем отец мой скончался, и трон унаследовал я. Но, хотя я получил целое царство, прежние мысли не покидали меня. Тогда я решил позвать везира и эмиров — опору трона и поддержку империи и посоветоваться с ними.

— Я хочу ехать в Басру, — сказал я. — Вы же по-прежнему твердо исполняйте, что вам положено делать. Если останусь в живых, то путешествие продлится недолго и я скоро вернусь.

Но никто не захотел согласиться с тем, чтобы я уехал, и сердце мое поневоле охватила тоска. И вот однажды в тайне от всех я позвал к себе мудрого везира, назначил его своим полномочным наместником и вручил ему бразды правления. Потом я надел охрянное по-

крывало паломника и под видом факира один направился в Басру. Через некоторое время я дошел до границы этой страны и тут стал свидетелем удивительного обычая: всюду, куда бы я ни зашел переночевать, меня встречали слуги царевны, вели в благоустроенный дом, подавали мне угощения, каких только можно желать, и сами почтительно прислуживали целую ночь. На другой день то же повторялось на новом месте. С такими удобствами я совершил многомесячный путь и, наконец, достиг города Басры. Едва я вступил в него, как тотчас же подошел ко мне молодой человек, красивый, изящно одетый, учтивый и благовоспитанный. Сама его внешность говорила о недюжинном уме.

— Я забочусь о странниках,— обратился он ко мне с крайней любезностью.— Мое дело состоит в том, чтобы всякий путник, который прибывает в наш город, будь то факир или мирской человек, соизволил бы направить свои стопы в мое жилище. Кроме как в этом доме, здесь негде остановиться чужеземцу. Поэтому пожалуйста туда, украсьте его своим присутствием и осчастливьте этим меня.

— Позвольте узнать ваше благородное имя,— спросил я.

— Меня, бесславного, зовут Бедарбахтом,— отвечал он.

Покоренный его любезностью и обходительностью, я последовал за ним и вскоре пришел к нему в дом. Вижу — роскошное здание, обставленное прямо поцарски. Бедарбахт отвел меня в большой зал и, усадив там, велел слугам принести теплой воды и омыть мне руки и ноги. Потом приказал разостлать дастархан *, и слуга мне одному стал подносить блюдо за блюдом. Каких тут только не было яств: мясной плов, приготовленный четырьмя разными способами, плов сладкий, жаркое разного рода, всевозможные хлебцы, лепешки, печенья; снова мясные блюда — мясо жареное, тушеное, птица, яичница; пирожки и пирожные, сладкие блюда из риса, молочные кушанья, всевозможные сла-

сти и фрукты — много десятков всяческих блюд. При виде такого богатого стола у меня дух захватило. Если бы я отведал хоть по крошке от каждого кушанья, мне было бы достаточно, чтобы наесться до отвала.

— Господин, вы ничего не съели, — стал настоятельно упрашивать меня хозяин. — Весь стол остался нетронутым. Не стесняйтесь, откусайте еще.

— Разве стыдно есть, когда хочется? — отвечал я. — Но да ниспошлет всевышний процветание вашему дому! Я съел ровно столько, сколько вместил мой желудок. Вкус этой пищи выше всяких похвал. Язык мой до сих пор облизывает губы, а отрыжка благоухает. Но больше не могу, увольте.

Когда убрали дастархан, хозяин велел разостлать бархатный, шитый золотом кашанский коврик *, принести рукомойник, кувшин из чистого золота и мыльницу с ароматным мылом и предложил мне вымыть руки теплой водой. Потом в инкрустированной драгоценными камнями шкатулке был подан бетель, уже в готовом для жевания виде, завернутый в золотые бумажки. Рядом, в коробочках с четырьмя отделениями, в серебряных обертках лежали отдельно листья бетеля, семена арековой пальмы, гвоздика и кардамон. Стоило мне попросить напиться — хранитель воды тотчас же приносил обложенный льдом узкогорлый кувшин. С наступлением вечера в фонарях зажгли камфарные свечи; любезный хозяин присел и повел со мной беседу. Когда же вступила в свои права ночь, он сказал:

— Извольте опочить на кровати, что стоит здесь за ширмой.

— Господин! — возразил я. — Нам, факирам, вместо постели хватает циновки или оленьей шкуры, а эту роскошь господь создал для вас — для мирян.

— Вся эта обстановка предназначена дервишам, — отвечал он. — Тут нет ничего моего.

Уступив его настояниям, я лег в постель, которая оказалась мягче ложа из цветов. С обеих сторон ее были поставлены корзины роз и вазы с цветами, возжжены ку-

рильницы с алоэ и благовонные лампы; куда я ни поворачивался, всюду мой мозг купался в волнах аромата, и так я заснул. Утром на завтрак дали мне миндаль, фисташки, виноград, инжир, груши, гранаты, кишмиш, финики и фруктовый шербет.

Так провел я трое суток, на четвертый день стал прощаться.

— Должно быть, я, грешник, чем-нибудь не угодил господину, раз вы недовольны? — взмолился, сложив руки, хозяин.

— Ради бога, что вы говорите! — вскричал я в беспокойстве. — Но по правилам гостеприимства следует гостить трое суток. Столько я у вас и прожил, а оставаться дольше не годится. Да кроме того, я ведь отправился из дому странствовать, и нехорошо мне застревать в одном месте. Потому я и прошу позволения уйти. Если бы не это, я непременно остался бы: ваша любезность так привлекает, что не хочется покидать вас.

— Как вам угодно, — сказал он на это. — Но подождите немного, пока я доложу царевне. А раз вы собрались уходить, то знайте, что все, что есть в этой гостинице: постели со всеми принадлежностями, вся посуда, серебряная, золотая и в драгоценных камнях, — все ваше. Как вы распорядитесь поступить с ними, так и будет исполнено.

— Не говорите подобных вещей, — отвечал я. — Вы обходитесь с факиром, как со странствующим певцом, который сам ищет награды. Если бы сердце мое было жадно к богатству, к чему бы мне быть факиром? Чем плоха мне была бы мирская жизнь?

— Если вы не возьмете и об этом узнает госпожа, — сказал он, — она отрешит меня от моей нынешней службы и бог знает что со мной сделает. Раз вы так пренебрегаете своими вещами, то мы сложим их на хранение в кладовую, и вы запечатаете дверь, а там поступайте, как вам угодно.

Я не соглашался на это, но и он не слушал меня. В конце концов мне пришлось примириться с тем, что

он собрал все имущество и запер на ключ, а я все ждал, когда меня отпустят.

Тем временем в гостиницу торжественно явился почтенного вида евнух, подпоясанный кушаком, в тюрбане с султаном и с золотой булавой, осыпанной жемчугом, а с ним придворная челядь всякого ранга. Он так приветливо и любезно обратился ко мне, что описать невозможно.

— Господин! — сказал он между прочим. — Окажи снисхождение и милость, озари ничтожный дом просителя блеском своего присутствия — это будет верхом любезности и великодушия. Может случиться, царевна услышит, что сюда приходил путешественник, но никто его не встретил внимательно, и он ушел, как и явился. Одному Аллаху ведомо, что за несчастья падут из-за этого на мою голову и какой поднимется переполох. Дело может коснуться самой моей жизни.

Я не хотел его слушать, но он так умолял, что поневоле пришлось пойти к нему в дом, который был еще лучше первого. Он, как и мой прежний хозяин, дважды в день кормил меня теми же кушаньями, по утрам и после полудня поил шербетом и угощал фруктами, а под конец тоже стал мне говорить, что вся посуда, серебряная и золотая, все ковры и все, что там было, — мое безраздельно, и пусть я распоряжусь ими, как пожелаю.

Я переполошился, услышав эти речи, и любым путем готов был добиться, чтобы он меня отпустил.

— О слуга божий! — обратился тогда ко мне евнух, видя по моему лицу, что я недоволен. — Скажи мне, чего ты желаешь, и я пойду доложу госпоже.

— Стану ли я, надевший платье факира, просить о богатствах этого брэнного мира? Ведь вы даете их мне без моей просьбы, и мне приходится от них отказываться, — отвечал я.

— Житейская корысть, хотя бы в малой своей частичке, не покидает ни одно сердце, — возразил он. — Недаром сказал какой-то поэт:

Отшельника, чьи ногти отросли,
Аскета, чье лицо темней земли,
И йога, распростертого в пыли,
Терзающего плоть свою, я видел.

Молчальника, что нем как неживой,
Подвижника с обритой головой,
Весельчака, цветами и листвою
Украшенного празднично, я видел.

Людей, смотревших гибели в лицо,
Бесчисленных глупцов и мудрецов,
Богатством опьяненных подлецов
И пламенных мечтателей я видел.

С рождения счастливых видел я,
И тех, кому лишь горести — друзья,
Но одного, признаюсь не тая,—
Людей, лишенных жадности, не видел.

— Это верно,— ответил я,— но все-таки мне ничего не нужно. Позвольте, я напишу, к чему я стремлюсь, и если вы отнесете это письмо в запечатанном виде к царице, то обяжете меня больше, чем подарив мне все богатства мира.

— С полной готовностью. Что за труд,— сказал он, и я принялся за письмо.

Вначале я вознес хвалу богу, а потом рассказал о себе: «Сей раб божий несколько дней назад прибыл в Ваш город и заботами управителей Ваших был окружен всевозможным вниманием. Я уже раньше слышал о Вашей щедрости и доброте, что породило во мне страстное желание видеть Вас, но нашел я здесь вчетверо больше. Нынче Ваши вельможи говорят мне, чтобы я прямо сказал, чего я хочу и чего добиваюсь. Поэтому я без утайки осмеливаюсь доложить Вам о том, что владеет всем моим сердцем: мне не нужны мирские богатства — в своей стране я сам падишах,— а пришел я сюда и вынес все тяготы пути только ради того, чтобы увидеть Вас. Вот почему я явился совсем один под видом факира. Теперь я надеюсь, что благодаря Вашей милости желание моего сердца исполнится, и этого мне

будет достаточно. А дальше — как Вам угодно. Если же моя смиренная просьба не будет принята, то я отправлюсь бродить без смысла и цели, а свою никчемную жизнь посвящу безнадежной любви к Вам и умру где-нибудь в лесах или в горах, как Меджнун и Фархад» *.

Кончив писать, я вручил это послание евнуху, а он отнес его к госпоже. Через миг он вернулся, позвал меня и привел с собой во дворец. Гляжу, в золотом кресле сидит очень старая женщина величественного вида и в драгоценных украшениях, а вокруг нее стоят, скрестив руки, евнухи и слуги в парадных одеждах. Решив, что главная здесь она, и видя ее преклонные лета, я выразил ей свое низжайшее почтение. Эта женщина, оказалось, была мамкой царевны. Она очень любезно приняла мой поклон и произнесла:

— Подойдите, садитесь. Хорошо, что вы пришли. Это вы написали царевне письмо о своей страсти?

Охваченный стыдом, я молча сидел, низко склонив голову.

— О юноша! — продолжала она немного спустя. — Царевна приветствует вас и велит передать, что она не видит греха в том, чтобы пойти замуж. Вы обратились к ней с предложением, но говорить о своем царстве и, несмотря на ваш дервишеский вид, называть себя падишахом, да еще гордиться этим — совсем неуместно. Ведь в сущности люди все одинаковы, хотя, конечно, мусульманская вера дает превосходство тем, кто ей следует. Царевна сама не первый день думает о замужестве, и если вы безразличны к земным благам, то ее всевышний наделил несчетным богатством. Но условием брака является свадебный подарок невесте, а угодным царевне подарком может быть нечто такое, что вы должны сделать, если будете в силах.

— Я готов на все! — вскричал я. — Жизни своей не пожалею! Скажите, что это за дело?

— Сегодня вы отдохните, — отвечала она, — а завтра я вам расскажу.

Я с радостью согласился и вышел.

Прошел день, а когда настал вечер, евнух снова позвал меня во дворец. Смотрю, там уже собрались самые важные люди, и мудрецы, и знатоки законов. Я прикнул к их обществу и сел среди них. Тем временем разостлали дастархан и подали разнообразнейшие блюда, и сладкие, и соленые. Все принялись за еду, меня тоже пригласили участвовать в пире. Когда с угощением покончили, из внутренних покоев вышла мамка царевны.

— Где Бахравар? — спросила она. — Позовите его.

Стражник тотчас привел его. Это оказался человек очень благородного вида, на поясе у которого болталась, позвякивая, целая связка серебряных и золотых ключей. Произнеся: «Мир вам», — он подошел и сел рядом со мной.

— Эй, Бахравар! — обратилась к нему мамка. — Расскажи-ка подробно все, что ты видел.

— Дорогой! — обращаясь ко мне, начал он свой рассказ. — У нашей царевны есть тысячи слуг, занятие которых составляет торговля; к ним принадлежу и я, низкорожденный. Царевна посылает нас в разные страны с товарами и имуществом на сотни тысяч рупий. Когда кто-нибудь возвращается, она призывает его к себе и велит рассказать о тех землях, какие он повидал.

Случилось как-то, что я, отправившись торговать, попал в город Нимроз *. Смотрю, все жители там ходят в черных одеждах, и на каждом шагу слышатся вздохи и плач. Мне стало ясно, что с ними стряслось большое несчастье, но, у кого я ни спрашивал, в чем тут дело, никто не давал мне ответа. Несколько дней провел я в догадках. Но однажды все горожане от мала до велика, бедные и богатые, молодые и старые, с восходом солнца отправились за город. Они собрались на широком поле, и туда же выехал на коне сам падишах с многочисленной свитой эмиров. Тогда все выстроились в один ряд.

Я тоже стоял среди них и глядел, что же будет. Казалось, что все ждут кого-то. И верно, через четверть часа появился верхом на желтом быке юноша лет пят-

надцати — олицетворение красоты. Он испускал громкие крики и брызгал слюной, а в руках у него было что-то, что мне не удалось рассмотреть. Подъехав к народу, он слез с быка и, скрестив ноги, сел прямо на землю с уздечкой в одной руке и обнаженным мечом — в другой. Ему сопутствовал красавец раб, которому юноша передал то, что держал, и раб понес эту вещь вдоль по ряду, показывая ее всем и каждому. Но удивительно: всякий, кто смотрел на нее, принимался безудержно плакать. Так, показав ее всем и доведя всех до слез, он вернулся к своему господину.

Лишь только раб подошел, юноша встал и отсек мечом ему голову. Потом он поехал обратно, откуда приехал. Все смотрели ему вслед. Когда же он скрылся из глаз, народ пошел назад в город. Я приставал с расспросами об этом событии ко всем и каждому, соблазнял их даже деньгами и лестью, чтобы они рассказали, кто этот юноша, что это он делал, откуда пришел и куда удалился, но никто не говорил мне ни слова, а сам я ничего не мог понять.

С тех пор как я вернулся сюда и доложил госпоже об этом изумительном деле, царевна лишилась покоя и все время погружена в раздумье, как разрешить эту загадку. Вот это она и поставила условием свадьбы. Свое сердце она отдаст только тому, кто раскроет ей тайну этого чуда и объяснит все как есть. Лишь тот станет владыкой богатств и страны и самой госпожи.

Теперь вы слышали эту историю. Хорошенько подумайте, если вы сможете разузнать о том юноше, поезжайте в Нимроз, да поскорей, а не то откажитесь сразу и отправляйтесь домой.

— Даст бог, я быстро узнаю все с начала до конца и, вернувшись к царевне, найду свое счастье, — отвечал я. — А если судьба окажется неблагоприятной ко мне, тут уж ничем не поможешь. Пусть только царевна пообещает, что не откажется от своих слов, а то тяжкое сомнение грызет мою душу. Если бы госпожа со свойственной ей любезностью и добротой пригласила

меня к себе и, посадив перед занавесом, выслушала мои мольбы своими ушами, а потом соизволила дать мне ответ из собственных уст, тогда бы я совсем успокоился и был бы способен на все что угодно.

Мамка доложила прекрасной, как пери, царевне о моей просьбе, и та любезно повелела допустить меня к ней. Тогда мамка повела меня с собой в тот дворец, где находилась царевна. Что я увидел! Стоят в два ряда, скрестив руки, подружки, прислужницы и телохранительницы: калмычки, турчанки, эфиопки, узбечки, кашмирки — каждая на своем месте, и все осыпаны драгоценностями. Что это? Обитель ли Индры *, или нисшествие множества пери? Невольно вздох восторга сорвался с моих губ, и сердце затрепетало. С великим трудом я сдержал себя и, любуясь ими, двинулся дальше, но ноги мои словно свинцом налились. Стоило взглянуть на какую-нибудь из красавиц, как уже не хотелось двигаться с места.

В конце зала висела бамбуковая штора, а перед ней был разостлан узорный ковер и рядом стояла сандаловая скамеечка. Мамка дала мне знак сесть. Я сел на ковер, а она устроилась на скамеечке и сказала:

— Теперь говори все, что хотел.

Я начал с восхваления царевны, ее достоинств, справедливости и щедрости, а затем продолжал:

— С тех пор как я пересек границу вашей страны, повсюду я видел гостиницы и роскошные дома для отдыха путников и при них служащих всякого ранга, назначенных заботиться о странниках и бедняках. Мне самому пришлось жить по три дня в каждом из этих мест, когда же на четвертый я уходил, так вместо того, чтобы радоваться моему уходу, меня просили остаться и на прощанье отдавали все, что только могло найтись в доме: всевозможные ковры, чехлы, пологи, занавеси, ширмы, зонты, балдахины, кровать вместе с постелью, матрац, одеяло и шнур, чтобы связывать их, покрывало, подушки и всяческие подушечки, котлы, котелки, кастриули, блюда, миски, тарелки, ложки, шумовки, черпаки,

подносы с крышками и покрывалами, кувшины, сосуды для теплой воды, кружки, чашки, коробочки и шкатулки с бете́лем и благовониями, цветочные вазы, графины с розовой водой, курильницы, кувшин с рукомойником и много другого. «Все это ваше,— говорили они,— хотите возьмите с собой, а не то запечатайте в кладовой и заберите, когда вам будет угодно». Так я и делал. Но поразительно! Ведь в вашу страну должны приходить тысячи подобных мне нищих, и если каждого из них встречают с таким же приветом, как меня, бездомного факира, то это наверняка должно стоить несчетных денег. Что же у вас за богатство, которое позволяет подобные траты? Откуда берется оно? Будь тут казна самого Каруна, и той не хватило бы; а если посмотреть на подвластное вам государство, то доходов с него вряд ли достанет на одни только затраты по кухне, что говорить уж о прочих расходах! Мне бы хотелось услышать объяснение этому из уст самой госпожи. Тогда я отправлюсь в Нимроз со спокойной душой и уж как-нибудь доберусь туда. А потом, если только останусь в живых, снова явлюсь перед вами, разузнав все, что нужно, и достигну цели, которая влечет мое сердце.

— О юноша! — ответила царица. — Если ты хочешь проникнуть в суть моих дел, останься здесь еще на день. Вечером я призову тебя и, ничего не тая, расскажу, откуда взялись эти неисчерпаемые богатства.

С таким обещанием я вернулся туда, где остановился, и стал ждать, когда же наступит вечер и исполнится мое желание. Тем временем явился ко мне евнух с носильщиками, на головах у которых были покрытые крышками подносы.

— Госпожа жалует вам яства со своего стола,— сказал он. — Извольте их отвесть.

Когда передо мной открыли эти блюда, от их аромата у меня закружилась голова и дух захватило. Я съел, сколько мог; остальное вернул доставившим и, произнеся слова благодарности, отослал их. Наконец, когда солнце, словно усталый путник, прошедший в до-

роге весь день, запинаясь, ушло в свой дворец, а луна со свитой звезд заняла свое место в обширной гостиной вселенной, ко мне пришла мамка царевны.

— Идем, царевна ждет тебя, — сказала она.

Я отправился с ней. Она привела меня в личные покои царевны. Тут было такое море огней, что даже праздник «Ночь предопределения» * не в силах с этим сравниться. Шахские ковры покрывал златотканый маснад, на нем лежала подушка, вся в драгоценных камнях, а над ней на разукрашенных серебряных столбиках возвышался парчовый балдахин с жемчужной оторочкой. Перед маснадом на золотых подставках стояли сделанные из самоцветов деревья, цветы и листья которых казались совсем настоящими. По обеим сторонам, справа и слева, выстроились, почтительно скрестив руки и опустив глаза, слуги и приближенные, а танцовщицы и певицы, приготовив свои инструменты, ждали знака начать выступления. Роскошь и пышность приготовлений поразили мой разум.

— Неужели, — спросил я мамку, — такая красота днем и подобный блеск ночью бывают здесь постоянно? Можно подумать, что у вас круглые сутки праздник. Ведь это недоступно даже тому, кто владеет всем миром.

— Покои, где ведутся дела нашей царевны, всегда таковы, какими ты видишь их, — отвечала мне мамка. — Они не знают упадка, наоборот — всегда процветают. Садись. Госпожа находится здесь. Я пойду доложу.

С этими словами она удалилась и, вскоре вернувшись, позвала меня к госпоже. Войдя в зал, я остолбенел: не понять, где дверь, где стена — повсюду зеркала высотой в человеческий рост, в рамках, усыпанных алмазами и жемчугами. Все они отражались друг в друге, так что казалось — весь зал полон драгоценных камней. В конце зала висел занавес, позади которого восседала царевна. Мамка села вплотную к занавесу, пригласила сесть и меня, а сама по приказанию царевны приступила к рассказу.

— Послушай, разумный юноша! — начала она.— Правил этой страной великий падишах. У него было семь дочерей. Однажды падишах устроил праздник, и семь девушек явились перед отцом в роскошных нарядах, с унизанными жемчугом волосами. Тут падишаху что-то взбрело на ум, и, взглянув на дочерей, он сказал:

— Если бы ваш отец не был шахом и вы родились бы в семье бедняка, кто стал бы называть вас царевнами и госпожами? Благодарите бога, что вы зоветесь шахскими дочерьми; всем своим благоденствием вы обязаны мне.

— Все, что говорит покровитель мира, бесспорно,— ответили в один голос шесть девушек,— на вашем благополучии покоится все наше счастье.

Но наша госпожа, хотя и была самой младшей, но, видно, невзирая на это, оказалась старше сестер по уму и рассудительности. Она стояла молча, не участвуя в разговоре, потому что видела — сестры произносят святотатственные слова.

— Эй, биби! * — воскликнул падишах, бросив на нее гневный взгляд.— Ты молчишь? Почему?

— Если вы даруете мне жизнь и простите мое преступление, тогда я осмелюсь вам доложить, что лежит у меня на сердце,— отвечала царевна, в знак смирения обвязав себе руки платком.

— Говори! — последовал приказ.— Что ты хочешь сказать?

— О тот, кому поклоняется мир! — продолжала царевна.— Вы ведь слышали, что слова правды бывают горьки, поэтому, обращаясь к вам с ними, я подвергаю свою жизнь опасности. Но то, что всевышний предназначал в моей судьбе, стереть никто не в силах, и само оно тоже не исчезнет.

Ты можешь ноги в кровь стереть,
ты можешь лоб о пол разбить,
Но предначертанной судьбы
ни умолить, ни обойти.

Ведь царевной меня нарек тот же всемогущий правитель, который назначил вас падишахом, и в его делах никто не властен. Вы, наш благословенный отец, наша кибла и Кааба * — величайшая наша святыня, и я должна прах с ваших следов класть себе на глаза, как сурьму *, но все же судьба каждого из нас остается при нем.

При этих словах падишах пришел в ярость — такой ответ пришелся ему очень не по душе.

— Из ничтожных уст и такие громкие речи! — сказал он сердито. — В наказание за эту дерзость снимите у нее с шеи и рук все драгоценности и украшения, посадите ее в паланкин и бросьте в лесу, где нет и следов человека, — посмотрим, что написано ей на роду.

И вот, как приказал падишах, царевну, которая была воспитана в неге и ласке и нигде, кроме своего дворца, не бывала, посадили в паланкин и бросили среди ночи в крошечной тьме в таком месте, куда даже птицы не залетают, что уж и говорить о людях. Трудно описать, что чувствовала царевна: кем она только что была и кем стала! Тут она обратилась с молитвою к богу и, уповая на его помощь, сказала:

— Ты — всемогущий: что ты хотел — то и сделал, что хочешь — то делаешь, что захочешь — то сделаешь. Поэтому я не потеряю веры в тебя, пока в груди у меня теплится дыхание.

И, полная надежды, она сомкнула глаза.

Когда наступило утро, очи царевны раскрылись. Она позвала подать ей умыться, и тут вспомнилось ей все, что произошло ночью.

— Разве ты забыла, где ты сама и где остались твои прислужницы? — сказала она, обращаясь к самой себе, и умылась песком *. Потом она снова вознесла хвалу богу.

— О дорогой! — продолжала мамка. — Сердце мое готово было разорваться на части, когда я услышала, что переживала царевна. Надо бы спросить эту невинную душу, что она могла бы рассказать! Одним словом,

сидя по-прежнему в паланкине, она, уповая на бога, читала такие стихи:

Когда жевать я не умел, бог посылал мне молоко,
а после, зубы подарив, засушенный хлеб давал.
О том, что людям нужно есть, он не забудет никогда,
как никогда зверей и птиц кормить не забывал.
Глупец! Зачем себе нашел ты множество забот?
Ведь никогда заботы плод съедобен не бывал.
А бог глупцам, и мудрецам, и всем дает, ты знаешь сам:
молись о том, чтоб дар его тебя не миновал.

Поистине, когда нет никакого выхода, то вспоминают о боге, а так ведь каждый сам себе Лукман * и Ибн-Сина *.

Теперь послушай о деяниях господних. Трое суток напролет провела госпожа, не имея ни крохи во рту. Ее тело, пышное, словно цветок, стало сухим, как колючка; румянец, сиявший подобно чистому золоту, сменился землистым оттенком корня куркумы; губы свело, взор погас, только грудь еще тихо вздымалась. Живое дыхание — жива и надежда. На утро четвертого дня явился к ней дервиш с внешностью Хизра * — со светлым лицом и ясной душой.

— Дочка! — обратился он к госпоже, видя печальное ее положение. — Хоть твой отец и падишах, но тебе было предопределено попасть в такую беду. Считай меня, нищего старика, своим слугой и устрями свои мысли к тому, кто тебя создал, — бог поможет.

Он положил перед госпожой куски, которые оставались в его нищенской суме, а сам отправился искать воду. Смотрит: стоит колодец, но нет ни ведра, ни веревки, чтобы достать воды. Тогда он сорвал с дерева несколько листьев, сложил их и скрепил в виде чаши, а потом снял с себя веревочный пояс и привязал к этой посудине. Так ему удалось добыть воду и утолить голод и жажду царевны. Наконец-то она немного пришла в себя. Зная, что она одна и без помощи, сей божий муж долго ее утешал, успокаивал и даже сам плакал из сочувствия. Когда госпожа увидела, что его участие и со-

страдание не имеют границ, ей стало легче. С тех пор у них повелось, что старик с утра отправлялся в город за милостыней. Все куски, которые он получал, он приносил госпоже — тем она и кормилась.

Так прошло некоторое время. Однажды госпожа вознамерилась умастить голову маслом и расчесать волосы гребнем. Когда она распустила косы, из одной пряди выпало прекрасное жемчужное зерно. Госпожа попросила дервиша снести его в город, чтобы продать. Факир продал жемчужину и вырученные деньги принес госпоже.

— Сооруди здесь дом, в котором можно было бы жить,— велела тогда она.

— Дочка! — ответил факир. — Выкопай ямы под фундамент и собери немного глины. На днях я натаскаю воды, замешу глину и выложу прочные стены.

Царевна начала копать землю, как он сказал. Когда она вырыла яму по пояс, показалась какая-то дверца. Госпожа очистила ее от земли, и перед ней открылось большое помещение, полное золота и драгоценностей. Она взяла несколько горстей золотых монет, затем снова закрыла все и, засыпав землей, заровняла сверху. Тем временем вернулся факир.

— Позови искусных и опытных в своем деле каменщиков, строителей и проворных рабочих,— повелела она. — Пусть быстро построят на этом месте царский дворец, чтобы он был под пару дворцу Кира * и превзошел бы замок Нумана *. Вокруг него пусть возведут стены, а рядом пусть будут крепость и сад, и бассейн, и дом для странников, который не знал бы себе равных. Но прежде они должны составить план всего этого на бумаге, чтобы я могла одобрить сама.

Факир привел умелых и опытных работников, каких было нужно, и строительство началось. Вскоре были подобраны слуги для всякого дела, такие, чтобы могли нести службу честно и хорошо. Понемногу весть о постройке роскошного дворца дошла и до ушей падишаха, тени всевышнего, — отца нашей царевны. Он очень уди-

вился и у всякого спрашивал, кто начал все это строить. Но никто ничего не смог ему доложить. Все смиренно прикладывали руки к ушам * и говорили, что имя строителя никому из них неизвестно. Тогда падишах послал к царевне эмира с таким сообщением: «Я хотел бы приехать полюбоваться этими местами, но не знаю даже того, какой земли Вы царица и какого Вы рода. Мне угодно получить сведения обо всем этом».

Лишь только госпожа услышала эту приятную весть, радость охватила ее сердце, и она отвечала: «Да пребудет в благополучии защитник мира! Весть о том, что Ваше величество намерены пожаловать к моей убогой хижине, принесла мне великую радость и преисполнила гордостью меня, ничтожнейшую. Сколь славна звезда того дома, где оставит свой след благословенная стопа, и обитателей его, на которых падет тень полы процветания, а взгляд благосклонности осчастливит и место и жителей! Я, Ваша рабыня, надеюсь, что завтрашний день — день четверга, день благоприятный — будет для меня лучше, чем день Нового года. Вы сами, подобные солнцу, пожалуете сюда и блеском своим озарите меня, ничтожную пылинку, и отведаете всего, что удастся добыть мне, бессильной, — это верх благосклонности и снисхождения. Больше сказать я не смею». Одарив посланца, царицапустила его обратно с этим письмом.

Падишах прочитал ее почтительный ответ и послал сообщить: «Мы приняли Ваше приглашение. Обязательно будем».

Госпожа созвала слуг и велела все, что нужно для пиршества, приготовить таким образом, чтобы падишах, увидав и отведав, пришел в восхищение, а все малые и великие, что придут вместе с ним у его стремени, тоже были бы довольны. По приказу госпожи и под ее руководством наготовили всяческих яств, соленых и сладких, таких вкусных, что попробуй их дочка брахмана *, и та вмиг согласилась бы обратиться в мусульманскую веру. Вечером падишах в роскошных носил-

ках пожаловал в дом к госпоже, и она со всеми приближенными, служительницами и подружками вышла навстречу. С таким искусством отдала она ему царские почести, что падишах, видя ее обращение, удивился еще больше, а она с тем же блеском приняла его и усадила на усыпанный драгоценными камнями трон. Еще раньше госпожа велела соорудить помост из ста двадцати пяти тысяч слитков серебра. На нем было поставлено сто одно блюдо с драгоценностями и золотом и разложены шерстяные, шелковые и парчовые ткани, а также приготовлены два слона и десять лошадей, иранских и йеменских, в выложенной самоцветами сбруе,— все это для подарка падишаху. Сама же она почтительно предстала перед ним, сложив руки.

— Какой земли вы царевна? — спросил падишах очень милостиво. — И как случилось, что вы попали сюда?

— Ваша рабыня — та самая грешница, которая вследствие царского гнева была брошена в этом лесу, а все, что вы видите вокруг, — чудо всевышнего, — доложила царевна с надлежащим почтением.

При этих словах падишах почувствовал волнение в крови. Он поднялся, любовно обнял царевну, потом, взяв ее за руку, велел приготовить ей место рядом с тронном и усадил, а сам все не мог справиться со своим изумлением.

— Подите, — повелел он, — скажите царице, чтобы она поскорей приходила сюда вместе с царевнами.

Мать и сестры вскоре явились и узнали нашу госпожу. Они принялись обнимать ее, плакать и благодарить бога. Госпожа выставила перед родительницей и сестрами столько денег и драгоценностей, что сокровища всего мира не смогли бы с этим сравниться. Потом падишах, усадив всех вместе с собою, изволил откусать.

Пока защитник мира был жив, все так и шло; иногда он сам наезжал, а то увозил царевну к себе во дворец. Когда же он удался в другой мир, правление страной

перешло к госпоже, потому что, кроме нее, никто так не подходил к этому делу.

О дорогой! Такова история, которую ты услышал. Надо добавить, что данное богом богатство не истощается. Нужно только, чтобы у человека были добрые намерения, а там — сколько ни трать, столько и вернется обратно. Удивляться же могуществу бога не принято ни в какой вере.

Если ты утвердился в решении поехать в Нимроз и привезти желанные сведения, — закончила мамка, — то отправляйся скорей.

— Я сию же минуту иду, — отвечал я. — Даст бог, скоро вернусь.

Распрощавшись и уповая на милость Аллаха, я двинулся в путь. Переноса каждый день столько трудностей, что их достало бы на год, я прибыл в город Нимроз. Все жители, какие мне попадались, и военные и торговцы, носили черное платье. Все, о чем мне рассказывали, я увидел теперь своими глазами. Через несколько дней наступило новолуние. В первый день нового месяца весь городской люд: старые и малые, дети и подростки, эмиры и падишах, женщины и мужчины — все собрались в поле. Я тоже, охваченный волнением и нетерпением, под видом факира, который лишился своей страны и имущества, смешался с этой толпой и ждал, что за чудо покажут мне небеса. Между тем из лесу верхом на быке, испуская громкие вопли, выехал юноша. Уста его покрывала пена. А я, несчастный, я, который с таким трудом добрался сюда, чтобы о нем разузнать, при одном только виде его растерялся и застыл в изумлении. Юноша, сделав все, как мне говорили, удалился обратно, и народ двинулся в город. Только тут пришел я в себя и стал причитать: «Что ты наделал?! Теперь снова надо ждать целый месяц!» Поневоле пошел я вместе со всеми и весь этот месяц провел как пост Рамазан*, отсчитывая день за днем. Наконец,

снова пришло новолуние, а для меня словно праздник настал. На заре падишах вместе с народом отправился туда же на поле, и все собрались там. Я твердо решил про себя, что на сей раз — будь что будет — я должен взять себя в руки и разобраться в этом поразительном деле.

И вот, как обычно, верхом на желтом быке, явился тот юноша и, сойдя наземь, уселся, подогнув ноги. В одной руке у него был обнаженный меч, в другой — уздечка быка. А вазу, которую он держал перед тем, он отдал рабу. Тот пошел показывать ее всем присутствующим, и люди, взглянув на нее, принимались рыдать. Потом юноша разбил эту вазу и нанес рабу такой удар мечом, что разом отсек ему голову, а сам сел верхом и поехал назад. Я бросился следом за ним, но горожане схватили меня за руки.

— Что ты делаешь? — говорили они. — Зачем ты сознательно идешь на смерть? Если тебе жизнь надоела, так разве мало других способов умереть? Воспользуйся ими.

Как я их ни упрасивал, как ни старался вырваться из их рук, они меня не пустили. Несколько человек повисли на мне и потащили в город. Я был страшно раздосадован — ведь опять пропал целый месяц.

Пришел конец и этому месяцу, и, когда настал день новолуния, весь народ утром снова столпился на том же месте. Но на сей раз я ушел один в час утренней молитвы и спрятался в лесу, который лежал на пути того юноши, — уж там-то никто не должен был мне мешать. Молодой человек появился точно так же, как прежде, и, совершив все свои действия, поехал обратно.

Я последовал за ним и бежал что было сил. По звуку моих шагов он догадался, что его кто-то преследует. Внезапно натянув поводья, он издал грозный вопль, выхватил меч и бросился мне навстречу, намереваясь ударить. Я с крайней почтительностью склонился в приветствии, покорно сложив руки. Тогда он, как благовоспитанный человек, обратился ко мне:

— Эй, факир! Ты мог бы пропасть ни за что, но спасся от смерти. Тебе еще осталось немного пожить. Куда ты направляешься? — Он снял с пояса усыпанный самоцветами кинжал с жемчужной подвеской и, бросив его мне, продолжал. — Сейчас у меня нет с собой денег подать тебе. Снеси эту вещь падишаху, и ты получишь все, что ни попросишь.

Мной овладел такой страх и ужас, что я не смел вымолвить слова и не мог даже шагу ступить. Голос у меня оборвался, и ноги окаменели.

Между тем доблестный юноша с криком двинулся дальше, а я подумал про себя: «Будь, что будет! Отстать для тебя теперь хуже всего — впредь такой случай больше не представится». Махнув рукой на опасность, которой я подвергался, я опять пошел вслед за ним. Он обернулся и, снова увидев меня, сильно разгневался, стал грозить и готов был убить меня. Я покорно согнул шею и, заклиная его всем святым, произнес:

— О Рустам * наших дней! Ударь меня так, чтобы разом надвое рассечь мое тело, чтобы даже полоска кожи не связывала обе его половины, тогда я избавлюсь от своих мучений и всех этих бедствий. Я прощаю тебе свою кровь.

— Эй, образ сатаны! — ответил он. — Зачем хочешь ты навязать мне свою неповинную кровь и ввести меня в грех? Иди своей дорогой. Что, тебе жизнь надоела?

Я не слушал его и продолжал идти сзади, а он, видно, решил пренебречь этим, и так я преследовал его, не отставая. Пройдя несколько верст, мы вышли из зарослей, и перед нами оказалась ограда. Юноша подошел к воротам, издал страшный вопль, и они сами собой отворились. Он удалился во двор, а я остался снаружи. «Аллах! Что мне теперь делать?» — думал я в беспокойстве. Но некоторое время спустя вышел раб и сказал:

— Войди, хозяин зовет тебя. Наверно, ангел смерти реет над твоей головой. Какая злая судьба привела тебя?

— Напротив, это мое счастье! — ответил я и бес-трепетно вошел во двор.

Раб привел меня в дом, где сидел молодой человек. Я отвесил ему земной поклон, и юноша подал мне знак садиться. Тогда я почтительно присел, скрестив ноги. С изумлением вижу, что юноша сидит один на маснаде, перед ним лежат инструменты ювелира, и он только что кончил изделие из изумрудов. Когда подошло время ему подниматься, все рабы, какие только стояли вокруг его трона, попрятались по комнатам; я тоже в страхе укрылся в какой-то каморке. Юноша встал, запер двери всех помещений, потом направился в угол сада и принялся бить быка, на котором он ездил. Когда рев животного дошел до моих ушей, сердце мое затрепетало; но ведь для того, чтобы выяснить эту историю, я перенес столько лишений. Как мне ни было страшно, я открыл дверь и, спрятавшись за толстым деревом, стал наблюдать. Юноша отбросил вдруг палку, которой он бил быка, отворил ключом одну из дверей и вошел в дом. Выйдя вскоре обратно, он погладил быка по спине, поцеловал его в морду и, задав ему корма, пошел оттуда. Увидав это, я бросился назад и спрятался в том же чуланчике. Тем временем юноша отпер все двери, и слуги вышли наружу с вышитым золотом ковриком, кувшином и умывальным тазом. Он совершил омовение и встал на молитву. Окончив намаз, он спросил:

— Где же тот дервиш?

Едва лишь я услышал, что он поминает меня, я выбежал и встал перед ним.

— Садись, — соизволил он предложить.

Я с поклоном уселся. Принесли закусить. Он принялся за еду, пригласив и меня. Я поел вместе с ним. После того как убрали дастархан, мы вымыли руки, и он отпустил рабов, отправив их спать. Когда в помещении никого, кроме нас, не осталось, он обратился ко мне:

— Дорогой! Что за беда приключилась с тобой, что ты отправился искать себе смерти?

Я подробно поведал ему все, что случилось со мной с начала и до конца.

— Надеюсь, что благодаря вашей милости я смогу достичь своей цели,— заключил я.

В ответ на это он тяжело вздохнул и в смятении чувств воскликнул:

— О боже великий! Кто, кроме тебя, знает, что такое муки любви?! Тому, у кого от мороза не трескались пятки, как понять чужие страдания? Силу боли моей поймет только тот, кто сам намучился ею.

О муке, которую дарит любовь, узнай у того,
кто любит сильнее,
О ней ты у искреннего спроси, ну что притворщик
знает о ней!

Спустя мгновение он овладел собою, испустив мучительный вздох, который разнесся по всему дому. Тут мне стало ясно, что и он подвергся несчастьям любви и болен той же болезнью, которая мучит меня.

— Я доложил вам о себе все,— сказал я тогда, набравшись смелости.— Соизвольте быть так любезны, поведайте мне вашу историю, тогда я первым долгом постараюсь помочь вам, в чем только смогу, и приложу все усилия, чтобы достать желанное вашему сердцу.

Одним словом, видя мое сочувствие и сострадание, этот безутешный влюбленный принялся рассказывать мне о своих похождениях.

— Слушай, дорогой! — начал он.— Я, несчастный,— царевич этой страны Нимроз. Когда я родился, падишах, мой отец, призвал звездочетов, предсказателей и мудрых пандитов *. Он повелел им исследовать положение звезд и, составив точный гороскоп новорожденного, подробно доложить обо всем, что должно с ним случиться в каждый миг, минуту и час, в каждый день, месяц и год его жизни. Следуя этому приказанию, все они собрались вместе и определили мою судьбу, каж-

дый, как позволяли ему его искусство и знания. «По милости божьей,— донесли они падишаху,— рождение царевича свершилось в такой добрый час и счастливый момент, что он, наверное, создаст себе такую же империю, как Александр Македонский, будет справедлив, как Науширван, преуспееет во всех науках и искусствах, какие бывают на свете, и всякое дело, к которому он почувствует склонность, будет ему удаваться. Великодушием же и мужеством он создаст себе такую славу, что люди забудут Хатима и Рустама. Но до четырнадцати лет глядеть на солнце и на луну ему очень опасно; есть даже угроза, что от этого он может лишиться рассудка и тогда пролетит кровь многих людей, отрешится от мира и удалится в леса, чтобы там улаживать свое сердце обществом диких животных. Единственный способ избежать этого — днем и ночью беречь его от солнечного и лунного света, не давать ему даже взглянуть на небо. А если этот период пройдет благополучно, то весь век свой он будет править страной в мире и счастье».

Выслушав их, падишах велел заложить эту усадьбу, построить в ней помещения всякого рода, и здесь стали воспитывать меня в подземельях, закрытых войлочным куполом, сквозь который не мог пробиться даже тончайший луч солнца или луны. Меня растили под такой защитой в роскошных покоях, в окружении мамок, нянек, кормилиц, служанок; а для обучения ко мне был приставлен мудрый и опытный наставник: он должен был преподавать мне все науки и выучить писать семью красивыми почерками *. Защитник мира — отец мой — постоянно справлялся обо мне, и ежедневно ему докладывали обо всем, чем я занимался. Мой дом казался мне целым миром; я развлекался всяческими игрушками и разнообразнейшими цветами, и дары всей земли украшали мой стол — ешь, что только захочешь. К десяти годам я овладел всеми искусствами и родами занятий, какие только можно придумать.

Однажды в люке под куполом я увидел странный цветок, который рос у меня на глазах. Я хотел схватить

его рукой, но как ни тянулся, он все время выскальзывал. В изумлении я уставился на него, в это время до моих ушей донесся чей-то смех. Я поднял глаза и вижу: сквозь разорванную кошму смотрит лицо, прекрасное, как лик луны. При виде его я готов был лишиться чувств и рассудка. Когда же, овладев собой, я взглянул снова, то рассмотрел усыпанный самоцветами трон, который стоял на плечах бесподобных красавиц, а на нем увидел царственную пери в драгоценной короне и великолепном наряде — она восседала с яхонтовой чашей в руке и пила вино. Трон тихо, тихо спустился с высоты и встал на пол под куполом. Пери подозвала меня, усидела рядом с собою и обратилась ко мне со словами любви. Потом сомкнула уста с моими устами и напоила меня целой чашей ароматнейшего вина.

— Рожденные людьми вероломны, — сказала она, — но сердце мое стремится к тебе.

Своими ласковыми, нежными речами она вмиг покорила мою душу. Счастье охватило меня, я почувствовал радость жизни и понял, что лишь сегодня вступил в мир. А в результате, что я теперь собой представляю! Зато никто, верно, не испытал такого счастья и не слышал о нем!

Мы спокойно сидели вдвоем, объятые радостью встречи, как вдруг наше блаженство прервалось.

Слушай, что я расскажу об этом неожиданном событии. Внезапно спустились с небес четыре красавицы пери и что-то сказали моей возлюбленной на ухо. Выслушав их, она изменилась в лице и обратилась ко мне:

— Милый! Мне хотелось бы еще не один миг наслаждаться, сидя рядом с тобой, и впредь постоянно сюда приходить или же тебя брать к себе, но небеса не хотят допустить, чтобы мы двое, будучи вместе, вкушали радость и счастье. Прощай, любимый! Да хранит тебя бог.

При этих словах голова у меня закружилась, и счастье упорхнуло от меня, как птица из рук.

— Госпожа моя! — вскричал я. — Когда же мы встретимся снова? Что за жестокие речи вы говорите мне? Если вернетесь скоро, то еще найдете меня живым, а нет — вам останется только скорбеть. Скажите хоть, как ваше имя и где вас найти, чтобы я знал, куда направить свой путь.

— Боже избави, — отвечала она. — Да не коснутся твои речи ушей шайтана. Дай тебе бог дожить до ста двадцати лет: быть бы живому, а встречи-то будут. Я дочь шаха джиннов и живу на горе Каф*.

С этими словами она поднялась вместе с тронном и улетела так же, как появилась. Пока она еще была видна, мы не сводили друг с друга очей, но лишь только она исчезла из глаз, я стал словно бы одержимым: душу охватила неизъяснимая грусть, ум и рассудок оставили меня, мир потемнел перед глазами. Расстроенный и безутешный, я принялся громко плакать, посыпать голову прахом и рвать на себе одежды. У меня пропал вкус к еде, и я стал ко всему безразличен.

Любовь приносит так много бед,
Что сердцу от горя спасенья нет.

Няньки и учитель увидели, что со мной приключилось что-то неладное. В страхе направились они к падишаху.

— У царевича странное состояние, — докладывали они. — Не понять, что за беда внезапно разразилась над ним: он лишился сна и покоя, отказался от еды и питья.

Тогда падишах взял с собою всю свиту: везира, мудрых эмиров, искусных врачей, проницательных звездочетов, ученых, мулл, ходжей* и набожных дервишей — и пожаловал ко мне в усадьбу, озарив ее своим блеском. Видя мое беспокойство и неутешные слезы, он сам взволновался. Глаза его увлажнились, в порыве чувств он прижал меня к груди и повелел найти средство лечения. Врачи прописали мне лекарства, чтобы вернуть силу духа и изгнать меланхолию. Муллы написали на

бумажках заклинания, чтобы я носил их на теле как амулеты или проглатывал, запивая водой; бормоча молитвы, они стали дуть на меня. Звездочеты сказали, что это событие вызвано положением звезд и пужно принести жертву. Одним словом, всякий рассуждал так, как велело ему его ремесло. Но то, что творилось в душе у меня, переносил я один: ничьи старания, ничьи ухищрения мне не помогали, и день ото дня мое безумие становилось сильнее, а тело, лишенное пищи, слабело. Круглые сутки я рыдал и бился в истерике.

Так прошло три года. На четвертый приехал к нам странствующий купец. Он принес в дар защитнику мира поразительнейшие диковинки со всех концов земли и выразил ему свое почтение. Падишах принял его очень любезно и, расспросив о делах и здоровье, сказал:

— Вы повидали много стран. Не повстречался ли вам где-нибудь искусный врач, или не слышали ли вы о таком?

— О тот, кому поклоняется мир! — воскликнул купец. — Я много поездил и вот что я видел. В Хиндустане есть гора посредине реки. На ней святой отшельник, не стриженный волос *, воздвиг большой храм Махадевы *, устроил место для богослужений и вырастил цветущий сад. Он живет там, и есть у него один обычай. Каждый год в день праздника Шеврат * он выходит из своей обители, купается в реке и наслаждается этим. Когда он после омовения направляется к своему обиталищу, у его дверей собираются огромной толпой больные и страждущие из самых дальних стран и земель. Этот святой человек, которого следует назвать Платоном нашего времени *, обходит их, исследуя мочу и пульс каждого, и дает им советы. Господь наделил его такой целительной силой, что стоит лишь больному выпить его лекарства, как результат сразу же дает себя знать и недуг исчезает бесследно. Я видел это своими глазами и дивился могуществу бога, создающего себе таких слуг. Если вы соизволите, мы отвезем туда

царевича и покажем его отшельнику. Я уверен, сын ваш скоро выздоровеет. Я думаю также, что, глотнув воздуха в новых краях и попробовав разнообразной пищи, царевич от одного этого вернется к хорошему расположению духа.

Совет купца понравился падишаху.

— Превосходно,— сказал он, обрадовавшись,— может быть, рука целителя преуспееет и в этом деле, и печаль оставит сердце моего сына.

Он назначил сопровождать меня вместе с купцом доверенного эмира, опытного во всяких делах и повидавшего мир, и снабдил нас всем необходимым в дорогу. Снарядили целый флот: лодки и барки, парусники и галеры — чего только не было. Погрузили на них наш багаж, и падишах распрощался с нами. Переход за переходом, мы добрались до назначенного места. Новый воздух и новая пища несколько укрепили мое здоровье, но я по-прежнему не произносил ни слова и постоянно плакал. Воспоминания о моей пери ни на миг не оставляли меня. Если я и раскрывал временами уста, то только чтобы произнести такое двустушие:

Ах, если б знал я, какую пери был мне подарен
тот взгляд лукавый,
Ведь сердце, не ведая боли, билось,
пока не впитало его отравы.

По прошествии двух-трех месяцев на острове собралось около четырех тысяч больных, и все твердили одно: «Бог даст, святой отшельник выйдет из своей кельи и словом своим даст нам полное исцеление».

И вот, когда наступил ожидаемый день, поутру, словно солнце, появился отшельник. Он сошел в реку, стал купаться и плавать, доплыл до другого берега, вернулся и, выйдя, покрыл все свое тело золою и прахом. Его белое тело исчезло под пеплом, как прячется в золе пылающий уголь. На лоб себе он поставил лучшим малабарским сандалом знак тика, повязал ланготи *, набросил на плечи платок, завязал узлом волосы, закрутил усы и надел туфли на каблуках. По лицу его

было видно, что весь мир не имеет в его глазах никакой цены. Держа под мышкой украшенный самоцветами пенал, он обходил всех по очереди, осматривал и раздавал предписания и, наконец, приблизился ко мне. Когда он взглянул на меня и взоры наши скрестились, он остановился, погруженный в раздумье.

— Пойдемте со мной, — молвил он затем, и я пошел следом за ним.

Обойдя всех больных, он отвел меня в свою обитель и показал мне удобную красивую келью.

— Живите здесь, — сказал он и удалился к себе.

По прошествии сорока дней он посетил меня и нашел, что мне стало лучше, чем было прежде.

— Прогуливайтесь по нашему саду и ешьте плоды, какие понравятся, — разрешил он с улыбкой. Тут же он дал мне китайскую чашку с лекарственным снадобьем и продолжал: — Каждый день пейте это лекарство по глотку натошак.

С этими словами он оставил меня.

Я стал действовать, как он велел. С каждым днем я чувствовал, что в теле набираются силы и в сердце появляется радость. Но власть любви оставалась непобедимой: образ моей пери неотступно витал у меня перед глазами.

Однажды на полке попался мне толстый том. Я взял его и увидел, что все знания, какие дают вера и жизнь, собраны в нем — великое сосредоточено в малом, словно море в кувшине. Дни и часы напролет я проводил над этой книгой и многое постиг в лечебном искусстве и в заклинании духов. Тем временем пролетел год, и вновь наступил тот день радости. Святой йог поднялся со своего места и вышел из кельи. Когда я приблизился к нему с приветствием, он вручил мне пенал и велел его сопровождать. Лишь только показались мы за воротами, целые толпы народу обратились к нему с благословениями. Были тут и эмир с купцом, которые меня привезли. Увидав меня рядом с отшельником, они бросились ему в ноги, изъявляя свою благодарность.

— По вашей милости,— говорили они,— он, наконец, поправился.

Следуя обычаю, отшельник спустился к реке, так же, как всякий год, совершил омовение и прочитал молитву. На обратном пути он принялся за осмотр больных.

Случайно в группе безумцев попался ему на глаза красивый молодой человек, который от слабости не мог даже стоять. Отшельник велел мне пригласить его к нам. Когда, раздав всем советы и предписания, мы пришли назад в келью, отшельник вскрыл в черепе больного небольшое отверстие и хотел вытащить щипцами сороконожку, которая сидела в мозгу. Тут я сообразил, что, если он наложит щипцы ей на спину, сперва раскалив их в огне, она вылезет без труда, если же станет тянуть просто так, она не захочет расстаться с мякотью мозга, и это подвергнет опасности жизнь пациента. Так я ему и сказал. Услыхав это, он взглянул на меня, молча поднялся и ушел в угол сада; там он обнял руками дерево и задушил себя петлей из своих же волос. К тому времени как я подбежал и увидел все это, отшельник — увы, увы! — был уже мертв. Я очень горевал, глядя на это странное дело, но мне ничего больше не оставалось, как только похоронить старика. Когда я стал отделять тело от дерева, из спутанных прядей волос выпали два ключа. Я подобрал их, а отшельника — кладезь добродетели — предал земле. Потом обоими ключами начал пробовать все замки в доме, и вот запоры двух келий удалось отпереть. Вижу, с полу до потолка они полны драгоценных камней, а в одном месте лежит шкатулка, обитая бархатом, украшенная золотыми пластинками и запертая на ключ. Открыв ее, я увидел книгу, в которой записаны величайшее имя Аллаха *, способы, как вызывать джиннов и пери, как встретиться с духами и как подчинить себе движение солнца.

Я был рад получить такое богатство и решил им распорядиться: открыл ворота обители и приказал сопро-

вождавшему меня эмиру с помощниками, затребовать корабли, погрузить на них все эти деньги, товары, драгоценности, книги и отплыть с ними морем на родину. Когда, пробыв долго в пути, мы приблизились к дому, весть о нашем возвращении дошла до падишаха. Он выехал навстречу и, не помня себя от радости, любовно прижал меня к сердцу.

— Дозвольте мне, ничтожному, жить в моей старой усадьбе, — попросил я его, облобызав ему стопы.

— Благословенный сын! — отвечал он. — Это место, по моему, оказалось несчастливым, поэтому за усадьбой перестали смотреть и ухаживать; она уже не годится для жилья человеку. Устройся в любом дворце, в каком только захочешь. Было бы лучше всего, если бы ты выбрал место где-нибудь в крепости и жил перед моими глазами, а для прогулок и развлечений разбил себе сад, какой будет угодно.

Но я твердо стоял на своем и поселился в старой усадьбе, благоустроив все заново и уподобив сад раю. Потом на свободе от дел я выдержал сорокадневный пост, чтобы подчинить себе джиннов, и в удалении от всех живых существ стал готовиться вызывать нечистую силу.

Когда окончились эти сорок дней, среди ночи вдруг поднялась такая буря, что начали падать самые большие дома, а вырванные с корнем деревья летели по ветру. Затем показалось целое войско пери, спустился по воздуху трон, а на нем восседал кто-то блистающий в жемчужном венце и роскошном халате. Едва завидев его я с большой почтительностью поздоровался. Он ответил на мое приветствие и сказал:

— Эй, дорогой! Для чего это ты поднял ненужный шум? Чего желаешь от нас?

— Я, беспомощный, давно уж люблю вашу дочь, — доложил я ему. — Я измучился и истомился сверх всякой меры, душа во мне умерла. Жизнь опостылела мне, я готов поставить ее на карту, потому и занялся такими делами. Теперь уповаю только на вас, возвысьте своей

милостью меня, расстроенного и смущенного, и, разрешив увидаться с ней, подарите мне жизнь и покой — это было бы величайшим благодеянием.

— Люди созданы из праха, а мы — из огня, — ответил он на мою просьбу, — соединиться одному с другим нелегко.

— Я стремлюсь только увидеть ее и не желаю ничего больше, — стал клясться я.

— Люди не держат своего слова, — ответил тогда сей венценосец. Когда они стремятся достичь своей цели, то обещают все что угодно, но потом забывают об этом. Я говорю это для твоего же блага: если впоследствии ты захочешь чего-нибудь большего, оба вы — и ты, и она — окажетесь на краю гибели; тогда сама жизнь твоя будет в опасности.

Я снова поклялся ему, что не сделаю ничего, могущего принести зло нам обоим, а только взгляну на нее. Так продолжался наш разговор, и вдруг явилась в пышном уборе та самая пери, о которой шла речь, а трон шаха джиннов исчез. Не в силах сдержать себя, я обнял ее с нежным пылом и прочитал такое двестишье:

Наконец-то со мною та, чьи брови, как луки,
Та, во имя которой сорок дней я постился.

Счастливые, мы стали жить вместе в моей усадьбе. Боясь беды, я позволял себе только невинные ласки и все любовался ею, о другом не смея и думать. Моя пери поражалась про себя моей верности данному обещанию.

— Милый! — говорила она мне время от времени. — Ты хоть и крепко держишь слово, но я советую тебе по дружбе: храни хорошенько свою книгу. Ведь не сегодня, так завтра джинны подстерегут тебя и похитят ее.

— Я берегу ее как собственную жизнь, — отвечал я.

Но как-то ночью шайтан соблазнил меня. От страсти не владея собой, я подумал: «Будь что будет! До каких пор стану я себя сдерживать?» — и прижал красавицу к сердцу с намерениями самыми дерзкими. Вдруг раз-

дался голос: «Дай мне книгу: в ней написано величайшее имя — не оскорбляй его». В иступлении я совсем лишился рассудка и, вынув книгу из-за пазухи, беспрекословно отдал ее, оставаясь во власти желания.

— Ах мучитель! — вскричала красавица, видя мой неразумный поступок. — Ты все-таки нарушил обещание и забыл мой совет.

С этими словами она лишилась чувств, и у ее изголовья я увидел дэва, который стоял, держа книгу. Я хотел схватить его, избить хорошенько и отнять книгу, но в это время другой дэв выхватил ее у него и убежал. Я принялся читать заклинания, какие мог вспомнить. Джинн, который остался стоять, обратился в быка, но — увы! — пери все так же была без сознания, и с тех пор она спит волшебным сном и не приходит в себя.

Тут рассудок мой помутился; все радости обернулись мне горечью. Я почувствовал отвращение к людям, замкнулся в этом саду и, чтобы отвлечься, делаю вазы из изумрудов. Каждый месяц выезжаю я на заколдованном быке в поле и, разбив вазу, убиваю раба, для того чтобы все видели, как я страдаю, и горевали вместе со мной. Может быть, найдется среди слуг божьих кто-нибудь, кто сжалится и помолится за меня; тогда и я вновь обрету свое счастье. О друг! Вот я и поведал тебе, как я стал безумцем.

Выслушав его рассказ, я сказал, не в силах удержаться от слез:

— О царевич! Ты поистине вынес в любви великие бедствия. Но клянусь, теперь я, отрешившись от собственных стремлений, пушусь скитаться по лесам и горам ради твоего дела и совершу для тебя всё, что в моих силах.

Пообещав это, я распрощался с ним и пять лет, как одержимый, бродил по разным местам, но никакого средства помочь ему не нашел. Наконец, совершенно отчаявшись, я забрался на гору и хотел броситься вниз,

чтобы ни косточки, ни ребрышка целого от меня не осталось. Тут явился тот же всадник в зеленом плаще и произнес:

— Не губи свою жизнь. Через несколько дней ты достигнешь желаемой цели.

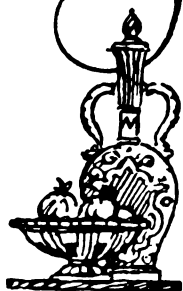
О дервиши, преданные Аллаху! Моя встреча с вами уже состоялась. Теперь, надеюсь по милости божьей мы обретем радость и счастье, и все обездоленные получат то, что они ищут.

История Азадаста
Падшаха

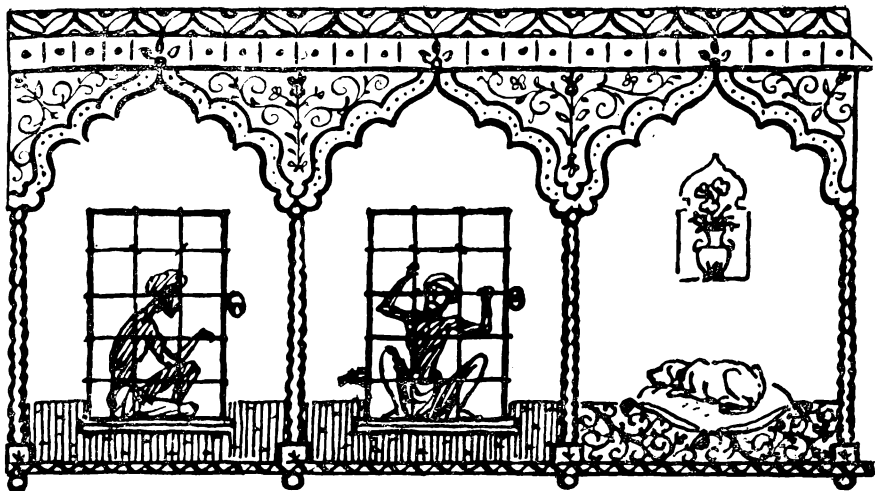

КОГДА второй дервиш кончил рассказ о своих похождениях, ночь подошла к концу и наступило утро. Падишах Азадбахт молча отправился домой. Придя во дворец, он совершил намаз, потом искупался в бассейне, надел драгоценный халат и вышел в зал общих приемов.

— Пусть начальник стражи пойдет в такое-то место, — воссев на трон, повелел он. — Там находятся четыре факира. Пусть он с почетом приведет их сюда.

Подчиняясь велению падишаха, начальник стражи пошел, куда было указано. Видит, там четверо нищих, освобождаясь от нужды и омыв лицо и руки, собираются идти каждый своею дорогой.

— Почтенные господа! — обратился

ся к ним посланный.— Падишах призывает вас к себе. Извольте пойти со мной.

— Господин! — заявили дервиши стражнику, переглянувшись друг с другом.— Мы сами правим своими сердцами, что за дело до нас мирскому правителю!

— Достопочтеннейшие! — отвечал тот.— Не беспокойтесь. Если вы пойдете, все будет как нельзя лучше.

Тут четверо сообразили: ведь это сбывается предсказание Муртаза Али. Обрадовавшись, они последовали за начальником стражи. Войдя в крепость и представ перед падишахом, дервиши произнесли благословение:

— Господин! Да сопутствует тебе счастье!

Падишах удалился в зал частных приемов, пригласил нескольких приближенных эмиров и приказал:

— Позовите тех четверых, которые одеты в рубища.

Когда они вошли, он велел им сесть и изволил осведомиться:

— Откуда вы к нам явились и куда намерены отправиться дальше? Где ваша обитель?

— Да продлится век падишаха и приумножится богатство его! — отвечали они. — Мы факиры. Мы блуждаем так уже долгое время, и дом наш у нас на плечах — ведь говорят: где застанет факира вечер, там и дом ему. А рассказать обо всем, что мы повидали в этом полном превратностей мире, невозможно — когда бы мы кончили?

Азадбахт успокоил и обласкал факиров; он велел подать кушанья и усадил их завтракать перед лицом своим. Когда же они покончили с едой, падишах снова повел речь:

— Поведайте мне без утайки о своих похождениях, а я сделаю для вас все, что в моих силах, и не остановлюсь ни перед чем.

— У нас не хватит сил рассказать обо всем, что с нами стряслось, а падишах не найдет удовольствия в том, чтобы это слушать. Поэтому лучше простите нас, — отвечали факиры.

— Там, где вы ночью рассказывали друг другу свои приключения, находился и я, — сказал им на это падишах, улыбаясь. — Таким образом, истории двух дервишей я уже слышал. Теперь хочу, чтобы два других тоже рассказали нам о себе, да еще, чтобы все вы несколько дней спокойно провели у меня, — говорят ведь: след дервиша отгоняет беду.

Услышав от падишаха такие слова, факиры задрожали, объятые страхом, и, опустив головы, хранили молчание — у них не было сил говорить. Азадбахт же, видя их робость и смятение чувств, при котором они и слова молвить не могут, начал сам.

— В этом мире, наверное, нет человека, с которым не случилось бы хоть какого-нибудь удивительного и чудесного происшествия, — сказал он. — Несмотря на то что я падишах, я тоже видел немало. Об этом я вам расскажу сейчас первый, вы же спокойно слушайте.

— Благополучие падишаху! — воскликнули дервиши. — Раз ваша милость к факирам так велика, то соблаговолите начать.

И Азадбахт принялся рассказывать свою историю:

Повесть мою и мои поученья слушайте,
Про жизнь падишаха, про скорбь и мученья слушайте,
Все то, что я видел, все то, что я слышал, выскажу,
Знавал и радости и огорченья, слушайте.

Когда скончался мой родитель, на сей престол воссел я, а было то в самом расцвете моей юности. Власть моя простиралась на всю страну Рум. Раз как-то приехал сюда купец из Бадахшана * и привез множество товаров. Придворные донесли мне, что столь богатый купец никогда еще не бывал в нашем городе. Я потребовал его к себе.

Он явился и преподнес мне дары разных стран света, вполне достойные моего сана. Поистине, каждая вещь казалась бесценной, но и среди них выделялся лежавший в шкатулке рубин удивительно красивого цвета, чистейшей воды и правильной формы; в весе он достигал пяти мискалей *. Мне он понравился: хоть я и падишах, но никогда раньше не видел подобного камня и даже не слышал о таком. Щедро вознаградил я купца, оказал ему почести и велел написать подорожную грамоту, чтобы во всех наших владениях никто не чинил препятствий его торговым делам и чтобы всюду, куда он ни поедет, устраивали его со всеми удобствами, приставляли бы для охраны стражу и убытки его почитали бы за свои. На приеме во дворце купец, находясь при мне, показал хорошее знакомство с церемониалом, и красноречие его стоило того, чтобы послушать. А рубин я каждый день с той поры требовал подавать себе во время приема и любовался им у всех на виду.

Однажды я восседал в зале собраний. Тут же стояли, расположившись по рангу, эмиры и столпы государства. Присутствовали и послы от падишахов всех стран — они пришли приветствовать меня. Тем временем я, как обычно, послал за рубином. Хранитель сокровищницы принес мне его, я взял его в руки и начал хвалить, а потом передал послу из Фаранга *. Тот

взглянул, улыбнулся и льстиво произнес похвалу. Так камень шел из рук в руки, каждый смотрел, и все в один голос твердили: «Только благосклонность счастливой судьбы вашего величества помогла вам получить этот камень. Ведь ни одному падишаху до сих пор не попадало в руки такое бесценное сокровище».

В то время советником при мне был везир моего отца, человек мудрый, сохранивший и у меня тот же пост.

— Я хочу вам кое-что доложить,— обратился он с почтительным поклоном.— Соизвольте даровать жизнь.

— Говори,— велел я.

— О тот, кому поклоняется мир! — начал он.— Вы падишах, а падишаху не следует превозносить так высоко какой-то камень. Пусть форма и цвет его бесподобны, но все же это лишь камень. На приеме присутствуют послы разных стран. Когда они разъедутся по своим городам, то, конечно, будут рассказывать о вас: «Какой, мол, это странный падишах. Получил откуда-то рубин и считает его такой диковинкой, что изо дня в день требует его приносить и расхваливает перед всеми». Тогда падишах или раджа *, который услышит об этом, станет смеяться над вами при всей своей свите. Государь! В Нишапуре * есть ничтожный купец. Так он двенадцать подобных рубинов, в семь мискалей каждый, вставил в ошейник и повесил на шею собаке.

Едва я это услышал, меня охватил такой гнев, что, не помня себя, я вскричал:

— Отрубить голову этому везиру!

Палачи тотчас схватили его и потащили, но посол из Фаранга выступил вперед, скрестив почтительно руки.

— Что тебе нужно? — спросил я.

— Я хотел бы узнать, в чем провинился везир,— произнес он.

— Что может быть большим грехом, чем ложь? — ответил я.— Особенно, когда ее произносят перед лицом падишаха.

— Лживость его слов еще не установлена, — возразил тот, — может быть, все, что он доложил, окажется правдой. Убить же, не разобравшись, невинного — несправедливо.

— Уму непостижимо, — отвечал я на это, — чтобы какой-то купец, который в поисках выгоды изнуряет себя, скитаясь словно бездомный из города в город, из страны в страну, и собирает грош за грошом, вставил бы в ошейник собаке двенадцать рубинов весом каждый в семь мискалей!

— Нет ничего удивительного в могуществе бога, — настаивал посол из Фаранга. — Может случиться и это. Такие диковинки нередко попадают в руки купцов и факиров, потому что и те и другие странствуют во всяческих землях и привозят оттуда все, что им попадется. Самым подходящим для вас было бы посадить везира в темницу, раз вы считаете, что так уж он виноват. Ведь везиры — это ум падишахов, и не подобает султанам приказывать казнить своих подданных за слова, ложность или правдивость которых еще не доказана, забывая при этом всю их прежнюю верную службу и преданность. Благополучие падишаху! Владыки прежних времен для того и возвели тюрьмы, чтобы падишахи или правители, когда разгневаются на кого-нибудь, заключали его туда. Если же через несколько дней гнев уляжется и обнаружится невинность пленника, падишах не будет запятнан безвинно пролитой кровью и ему не придется нести ответ в судный день.

Как ни старался я убедить его, он обезоруживал меня своими рассудительными речами, и мне нечего было ответить.

— Хорошо, — согласился я наконец. — То, что ты говоришь, я считаю приемлемым. Я не стану проливать его кровь, но он будет брошен в темницу. Если в течение года его слова о рубинах на шее собаки найдут подтверждение, его отпустят на волю, а нет — он умрет мучительной смертью.

И тут же я повелел заключить везира в тюрьму. Услыхав мой приказ, посол с величайшим почтением низко поклонился мне.

Когда известие о происшедшем достигло семьи везира, поднялся плач и вопли и дом его стал обителью траура. У везира была единственная дочь лет четырнадцати-пятнадцати, очень красивая и способная, да к тому же искусная в грамоте. Везир ее нежно любил, так что даже построил для нее прекрасное помещение позади собственных покоев. Он окружил ее подружками из дочерей знатных лиц и приставил к ней красивых прислужниц. С ними она весело проводила свой досуг в играх и развлечениях.

Случилось, что в тот самый день, когда везира ввергли в темницу, эта девочка сидела в кругу своих сверстниц и играла в кукольную свадьбу. Взяв барабан и тамбурин, она готовилась к ночному бдению, потом, поставив сковороду на огонь, пекла печенье и сладости. Вдруг, рыдая и колотя себя в грудь, вбежала в дом ее мать с непокрытым челом и босыми ногами. Она ударила дочь обеими руками по голове и принялась кричать:

— Если бы бог вместо тебя послал мне сына, хотя бы слепого, то сердце мое было бы покойно и у отца была бы опора!

— На что тебе слепой сын? — спросила дочь. — Все, что должен делать сын, могу сделать и я.

— Прах на твою голову! — ответила мать. — С отцом стряслось несчастье: он произнес перед падишахом что-то такое, за что его бросили в тюрьму.

— Как было дело? Пожалуйста, расскажи мне, — попросила девушка.

— Твой отец, наверно, сказал о том, — объяснила тогда супруга везира, — что в Нишапуре есть купец, который вставил двенадцать рубинов в ошейник собаке. Падишаху это не понравилось, он счел его за лжеца и велел заключить в тюрьму. Если бы был у меня сейчас сын, то он употребил бы все силы, чтобы расследовать

это дело и поддержать отца, и, умолив падишаха, добился бы его освобождения.

— Мама! — ответила дочь. — Мы не можем бороться с судьбой. Человек должен терпеть неожиданные напасти и уповать на милость Аллаха. Он милосерд, никакие тяготы он не оставляет навек. А купаться в слезах не хорошо. Не дай бог, недоброжелатели представят падишаху все в дурном свете, и сплетники начнут так злословить, что это вызовет у него еще больший гнев. Наоборот, молитесь за защитника мира — мы его верные слуги, а он наш господин: он разгневался, он же и смируется.

Таким путем она разумно увещевала мать, пока не вернула ей твердость и терпенье, а потом молча удалилась к себе. С наступлением ночи дочь везира послала за своим воспитателем. Она упала ему в ноги и долго его упрашивала.

— Я хочу, чтобы мать не корила меня, а отец получил бы свободу, — говорила она со слезами на глазах. — Если ты мне поможешь, я отправлюсь в Нишапур, найду купца, владельца собаки, у которой рубины на шее, и сделаю все, что возможно, чтобы спасти отца.

Сначала он отказывался наотрез, но наконец, после настойчивых просьб, согласился.

— Потихоньку приготовь все, что надо для путешествия, — велела тогда ему дочь везира, — накупи разных товаров, чтобы годились в дар даже падишахам, и возьми сколько нужно слуг и рабов, но никому не открывай мои планы.

Воспитатель пообещал и занялся приготовлениями. Когда все имущество было собрано, он погрузил его на верблюдов и мулов и отправился в путь. Дочь везира, переодевшись в мужское платье, тоже поехала с ним, но никто в семье об этом не знал. Когда настало утро, по дворцу везира пошли разговоры, что пропала хозяйская дочь и неизвестно, что с ней случилось.

Опасаясь бесчестья, мать скрыла исчезновение дочери, а та в это время странствовала под видом моло-

дого купца. Наконец, добралась она до Нишапура, там, довольная, остановилась в караван-сараяе, разгрузила тюки и провела ночь. Наутро она вымылась в бане, надела чистые одежды, какие носят жители Рума, и пошла прогуляться по городу. Выйдя к базарной площади, она остановилась на перекрестке. На глаза ей попалась ювелирная лавка, в которой лежали целые груды драгоценностей, стояли, скрестив руки, рабы в парадном платье, а хозяин, человек лет пятидесяти, одетый в куртку с короткими рукавами и халат, вел разговор с собеседниками, почтительно расположившимися вокруг него на стульях.

При виде его дочка везира, которая теперь называла себя купеческим сыном, удивилась и даже обрадовалась, думая про себя: «Не дай бог ошибиться; верно, это тот самый купец, о котором отец мой рассказал падишаху. Господь всемогущий! Открой мне его тайны». Оглянувшись вокруг, она заметила другую лавку, а в ней две железные клетки, в каждой из которых был заключен человек. Вид их был ужасен, как у Меджнуна: от них остались лишь кожа да кости, зато сильно отросли ногти и волосы. Они сидели, опустив головы, а по обеим сторонам стояли два уродливых эфиопа в полном вооружении. Дочка везира изумилась. Прочитав заклинание против злых сил, она оглянулась и увидела еще одну лавку. В ней были разостланы ковры, а на них стояла скамеечка из слоновой кости с бархатной подушкой, на которой сидела привязанная золотой цепочкой собака в драгоценном ошейнике; два безбородых красивых раба прислуживали ей. Один обмахивал ее опахалом из павлиньих перьев на украшенной самоцветами ручке, другой, взяв в руки златотканый платок, обтирал ей морду и лапы. Всмотревшись, дочка везира различила на ошейнике двенадцать рубинов, именно таких, как говорили. Она возблагодарила Аллаха и стала думать, каким бы путем доставить падишаху эти рубины, показать их ему и вызволить своего отца из беды. Пока она стояла, погрузившись в раздумье, весь народ с ба-

зара и соседних улиц пленился ее красотой и, собравшись толпой, застыл в изумлении. Все говорили друг другу: «До сих пор не видали мы человека столь совершенной красоты». Ходжа, хозяин лавки, тоже увидел ее и послал к ней раба.

— Поди,— сказал он ему,— пригласи ко мне этого купеческого сына.

— Соизвольте быть так любезны,— сказал раб, подойдя с этим поручением к девушке,— наш хозяин жаждет побеседовать с вами, пожалуйста к нему.

Мнимому купеческому сыну только этого и хотелось.

— Что за труд? — был ответ.

Лишь только она подошла и ходжа посмотрел на нее, стрела любви пронзила его сердце. Он любезно приподнялся ей навстречу, но чувства его были в смятении. «Он уже попался в сети»,— сообразил мнимый купеческий сын. Тут они обнялись друг с другом; ходжа поцеловал гостя в лоб и усадил его рядом с собой.

— Скажи мне свое имя и звание,— спросил он ласково.— Откуда ты пришел и куда направляешься?

— Я, ничтожный, происхожу из Рума,— ответил «купеческий сын»,— и город Стамбул издавна был родиной моих предков. Отец мой купеческого рода. Нынче от старости он уже не в силах путешествовать, поэтому он отправил меня поучиться торговым делам. До сих пор я никогда не отлучался из дому, это первая поездка, какая мне представилась. Я не осмелился пуститься в море и предпочел путешествовать сушей. Когда ушей моих коснулась та слава, которой пользуются здесь, в Аджаме, ваши доброта и благородство, я направился прямо сюда, стремясь встретиться с вами. Наконец, по милости Аллаха, я удостоился чести попасть в ваше высокое общество и нашел в вас больше, чем ожидал. Теперь стремление моего сердца достигнуто. Храни вас бог, а я отправлюсь дальше.

— Сынок! — попросил ходжа, у которого от этих слов голова закружилась.— Не говори мне подобных вещей. Хоть на денек осчастливь своим присутствием

мою убогую хижину. Скажи, пожалуйста, где твои товары и прислуга?

— Дом путешественников — караван-сарай, — отвечал «купеческий сын», — там я все и оставил, когда направился к вам.

— Тебе не следует жить на постоялом дворе, — заявил тогда ходжа. — Я пользуюсь в нашем городе доверием и уважением. Вели скорей позвать своих слуг — я предоставлю помещение для твоего багажа. Ты покажешь мне все товары, которые привез с собой, и я постараюсь пристроить их так, чтобы ты получил побольше выгоды. Это и тебе будет удобно — ты избавишься от лишних хлопот — и меня очень обяжешь, если останешься у меня на несколько дней.

«Купеческий сын» для вида начал было отказываться, но ходжа не уступал, и кончилось тем, что он велел приказчику послать носильщиков в караван-сарай за имуществом гостя и перенести все в указанное место. Вместе с ними «купеческий сын» отправил черного невольника, чтобы тот распорядился доставкой товаров и пожитков, а сам остался у ходжи.

Когда торговля окончилась и лавки закрылись, ходжа направился домой. Один из рабов взял на руки собаку, другой забрал ковер и скамеечку. Оба чернокожих невольника водрузили клетки с пленниками на плечи носильщиков и, вооружась до зубов, последовали за ними. Ходжа шел рука об руку с «купеческим сыном», не прерывая беседы, и так привел его к себе в дом.

«Купеческий сын» увидел роскошное здание, достойное эмиров и падишахов. На берегу ручья был разостлан белый ковер, а перед маснадом было собрано все, что надо для приятного времяпрепровождения. Туда же поставили и скамеечку для собаки. Ходжа вместе с гостем уселись и без церемоний принялись угощаться вином. Когда в голове слегка зашумело, ходжа приказал подавать еду. Разостлали дастархан и собрали на нем все дары земли. Прежде всего положили немного

пищи в медную миску, накрыли ее золотой крышкой и поставили перед собакой на шитую золотом скатерть. Собака спрыгнула со своего сиденья, поела, сколько хотела, напилась воды из золотой чаши и снова забралась на скамеечку. Рабы вытерли ей платком лапы и морду, а потом один из них отнес миску с чашкой к клеткам и, попросив у ходжи ключи, отпер замки. Он выгнал дубиной обоих пленников, заставил их доесть собачьи объедки и допить остатки воды, потом снова запер их в клетках, а ключи отдал обратно ходже. Когда все это кончилось, ходжа принялся есть сам.

«Молодому купцу» очень не понравилось все это. Чувствуя отвращение, он не притронулся к пище. Как ходжа ни настаивал, он от всего отказывался.

— Почему ты не ешь? — спросил тогда ходжа.

— Ваши действия внушают мне омерзение, — ответил «купеческий сын». — Ведь человек — благороднейшее из творений, а собака нечиста по природе. И вы кормите двух рабов божьих объедками после собаки! Чья вера может позволить это? Не считаете ли вы достаточным основанием то, что они ваши пленники? Ведь во всем остальном они равны вам. Теперь я не уверен, мусульманин ли вы. Откуда мне знать, кто вы такой, раз вы поклоняетесь псу? Я не могу есть вашу пищу, пока сердце мое одолевают сомнения.

— Сынок! — сказал ходжа. — Я понимаю все, что ты говоришь. Из-за этого я всегда подвергаюсь бесчестию. Жители нашего города прозвали меня ходжо-собакопоклонником; так они ко мне обращаются, и под этим именем я всем известен. Но покарай, Аллах, неверных и язычников!

Свою речь ходжа закончил тем, что прочел символ веры*, и это принесло «купеческому сыну» успокоение.

— Если вы в душе мусульманин, то почему же вы бесчестите себя такими поступками? — спросил он.

— Сын мой! — отвечал ходжа. — Имя мое опозорено, и я плачу двойной налог в этом городе как раз потому, что тайна моя никому не известна. Дело в том,

что кто бы ее ни услышал, он не обретет ничего, кроме горя и грусти. Поэтому прости меня: ни у меня нет сил рассказывать, ни у тебя не хватит духа слушать.

— Хорошо! — сказал «купеческий сын», решив про себя, что он должен заботиться о собственном деле и незачем настаивать на большем. — Если говорить об этом не годится, не говорите. — И он принялся за еду.

Два месяца провел «купеческий сын» у ходжи. Он вел себя так осторожно и умно, что никто и не заподозрил в нем женщину. Все были уверены, что это молодой человек, и ходжа день ото дня все больше проникался любовью к нему, так что ни на миг не хотел отпускать его от себя.

Однажды, сидя за чашей вина, «купеческий сын» принялся вдруг плакать. Ходжа, полный участия, стал вытирать ему платком слезы и спросил о причине расстройства.

— О отец! Что мне сказать? — ответил тот. — О если бы мне не случилось встретиться с вами и вы не были бы так добры ко мне! Я не знаю что делать: мне не хочется расставаться с вами, а остаться здесь дольше я не имею возможности. Нынче мне нужно уезжать, но я не мыслю жить в разлуке с вами.

В ответ на эти слова ходжа сам так разрыдался, что горло ему свело судорогой.

— Свет очей моих! — вымолвил он. — Неужто тебе так скоро надоел твой старый слуга, что ты уезжаешь, оставляя его безутешным? Прогони из сердца мысль об отъезде. Оставайся здесь, пока я еще жив. Без тебя я не протяну и минуты — умру раньше предопределенного часа. Ведь у нас в Фарсе прекрасный здоровый климат. Лучше будет, если ты пошлешь доверенного человека и пригласишь сюда своих родителей, чтобы они приехали со всем имуществом, — а что нужно для переезда, я возьму на себя. Когда же придут твои мать и отец со всем домом, занимайся торговыми делами в свое удовольствие. На своем веку я претерпел немало превратностей и объездил много разных стран. Теперь я уже

стар, а сына у меня нет. Тебя я люблю, словно родного, и сделаю своим наследником и душеприказчиком. Смотри хорошенько за моими делами и сам их веди, а пока я буду жив, давай мне кусок хлеба на пропитание. Когда же умру — похорони и заberi себе все, что останется после меня.

— Поистине, вы больше родного отца проявили ко мне любви и участия, — ответил на это «купеческий сын». — Вы способны заставить меня забыть о родителях; но дело в том, что отец мой отпустил меня, грешного, только лишь на год. Если я задержусь, то он в своем преклонном возрасте от печали может скончаться. К тому же покорность воле родителя угодна богу, и, если отец будет мной недоволен, боюсь, как бы он не проклял меня: тогда не видать мне милости божьей ни в этом мире, ни в будущем. Вы оказали мне такое расположение, что, я не сомневаюсь, позвольте мне подчиниться воле отца и выполнить свой долг перед ним. Благодарность вам за ваши милости я сохраняю до последнего вздоха; даже когда вернусь на родину, буду всякий миг вспоминать о вас с сердечной признательностью. Аллах — первопричина всех причин; может быть, он снова даст мне случай встретиться с вами и облобызать стопы ваши.

Таковыми красноречивыми словами убеждал ходжу «купеческий сын», и тому, бедному, поневоле ничего не оставалось, кроме как согласиться — ведь он любил «юношу» до безумия.

— Хорошо, — сказал он. — Раз ты не останешься, я сам поеду вместе с тобой. Ты — моя жизнь; а если жизнь покинет меня, то на что мне бездушное тело? Если ты согласен на это, поезжай и меня с собой заberi.

Заявив это «купеческому сыну», он принялся готовиться в путь и приказал своим управляющим позаботиться о средствах передвижения.

Когда весть об отъезде ходжи распространилась по городу, все местные купцы тоже стали собираться в дорогу. Ходжа-собакопоклонник забрал свою несчетную

казну и драгоценности, взял бесчисленную толпу слуг и рабов, прихватил массу диковинок и царственной утвари и, разбив за городом лагерь из всяческих шатров, палаток и навесов, выехал туда. Остальные купцы набрали товаров, кто сколько мог, и последовали за ним. С ними было еще и целое войско.

И вот однажды, дождавшись благоприятного часа, все тронулись в путь. Тысячи верблюдов были нагружены выюками с багажом; мулы несли сундуки с деньгами и драгоценностями; шли пятьсот вооруженных рабов из кипчакских степей, из Занзибара и Рума; на арабских, турецких и иракских конях гарцевали всадники с саблями. Позади всех в удобных паланкинах разодетые в роскошные одежды ехали ходжа и «купеческий сын». На верблюде было укреплено походное багдадское кресло, и в нем на подушке спала собака, а по бокам другого верблюда раскачивались клетки обоих пленников. На стоянках все купцы сходились в палатку к ходже и там за дастарханом угощались едой и пили вино. Радуюсь обществу «купеческого сына», ходжа возносил благословения богу, а караван шел вперед и вперед. Наконец, благополучно подъехали к Константинополю и расположились лагерем у стен города.

— Отец! — обратился к ходже «купеческий сын». — Если вы разрешите, я пойду повидаться с родителями и подготовить дом к приему гостя. А вы вступите в город, когда сами соизволите.

— Ладно, иди. Ведь я приехал сюда ради тебя, — отвечал тот. — Только поскорей возвращайся ко мне. Да найди мне дом, в котором я мог бы остановиться.

«Купеческий сын» попрощался с ним и явился домой. При виде ворвавшегося в дом мужчины, во дворце везира все переполошились. Но «купеческий сын», а на самом деле дочь везира, упал матери в ноги и со слезами признался:

— Я — ваша дочь.

— Ах, своенравная девчонка! — с бранью и упреками набросилась на нее жена везира. — Вот ты какой

оказалась! Ты запятнала себя и покрыла позором всю нашу семью! А я-то оплакивала тебя, решив, что никогда больше не увижу. Уходи вон отсюда!

— Милая мама! — вскричала дочь, сбросив с головы свой тюрбан. — В дурных местах я не была и ничего плохого не сделала. Я придумала все это, только чтобы исполнить твое желание и выручить батюшку. Слава Аллаху! Твоими молитвами и милостью божьей я добилась успеха. Я привезла с собой из Нишапура того купца вместе с собакой, у которой рубины на шее, и ничем не уронила своей чести, но для путешествия мне пришлось принять облик мужчины. Теперь у меня остались еще кой-какие дела на несколько дней; окончив их, я освобожу отца из тюрьмы и сама возвращусь домой. Если позволишь, я сейчас снова уйду и явлюсь к тебе через день.

Когда мать, наконец, поняла, что ее дочь взялась за мужское дело и сохранила себя в чистоте, она, распростершись на земле, принесла благодарение богу. Потом в радости прижала дочь к сердцу и расцеловала ее.

— Делай, как сочтешь подходящим; теперь я спокойна, — отпустила мать дочку, благословляя ее и заклиная от зла и беды.

Снова обратившись в «купеческого сына», девушка отправилась к ходже. А тот, не в силах вынести тяжесть разлуки, уже снялся с места. У городских ворот среди дороги они и повстречались.

— Сынок! — спросил ходжа первым делом. — Куда же ты ушел, бросив меня, старика, одного?

— Я ходил домой с вашего разрешения, — отвечал «купеческий сын», — но желание снова служить вам не позволило мне там задержаться, и вот я вернулся.

Увидев у самых городских ворот тенистый сад на берегу реки, они остановились в нем, раскинув шатер. Усевшись вместе, ходжа и «купеческий сын» принялись пить вино и закусывать. После полудня они, чтобы развлечься и полюбоваться зрелищами, вышли из палатки

и сели снаружи. Вдруг появился шахский дозорный. Увидев большое войско и разглядев манеры приезжих, он изумился, решил про себя, что, наверное, это прибыло посольство какого-нибудь падишаха, и остановился, взирая на них.

Слуга ходжи, возглавлявший караван, подозвал его и спросил, кто он такой. Тот отвечал, что он распорядитель шахской охоты. Слуга доложил об этом ходже.

— Поди,— велел тот черному невольнику,— скажи этому человеку, что мы путешественники. Если он хочет, пусть присоединяется к нашему обществу. Кофе и кальян ждут его.

Услышав, что это купцы, начальник охоты очень удивился и вместе с рабом подошел к ходже. Взглянув на окружавшую их роскошь и блеск, на солдат и рабов, он почтительно поздоровался с ходжой и «купеческим сыном», а когда увидел, в каком почете держали собаку, то почти лишился рассудка и застыл ошеломленный. Ходжа усадил его и попросил отведать кофе, а тот осведомился об имени и звании приезжего. Когда начальник охоты стал прощаться, ходжа одарил его несколькими кусками шелка и кое-какими диковинками.

Явившись поутру ко двору, он рассказал придворным о ходже-купце.

Вскоре это дошло и до меня,— продолжал повествовать Азадбахт.— Я потребовал начальника охоты к себе и расспросил его о купце. Он доложил мне все, что увидел. Рассказ о том, что собака окружена роскошью, а два человека содержатся в клетках, привел меня в негодование.

— Негодный купец достоин казни,— произнес я и приказал военачальникам: — Идите скорей и принесите мне голову этого безбожника.

Случайно при дворе оказался тот же посол из Фаранга. Услышав мои слова, он улыбнулся. Я вспылил еще больше.

— Невежа! — вскричал я. — В присутствии падишахов неприлично без причины смеяться. Лучше плакать, чем смеяться не к месту.

— Защитник мира! — обратился он тогда ко мне. — Мне пришли в голову кое-какие мысли, поэтому я и улыбнулся. Во-первых, везир оказался прав — теперь следует выпустить его из темницы; во-вторых, падишах избавил себя от напрасного пролития крови; в-третьих, тот, кому поклоняется мир, без причины и без вины осудил на смерть купца. Вот мне и странно, что, не разобравшись, лишь по навету глупца, вы готовы всякому сразу же вынести смертный приговор. А каковы дела этого купца на самом деле? Было бы лучше, если б вы повели доставить сюда его самого и расспросили обо всем, что с ним было. Если виновность купца будет установлена, вы вольны поступить с ним как угодно.

Пока посол наставлял меня таким образом, я и сам вспомнил речи везира и приказал, чтобы тотчас доставили ко мне купца вместе с сыном, собаку и клетки. Стражники бросились за ними и вмиг привели. Я потребовал их к себе. Первыми вошли ходжа с юношей, оба в роскошных одеждах. Глядя на красоту «купческого сына», все придворные, и низшего и высшего ранга, пришли в изумление и лишились покоя. Юноша держал в руках золотой поднос с драгоценными камнями, блеск каждого из которых мог озарить целый зал; подойдя к трону, он преподнес мне это блюдо и, отвесив низкий поклон, встал в стороне. А ходжа поцеловал землю и принялся славить меня. Речь его была так красива, что ее можно сравнить только с пением лучшего из соловьев. Любезность его мне очень понравилась, но все же я сказал с гневным видом:

— Эй, шайтан в человеческом облике! Что за сеть ты тут сплел и что за яму выкопал ты на своем же пути? Какой ты веры и что за закон у тебя? Какому пророку ты следуешь? А если ты неверный, то какой же ты секты? И как называть тебя, если ты занимаешься такими делами?

— Да продлится век покровителя мира и приумножится царство его, — отвечал он. — Вера вашего покорнейшего раба состоит в том, что Аллах един и нет ему равных. Я чту слово избранника — Мухаммада (да благословит Аллах его самого и род его и да помилует!), а за ним почитаю своими наставниками двенадцать имамов. И закон мой таков, что пять раз в сутки я творю намаз и соблюдаю пост Рамазан, и хадж совершаю, и с имущества отдаю пятую долю на веру, и раздаю часть беднякам, и зовусь мусульманином *. А что до грехов, которые внешне отягощают меня и из-за которых вы мной недовольны и все создання божьи бесчестят меня, то все они имеют причину, но открыть ее я не могу. И хотя я прославился, как собакопоклонник, и вынужден платить двойные налоги, я пошел на все это, но никому не раскрыл своей тайны.

Его слова разгневали меня еще больше.

— Ты развлекаешь меня баснями, — вскричал я. — Я не желаю их слушать. Если ты объяснишь мне подобающим образом причину своих непристойных поступков и я соглашусь с тобой, жизнь твоя будет спасена. А не то в наказание за эти дела прикажу распороть тебе брюхо, и всем будет урок, чтобы никто больше не сбивался с пути веры Мухаммада.

— О падишах! — взмолился ходжа. — Не проливай мою кровь, лучше заberi все мое имущество, а оно без числа и без счета. Помилуй перед своим троном меня и моего сына, даруй нам жизнь и отпусти нас.

— Глупец! — рассмеялся я в ответ. — Ты хочешь соблазнить меня своим богатством! Но знай, у тебя нет выхода, кроме как сказать мне всю правду.

Глаза ходжи невольно наполнились слезами и, оборотясь к юноше, он произнес:

— Пусть я провинился перед падишахом. Придется умереть — что теперь делать. Но на кого я оставляю тебя?

— Эй, хитрец! — пригрозил ему я. — Хватит теперь отговорок; говори быстрее все, что нужно сказать.

Тут этот муж поднялся, приблизился к трону и, облобызав мои ноги, обратился ко мне со словами хвалы.

— О шахиншах! * — сказал он. — Если бы вы не приказали меня умертвить, я бы вытерпел все и не рассказал о себе. Но жизнь дороже всего; никто не захочет толкать себя в яму. Кроме того, верующие должны охранять свою жизнь, а отказ от требований веры противен велению бога. Ладно, раз такова высочайшая воля, слушайте историю этого немощного старца, но прежде прикажите, чтобы сюда принесли обе клетки, в которых заперты люди. Я стану рассказывать о себе, и, если в каком-нибудь месте вам покажется, что я отклоняюсь от истины, спросите у них, пусть они подтвердят — тогда и судите.

Мне понравились его речи. Я приказал внести клетки, велел выпустить обоих узников и поставить их рядом с ходжой.

— О падишах! — начал ходжа. — Человек, что стоит справа, мой старший брат, а слева — брат средний. Я же младше обоих. Отец мой был купцом в стране Фарс. Когда мне исполнилось четырнадцать лет, наш родитель скончался. И вот, после того как похоронные обряды были закончены, братья обратились ко мне:

— Теперь нам надо поделить отцовское богатство, и пусть потом каждый делает, что захочет.

— Братья! — ответил я. — Что вы говорите? Я ваш слуга и не претендую на братнюю долю. Отец у меня умер, но вы двое остались надо мной вместо отца. Мне хватит сухой корки, чтобы поддержать свою жизнь и быть в силах служить вам. На что мне своя доля? Я прокормлюсь тем, что вы оставите после себя, и буду жить около вас. Я еще мальчик и совсем не разбираюсь в делах, хочу у вас поучиться.

— Ты желаешь погубить и довести до нищеты не только себя самого, но и нас, — возразили на это братья.

Забравшись в уголок, я тихонечко плакал. Потом я подумал: «Ведь братья у меня уже взрослые. Видно, они хотят научить меня уму-разуму». С этой мыслью я и заснул. Поутру пришел посланец от кази и отвел меня в суд — в дом закона. Смотрю, мои братья уже тут.

— Почему ты не хочешь делить наследство отца? — спросил кази.

— Я ответил ему то же самое, что сказал дома братьям.

— Если он говорит от чистого сердца, — заявили тогда братья, — пусть подтвердит распиской, что не притязает на наследство и что в богатстве отца нет его доли.

В тот миг я решил, что братья, как старшие надо мной, наставляют меня на правильный путь: взяв, мол, отцовское богатство, не растрать его попусту. Согласно их воле, я написал документ об отказе, и кази скрепил его печатью. Братья были довольны, и мы пошли домой.

— Братец! — сказали они мне на следующий день. — Дом, который ты занимаешь, нам нужен, пойдя себе другое жилье и отправляйся туда.

Тут понял я: им не нравится даже, что я живу в отцовском доме. Поневоле пришлось мне уйти.

— Защитник мира! Когда мой отец был жив, то каждый раз, возвращаясь из путешествия, он привозил мне в подарок диковинки разных стран — ведь всякий больше ласкает младшего из детей. Продав эти вещи, я скопил немного денег и сам начал торговать. Кроме того, в свое время отец привез мне рабыню из Туркестана. Другой раз он пригнал табун коней. Среди них был необъезженный жеребенок, много обещавший в будущем, — отец мне его подарил, и я сам ухаживал за ним. И вот, видя бессердечное отношение братьев, я купил себе дом и там поселился. Эта собака тоже ушла со мной. Я собрал все, что нужно в домашнем хозяйстве, купил двух рабов для услужения, а на остальные средства открыл лавку и, уповая на заступничество бога, стал торговать. Я не жаловался на свою судьбу. Хотя братья и поступили со мной некрасиво, но Аллах был

милостив, и в течение трех лет я так преуспел в торговле, что заслужил уважение в городе. Все вельможи, когда хотели купить что-нибудь редкостное, обращались ко мне. Я заработал на этом много денег и стал жить, ни в чем себе не отказывая. Всякий миг благодарил я творца, проводил дни в довольстве и полном покое и часто, думая о себе, вспоминал такой стих:

Раджа мрачен стал по моей вине,
Только гнев его безразличен мне.
Я доволен жизнью своей вполне,
Лишь тебе я служу, господь.

Недоволен брат и его семья,
Но ведь им ни в чем не подвластен я.
Ты опора единственная моя,
Лишь с тобой я в родстве, господь.

Возмущаться мной будут друг и враг,
Даже вспомнить их не могу никак,
Посвятив тебе каждый вздох и шаг,
Лишь тобой я живу, господь.

Вправе целый свет мне желать беды,
Пусть ничтожен я, но всесилен ты,
Все склонятся, лобзая мои следы,
Если ты повелишь, господь.

Однажды в пятницу * я сидел дома, а слуга пошел на базар за покупками. Вскоре он возвратился в слезах:

— Что с тобой? — спросил я.

— Какое вам дело? — ответил он раздраженно. — Наслаждайтесь удовольствием. А что вы ответите на страшном суде?

— Эй, чернокожий! — крикнул я. — Что за дьявол тобой овладел?

— Беда в том, — сказал он, — что какой-то еврей вывел ваших старших братьев на середину базара со связанными за спиной руками. Он бьет их плетью и издевается: «Если, мол, вы не вернете мне моих денег, я запорю вас до смерти и хоть в этом найду себе утешение». Ваших братьев постигла такая участь, а вы беззаботно сидите здесь! Хорошо ли это? Что люди скажут?

При этом известии вся кровь во мне закипела. Босиком бросился я на базар, крикнув рабам:

— Возьмите денег и бегите за мной!

Когда я прибежал на базар, то увидел все так, как сказал мне слуга: на братьев градом сыплются удары.

— Ради бога, подождите,— попросил я людей хакима *.— Я спрошу у еврея, в чем они провинились и за что их так наказывают.

— Сегодня ведь пятница,— обратился я к еврею,— почему же их так бичуют?

— Если вам угодно их защитить,— ответил еврей,— то сделайте это как следует и заплатите мне за них деньги, а не то отправляйтесь откуда явились.

— Сколько? — спросил я.— Давайте расписку, я вам сейчас отсчитаю.

— Их расписки я уже передал хакиму,— сказал он.

В это время подошли оба моих раба с двумя кошельками золота. Я отдал тысячу рупий еврею и вызволил братьев. Вид их был ужасен. Обнаженных, изголодавшихся и мучимых жаждой я повел их с собой. Первым долгом вымыл в бане, одел в новое платье, накормил и ни словом не упомянул, куда они истратили столько отцовских богатств: думал, им будет стыдно.

— О падишах! Вот они оба перед вами. Спросите, правду ли я говорю или в чем-нибудь склонился ко лжи.

Так вот. Через несколько дней они оправились от побоев, и как-то раз я сказал им:

— Братья! Теперь в нашем городе вы лишились почтения, лучше бы вам поехать путешествовать.

В ответ на это они промолчали. Я решил, что они согласны, и стал готовить их к отъезду. Позаботился о палатках и вьюках, о носильщиках и животных, купил товаров на двадцать тысяч рупий и присоединил их к каравану купцов, который направлялся в Бухару.

Через год караван вернулся обратно, но о братьях я ничего не услышал. Наконец, упросил одного знакомого, и тот мне рассказал, что, когда пришли в Бухару, один из моих братьев спустил все свое имущество в игорном

доме. Он теперь метет там полы, обмазывает и белит стены да прислуживает игрокам. Они из жалости дают ему деньги, и он остается там на побегушках. Другой влюбился в дочку винокура и растратил все, что имел. Теперь он служит в винной лавке. Купцы из каравана не хотели говорить мне об этом, щадя мое самолюбие.

Узнав от купца такие вещи, я очень расстроился, от раздумий лишился сна и аппетита. И вот, взяв припасы на дорогу, я отправился в Бухару. Когда я прибыл туда, то сразу же разыскал обоих братьев, привел их к себе, вымыл и одел в новое платье. Не желая стыдить их, я и слова не молвил. Потом накупил им товаров, и мы вместе отправились обратно. Невдалеке от Нишапура я оставил их в деревушке вместе со всеми товарами и имуществом, а сам один поехал вперед, потому что не хотел, чтобы в городе знали о моей поездке за ними. Через два дня я объявил, что братья мои возвращаются из путешествия,— завтра я отправляюсь встречать их. Утром только я хотел тронуться в путь, как вдруг к моему дому явился крестьянин из той самой деревни, где я оставил братьев, и принялся громко вопить. Я вышел на его голос.

— Что ты плачешь? — спросил я, видя, что он весь в слезах.

— Из-за ваших братьев дом мой разграблен,— ответил он,— Хоть бы вы не оставляли их там!

— Что же случилось? — взволновался я.

— Ночью нагрянули разбойники,— рассказал он,— унесли все имущество ваших братьев да пограбили и мое.

— Где же теперь мои братья? — спросил я, расстроившись.

— Они сидят за городом, босые и голые — у них ничего не осталось,— сообщил он.

Тотчас же взял я две пары платья, отправился за ними, одел и привел их домой. Народ, прослышав об этом, собрался посмотреть на них, но они от стыда носа не показывали наружу. Так прошло три месяца, и я за-

думался про себя: до каких же пор будут прятаться они по углам? Если удастся, лучше уж я возьму их с собой путешествовать.

— Если вы соизволите,— обратился я к братьям,— то я, ваш покорный слуга, отправлюсь с вами по свету.

Они промолчали. Тогда я снова набрал разных товаров, приготовил все, что надо в дорогу, и вместе с ними тронулся в путь. Щедро раздав милостыню, я погрузил товары на корабль; подняли якорь, и судно тронулось. В это время моя собака спала на берегу. Когда, встрепенувшись, она увидела, что корабль уже в море, то в беспокойстве залаяла, бросилась в воду и поплыла. Я послал за ней лодку, которая подобрала ее и доставила на судно. Целый месяц плыли мы спокойно и благополучно. Между тем средний брат пленился моей рабыней.

— Милости младшего брата ложатся на нас тяжким стыдом,— сказал он однажды старшему.— Как бы нам избавиться от него?

— У меня в голове есть один план,— ответил старший.— Если удастся его исполнить, будет неплохо.

И вот оба, посоветовавшись, решили убить меня и завладеть всем добром и имуществом.

Однажды я дремал у себя в каюте, а рабыня массировала мне ноги, как вдруг вошел средний брат и поспешно разбудил меня. Я в тревоге вскочил и вышел наружу, за мной выбежала и собака. Смотрю, старший брат стоит, опершись о борт руками; нагнувшись, он глядит в воду и подзывает меня к себе.

— Ну что там? — спросил я, подойдя.

— Удивительная картина,— сказал он,— под водой пляшут тритоны с жемчужными раковинами и ветвями коралла в руках.

Если бы кто-нибудь другой сказал мне такую нелепость, я бы ни за что не поверил. Но слова старшего брата я привык считать правдой. Нагнул голову, чтобы поглядеть, и, конечно, ничего не увидел. А он все спрашивал: «Видишь теперь?» Если бы там что-нибудь было, я бы, конечно, увидел, но в это время средний брат, вос-

пользовавшись моей неосторожностью, подкрался сзади и так толкнул, что я полетел в воду, а сами они, обливаясь слезами, принялись причитать:

— Бегите скорей, наш брат утонул!

Между тем корабль ушел далеко, и меня отнесло в сторону. Захлебываясь, я боролся с волнами, пока не устал. Лишаясь последних сил, невольно я вспомнил бога. Вдруг под руки подвернулся какой-то предмет. Открыл глаза, смотрю — моя собака. Видно, когда меня скинули в воду, она тоже бросилась в море и плыла все время за мной. Я ухватился за ее хвост, и так, по воле Аллаха, она спасла мою жизнь. Семь дней и ночей носились мы по волнам, на восьмые сутки прибило нас к берегу. Подняться не было сил. Ползком, перекаtywаясь с боку на бок, я кое-как выбрался на сухое место. Долго пролежал я без чувств, лишь на другой день лай собаки дошел до моих ушей. Я очнулся, возблагодарил бога и стал озираться по сторонам. Вдалеке виднелись очертания города, но откуда взять сил, чтобы добраться туда? После каждого шага приходилось мне отдыхать; так до вечера прошел я немного больше версты.

На полпути повстречался мне холм, там и свалился я на ночь. Поутру добрался до города и вышел на базар. Повсюду попадались мне на глаза лавки булочников и торговцев сладостями. Сердце у меня трепетало: ни гроша в кармане, а даром просить я был не в состоянии. Так я шел все дальше и на каждом шагу поддерживал себя мыслью, что уж в следующей-то лавке я попрошу. Наконец я совсем изнемог, в животе жгло словно огнем, и казалось, еще шаг — и душа оставит мое тело. Вдруг вижу, приближаются ко мне, взявшись за руки, два молодых человека в персидской одежде. Я очень обрадовался: вот мои соотечественники, может быть, они окажутся знакомыми, и я объясню им свое положение. Когда они приблизились, я узнал братьев. В восторге я благодарил бога за то, что он спас мою честь и не заставил протянуть руку к чужому. Подойдя к ним, я поздоровался и поцеловал руку старшего, но он, лишь

взглянув на меня, поднял крик, а средний дал мне такую пощечину, что я зашатался и упал наземь. Ухватив за полу старшего брата, я ждал, что он защитит меня, но напрасно — он тоже ударил. Одним словом, они избili меня, поступив, как братья с Иосифом*. Как я ни просил, как ни заклинал их Аллахом, они не сжалились. Собралась толпа, и все спрашивали, в чем я провинился.

— Этот подлец — слуга нашего брата, — отвечали они. — Он утопил его в море и похитил его имущество. Мы долго разыскивали этого убийцу, и сегодня он, наконец, нам попался.

— Негодяй! — обратились затем братья ко мне. — Что нашло на тебя? За что ты погубил нашего брата? Чем он перед тобой провинился? Разве плохо он обращался с тобой, если сделал тебя своим управляющим?

Потом они оба разорвали на себе воротники и, заливаясь лживыми слезами, осыпали меня ударами и пинками.

В это время подошел человек от хакима. Пригрозив им: зачем, мол, вы его бьете, — он взял меня за руку и повел разбирать наше дело. Братья пошли вместе с ним, рассказали хакиму то же самое, что говорили на базаре, дали ему какую-то взятку и просили о правосудии, требуя мщения за невинно загубленную душу. Хаким обратился ко мне. Я находился в таком состоянии, что от голода и побоев не способен был вымолвить слова, лишь стоял, склонив низко голову, и ничего ему не ответил. Тогда хаким подумал, что я и верно убийца.

— Отведите его на площадь и повесьте, — приказал он.

Защитник мира! Я расплатился за них и вырвал из плена у еврея, а в благодарность за это они не пожалели денег, чтобы погубить мою жизнь. Вот они оба: спросите у них, уклоняюсь ли я хоть на волос от истины.

Ладно, меня повели. Увидев виселицу, я распростился с жизнью. Некому было оплакивать меня, кроме

собаки. А она была в таком возбуждении, что бросалась всем под ноги и скулила. Ее отгоняли, кто палкой, кто камнем, но она не уходила. Я же стоял лицом к кибле и взывал к богу:

— Сейчас, кроме тебя, у меня нет никого, кто пришел бы на помощь и спас невинного. Если ты сам мне поможешь, тогда я спасен.— И с молитвой мучеников на устах я упал без чувств.

По велению божью, у падишаха этого города случились сильные колики. Собрались эмиры и врачи, но какие средства они ни пробовали, ничто не помогало. Один из вельмож посоветовал раздать богатую милостыню беднякам и освободить заключенных из тюрем — благодарственные молитвы страждущих действуют лучше любого лекарства.

Тотчас же шахские слуги бросились по тюрьмам. Случайно один из них заглянул и на площадь. При виде толпы он понял, что кого-то собираются вешать. Мигом подскакал он к виселице, разрубил мечом веревку, пригрозил помощникам хакима, упрекнув их за то, что они казнят раба божьего, когда падишах в таком состоянии, и отпустил меня. Тогда братья снова отправились к хакиму и потребовали моей смерти, а так как тот принял от них взятку, то делал все, что они хотели.

— Будьте спокойны,— ответил он им.— Теперь я засажу его в такое место, где он помрет от голода и жажды, и никто не узнает об этом.

Меня схватили и спрятали на время в укромном углу. А неподалеку от города была гора, где во времена пророка Соломона дэвы выкопали узкий и мрачный колодец. Его называли «темницей Соломона»; туда бросали тех, на кого особенно гневался падишах, и там они умирали. Короче говоря, ночью мои братья вместе с подчиненными хакима потихоньку втащили меня на ту гору, сбросили в яму и ушли со спокойной душой.

О падишах! Эта собака пошла следом за мной. Когда меня спустили в колодец, она улеглась на краю его. Я без чувств валялся внизу. Немного придя в себя, я ре-

шил, что я мертв, а место, где я находился, принял за могилу. Тут я услышал голоса двух людей, которые о чем-то говорили друг с другом. Мне показалось, что это ангелы смерти — Мункир и Накир — пришли ко мне за отчетом. Послышался шелест веревки, будто кто-то спустил ее вниз. Изумленный, я начал ощупывать землю вокруг себя, но под руки мне попадались только кости. Немного спустя мой слух уловил звук, похожий на чавканье, словно кто-то принялся есть.

— Эй, рабы божьи! — позвал я. — Кто вы и где мы находимся? Скажите мне, ради бога.

— Это темница великого Соломона, — засмеявшись, сказал кто-то в ответ, — и мы пленники в ней.

— Скажите, разве я жив? — спросил я снова.

— Пока ты еще жив, — отвечали мне с громким хохотом, — но теперь уж умрешь обязательно.

— Что вы едите? Дайте и мне немножко, — осмелился я попросить.

Но в ответ, кроме чавканья, я ничего не услышал. Насытившись и утолив жажду, незнакомцы заснули, а же в полузабытии от слабости заливался слезами и зывал к богу.

О тот, кому поклоняется мир! Провести семь суток в море и после этого из-за клеветы родных братьев остаться без пищи, хуже того — получить взамен побои! А теперь еще я попал в такую темницу, освободиться из которой даже в мыслях не представлялось возможным! Наконец наступила агония — дыхание то покидало меня, то возвращалось снова. Вдруг среди ночи наверху послышались чьи-то шаги, спустилась веревка с завязанными в платок хлебцами и кувшином с водой, потом кто-то тихо позвал. Те двое, что были заключены вместе со мной, забрали все и принялись есть и пить. Оставшаяся у входа в пещеру собака, глядя на это, соображала, что в колодезь можно спустить хлеб и воду, и, если доставить таким путем пищу ее покинутому хозяину, то удастся спасти его жизнь. С этим намерением она побежала в город. Там, на прилавке у булочника, были

разложены хлебцы. Подпрыгнув, она схватила один из них, зажала его в зубах и пустилась наутек. Народ бросился в погоню за ней, в нее стали кидать комья земли, но собака не выпустила хлеб. Люди устали и вернулись, зато к ней привязались городские собаки. В драке с ними она отстояла хлеб, принесла его к яме и сбросила вниз. День был светлый; я увидел хлебец, упавший рядом со мной, и, услышав лай собаки, поднял его. Она же, снабдив меня пищей, пустилась на поиски воды.

На краю ближней деревушки находилась хижина одинокой старухи. Перед ней стояли полные воды горшки и кувшины, а сама старая хозяйка сидела и пряла. Собака подбежала к одному из кувшинов и хотела поднять его. Старуха замахнулась на нее, кувшин выскользнул из зубов собаки и упал на глиняный горшок. Горшок раскололся, и вода вылилась на землю. Старуха взяла палку и поднялась, чтобы отколотить собаку, но та уцепилась за ее подол, стала тыкаться мордой ей в ноги и вилять хвостом. Она отбегала в сторону горы, потом снова возвращалась к старухе и, хватая зубами то ведро, то веревку, показывала их старой женщине, затем принималась тереться об ее ноги и тянуть за подол. Видно, Аллах смягчил сердце старухи; она взяла ведро и веревку и отправилась за собакой, а та, уцепившись за платье, вытащила женщину из дому и повела за собой. Наконец, они пришли к самой горе. Поведение собаки внушило старухе догадку, что хозяин животного сидит в этой яме и ему, наверно, нужно доставить воды. Собака подтащила старуху к отверстию подземелья, и та спустила на веревке ведро с водой. Я принял его, проглотил кусок хлеба, запил несколькими глотками воды и успокоил этим пса голода, который терзал мой желудок. Возблагодарив всевышнего, я сел в сторонке и стал ожидать дальнейших его милостей — посмотрим, что теперь будет?

Так это бессловесное животное приносило мне хлеб и с помощью старухи снабжало водой. Когда торговцы

увидели, что собака постоянно таскает хлебцы, они сжалились и сами стали бросать ей лепешки. Если же старуха не приносила воды, собака била ее горшки, так что той поневоле приходилось доставлять мне каждый день по кувшину. Этот преданный четвероногий друг утешал меня питьем и пищей, а сам проводил время, лежа у отверстия темницы. Так прошло шесть месяцев. Но каково должно быть человеку, который сидит в таком подземелье, куда не доходит даже свежий воздух. От меня остались лишь кожа да кости, жизнь мне опостылела, и нередко я думал про себя: «О Аллах! Умереть было бы лучше».

Раз ночью оба пленника спали, а у меня душа была переполнена тоской. Не в силах сдержаться, я принялся плакать и, склонившись лицом до земли, молил бога. После полуночи мне вдруг показалось, что по милости божьей в яму спускается веревка.

— Эй, злосчастный горемыка! — донесся тихий шепот. — Привяжи конец веревки покрепче к своим рукам и вылезай оттуда.

Услышав эти слова, я подумал: «Наконец-то братья сжалились надо мной и, покорясь зову крови, сами пришли освободить меня». Не помня себя от радости, я обвязал веревку вокруг пояса, и кто-то вытащил меня наверх. Ночь была так темна, что я даже не мог разглядеть, кто меня освободил.

— Идем скорей! — сказал тот, когда я вылез наружу. — Здесь не место стоять.

У меня совсем не было сил, но, подгоняемый страхом, я, спотыкаясь и падая, кое-как спустился с горы. Смотрю, стоят наготове два оседланных коня. Мой спаситель помог мне влезть на одного, сам сел на другого, и мы поскакали. Через некоторое время мы подъехали к берегу моря.

К утру мы были уже в добрых двух десятках верст от города. Тут вижу, мой спутник — молодой человек, одетый в кольчугу и латы и даже коня своего покрывший броней, — глядит на меня гневным взором и кусает

пальцы от злости. Вдруг он выхватил саблю из ножен и поскакал прямо на меня.

— Я ни в чем не виновен, — взмолился я, мигом скатившись с лошади. — Почему ты хочешь убить меня? О владыка великодушия! Ты ведь сам вытащил меня из темницы, а теперь проявляешь такую жестокость!

— Скажи правду, кто ты? — спросил он.

— Я путешественник, — отвечал я, — и был заключен в эту темницу по жестокой несправедливости. Только благодаря вашей милости я вышел оттуда живым. — И я много еще сказал ему лестных слов.

Наконец Аллах смягчил его сердце.

— Что ж, бог делает так, как угодно ему, — молвил он, спрятав оружие в ножны. — Ладно, жизнь твоя спасена. Садись скорее на коня, нечего тут задерживаться.

Мы погнали коней дальше. Всю дорогу мой спутник горевал и вздыхал. К полудню мы подъехали к острову. Там он соскочил с коня, помог мне спуститься на землю и, расседлав лошадей, пустил их пастись.

— Эй, несчастный! — обратился он ко мне, когда снял доспехи и присел отдохнуть. — Расскажи теперь о себе, чтобы мне стало ясно, что ты за человек.

Я назвал свое имя и звание и поведал все беды, какие со мною стряслись. Выслушав рассказ о моих похождениях, молодой человек заплакал.

— О юноша! — сказал он. — Послушай-ка и мою историю. Я — дочь раджи из страны Зербад *, а тот молодой человек, который сидит в темнице Соломона и которого я хотела спасти, — сын советника моего отца и зовут его Бахраманд. Однажды махараджа *, мой отец, приказал всем раджам и их сыновьям выехать в поле под окна дворца и затеять стрельбу из луков и игру в чауган *, чтобы была видна ловкость и искусство каждого в верховой езде. Я вместе со своей матерью, рани *, сидела за решетчатой ставней, окруженная няньками и подружками, и любовалась зрелищем. Сын

советника был красивее всех и с большим умением правил конем. Мне он понравился, и сердце мое осталось к нему равнодушно, но некоторое время я держала это в тайне.

Наконец, когда я совсем лишилась покоя, то рассказала обо всем няньке, давала ей кучу подарков, и она тайно привела этого юношу ко мне в покои. Тут и он влюбился в меня. Много дней провели мы в блаженстве. Однажды, когда среди ночи стражники осматривали дворец, они нашли его, схватили и донесли об этом радже. Раджа повелел его казнить, но все придворные и вельможи стали просить даровать ему жизнь; тогда было приказано бросить его в темницу Соломона. Вторым юноша, заключенный с ним вместе,— его двоюродный брат, который сопровождал его той ночью. Прошло уже три года, как они сидят в этой дыре, но никто до сих пор не узнал, зачем этот юноша забрался во дворец к радже. Всевышний сохранил мою честь. В благодарность за это я сочла своим долгом снабжать пленников водой и пищей. С тех пор раз в восемь дней я отправляюсь туда и оставляю им на неделю еды.

Прошлой ночью я увидела во сне, что какой-то человек говорит мне: «Вставай скорей, оседлай коня, возьми веревку и денег на пропитание, отправляйся к яме и вызволи несчастного». Я тут же проснулась и с радостью стала собираться: переоделась в мужское платье, набрала сундучок золота и драгоценных камней, взяла эту лошадь и кой-какую одежду и отправилась туда, чтобы вытащить его на веревке. Но освободиться из темницы жребий выпал тебе. О моем намерении никто не догадывался, так что, видно, это какое-то божество послало меня, чтобы спасти твою жизнь. Ладно, что было мне суждено, то и случилось.

Закончив рассказ, она достала из узелка печенье, хлебцы, мясо и овощи, растворила в чашке сахар, подлила туда сока бедмушка и дала мне. Я принял чашку

из ее рук и выпил; потом мы слегка позавтракали. Немного спустя она повязала мне тряпку на бедра, свела меня в воду, остригла мне ножницами волосы, обрезала ногти, хорошенько отмыла и одела в новое платье, словом, снова сделала меня человеком. С удвоенной благодарностью обратился я лицом к кибле, читая молитву, а красавица наблюдала за мной.

— Что это ты делал? — спросила она, когда я кончил намаз.

— Есть творец, который создал все сущее и послал мне такую прелестную деву, как ты; он вложил в твое сердце жалость ко мне и велел спасти меня из темницы; ему, несравненному, вознес я молитву, выразил покорность свою и исполнил долг благодарности, — отвечал я.

— Ты мусульманин? — спросила она.

— Хвала Аллаху, да.

— Мне понравились твои речи. Научи меня тоже и объясни мне символ твоей веры.

Возблагодарив Аллаха за то, что он приобщил ее к нашей вере *, я произнес: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — посланник его», — и заставил ее повторить. Потом, снова сев на коней, мы вместе двинулись дальше. Когда мы остановились на ночь, она говорила только о вере и слушала меня с удовольствием. Так два месяца подряд мы вдвоем скакали с утра до ночи.

Наконец, достигли области, расположенной на границе стран Зербад и Сарандип *. Вскоре мы въехали в город, в котором было больше народу, чем в Стамбуле, а климат там оказался очень приятный и здоровый. Падишах этого города был справедливей Науширвана и больше него заботился о своих подданных. Видя это, я очень обрадовался, купил себе дом и в нем поселился. Когда через несколько дней я оправился от тягот путешествия, то подготовил все, что было нужно, и женился на своей спасительнице, совершив брак в соответствии с мусульманским законом. За три года я освоился среди тамошних великих и малых, заслужил всеобщее дове-

рие и достиг блестящих успехов в торговле. Дошло до того, что я превзошел всех местных купцов. Однажды я отправился во дворец к великому везиру, чтобы выразить ему свое почтение. По дороге, на площади, я увидел множество народу. Я спросил, почему собралась такая толпа, и узнал, что поймали каких-то людей, занимавшихся грабежом и развратом. Говорили, что они будут казнены — их закидают камнями.

При этом известии я вспомнил, как меня самого собирались повесить, да избавил Аллах. Мало ли кто может попасть в такую беду. Еще неизвестно, справедливо ли их обвинили, — может быть, как и меня, схватили по ложному навету. Расталкивая народ, я пробрался в самую середину. Смотрю: это оба мои брата стоят совсем голые со связанными за спиной руками. При виде их кровь во мне вскипела и сердце перевернулось. Я сунул палачам пригоршню золота, попросил их подождать, а сам пустил лошадь в галоп и помчался к хакиму. Поднеся ему бесценный яхонт, я обратился с ходатайством.

— Один человек выступил против них с обвинением, их преступления доказаны, и падишах уже произнес приговор. Я тут бессилён, — отвечивал он.

Только после долгих моих просьб хаким вызвал истца и за пять тысяч рупий убедил его согласиться на отказ от смертной казни. Я отсчитал ему деньги, заставил его написать, что он согласен на мировую, и вызволил братьев из этой беды.

Защитник мира! Спросите у них, правду я говорю или болтаю вздор.

Оба брата молча стояли, опустив головы. Казалось, они объаты стыдом.

— Хорошо! — продолжал купец. — Освободив братьев, я привел их к себе, вымыл в бане, одел и отвел им для жилья парадные комнаты. Я не решился показать им жену, а прислуживал сам и ел вместе с ними, лишь ночевать удалялся к себе. Три года держал я их у себя, и они не позволяли себе ничего непристойного, что

могло бы меня опечалить. Когда я куда-нибудь уезжал, они оставались у меня в доме.

И вот однажды моя дорогая жена отправилась в баню. Войдя в парадную комнату, она не заметила в ней мужчину и сняла с головы чадру. На беду мой средний брат лежал и не спал. Едва лишь взглянув на нее, он влюбился и сказал об этом старшему брату. Тогда оба они сговорились прикончить меня, а я ни о чем не догадывался и даже думал про себя: «Слава богу, на этот раз они до сих пор ничего мне не сделали. Наконец-то они исправились. Видно, совесть проснулась».

Раз после обеда старший брат со слезами на глазах стал хвалить нашу родину и описывать красоты Аджамы. За ним начал плакать и второй брат.

— Вы хотите на родину? Превосходно,— сказал я тогда.— Я покорен вашей воле. К тому же таково и мое желание. Если будет угодно Аллаху, мы вскоре отправимся вместе.

Я сообщил жене о тоске моих братьев, рассказал и о собственном намерении.

— Подумай,— сказала мне моя умница,— опять они готовят какой-то обман. Они твои смертельные враги, ты пригрел змею на своей груди. И еще полагаешься на их дружбу! Делай, что хочешь, но берегись негодаев.

Тем не менее вскоре я приготовился к путешествию и установил за городом палатку. Собрался большой караван, и меня выбрали его предводителем и главой. Дождавшись доброго часа, мы тронулись в путь. Я остерегался своих братьев, но был послушен и старался им угождать.

Однажды на привале средний брат сказал:

— Недалеко отсюда есть место, где бьет ключ, подобный источнику Салсабил *, а на версты вокруг расстилается дикая степь, покрытая яркими цветами: тюльпанами, пунцовыми маками, нарциссами и розами. Это поистине изумительный уголок для прогулок. Если ты не против, можно бы завтра отправиться туда поразвлечься и отдохнуть.

— Вы вольны делать, что вам угодно,— отвечал я.— Прикажите, и завтра караван останется здесь, а мы отправимся прогуляться.

— Чего же лучше! — согласились братья.

Я велел объявить по всему каравану, что завтра будет дневка, и наказал повару приготовить всяческих закусок для прогулки. Поутру оба брата оделись, повесили на пояс оружие и напомнили, что надо отправляться скорей, пока еще прохладно. Я послал за конями, но братья возразили:

— Разве поездка верхом может дать то удовольствие, которое получаешь от пешей прогулки? Скажи слугам, пусть поведут коней в поводу сзади.

Вместе с нами пошли два раба с кофейным прибором и кальяном. По дороге мы развлекались стрельбою из луков. Когда удалились от каравана, братья послали за чем-то одного из рабов, а немного спустя отправили и другого — на поиски первого. К несчастью, мне словно кто-то рот запечатал: они делали, что хотели, и, занимая меня разговором, уводили все дальше. Хорошо, хоть собака оставалась со мной. Мы зашли очень далеко, но ни родника, ни цветущей степи нигде не было видно — по-прежнему вокруг простиралась покрытая колючей травой пустыня. Я устал и присел перевести дух. Вдруг уголком глаза я уловил блеск меча за спиной; обернулся и вижу: мой средний брат уже замахнулся, и вмиг череп мой треснул. Прежде чем я успел возопить: «Мучитель! За что ты бьешь меня?», — старший брат ударил меня по плечу, и оба они принялись наносить мне рану за раной. Я свалился без чувств; тогда они, безжалостные, изувечили меня и оставили плавать в крови. При виде этого собака в ярости бросилась на них, но они ранили и ее. Потом нанесли сами себе несколько легких ран и вернулись к каравану.

— На нас напали разбойники,— рассказали эти негодяи.— Они убили нашего брата и изранили нас. Снимайтесь скорей, не то они сейчас настигнут караван и всех ограбят.

Лишь только караванчики услышали о грабителях из пустыни, они словно обезумели от страха, тотчас же снялись с места и тронулись в путь.

Жена моя была уже наслышана о поведении и достоинствах братьев и знала, как вероломно они со мной поступали. Услыхав от этих лжецов о последнем событии, она тут же закололась кинжалом, и душа ее отошла ко всевышнему.

О дервиши! — прервал свою речь Азадбахт. — Когда ходжа-собакопоклонник довел рассказ о своих несчастьях до этого места, у меня на глазах невольно выступили слезы. При виде их купец обратился ко мне:

— Владыка мира! Если б то было учтиво, я бы разделся и показал вам все свое тело.

Тем не менее в подтверждение своих слов он разорвал воротник и обнажился до плеч. И верно, на теле его не было места без шрамов. Затем он снял с головы тюрбан — на макушке оказалась такая вмятина, что в нее влез бы целый гранатовый плод. Все присутствовавшие вельможи закрыли глаза — смотреть не было сил.

— Благословен падишах! — продолжал ходжа свой рассказ. — Когда братья решили, что со мною покончено, и удалились, мы, израненные, остались лежать — тут я, а тут вот собака. Я потерял столько крови, что совершенно лишился и сил и сознания. Не знаю, как жизнь еще теплилась во мне.

Место, где меня бросили, было на границе Сарандипа. Неподалеку находился большой процветающий город, и в центре его высился огромный храм идолов *. А у царя, который правил страной, была очень красивая дочь. Многие цари и царевичи стогрели от любви к ней. Обычай парды * там не знали, поэтому девушка целыми днями гуляла и резвилась со своими подружками. В тот злосчастный день, получив разрешение отца, царевна от-

правилась в усадьбу, расположенную на краю той самой равнины. Когда в сопровождении нескольких служанок она выехала за пределы города, девушки вдруг услышали стоны. Они осторожно подошли, но, увидев меня в таком плачевном состоянии, убежали обратно.

— Там лежат в крови мужчина и собака,— доложили они царевне.

Тогда она сама приблизилась ко мне и сказала с жалостью в голосе:

— Посмотрите, может быть, он еще дышит?

— Да, он пока еще жив,— сойдя с лошадей, сообщили служанки.

— Осторожно положите его на ковер и снесите в усадьбу,— приказала царевна.

Доставив нас в усадьбу, она призвала придворного лекаря и велела ему вылечить меня и собаку, обещая за это большую награду. Лекарь смыл с моего тела пыль и кровь, обтер раны вином, наложил повязки и компрессы, а вместо воды накапал мне в горло укрепляющего сока бедмушка. Царевна сама сидела у моей постели, ходила за мной и из собственных рук несколько раз в сутки поила меня бульоном и шербетом. Когда, наконец, я очнулся, то первое, что я услышал, были слова госпожи, произнесенные с неизъяснимой грустью:

— Какой кровожадный злодей так изранил тебя? Он не побоялся даже главного идола!

Через десять дней благодаря целебному соку, шербету и лекарствам, которыми меня поили, я смог открыть глаза. И тут я увидел столько красавиц, что мне показалось, будто я во дворце Индры, а у изголовья стояла сама царевна. Я вздохнул и хотел было шевельнуться, но сил не хватило.

— О перс! — ласково сказала царевна. — Будь покоен, лежи и не двигайся. Хотя какой-то злодей и привел тебя в такой вид, но великий идол повелел мне сжалиться над тобой, и теперь ты поправишься.

Клянусь богом, который един и не имеет подобных, что при виде ее я снова лишился чувств. Госпожа сама

осмотрела меня и собственноручно опрыскала розовой водой. Через двадцать дней раны мои закрылись и затянулись коркой. По ночам, когда все засыпала, госпожа приходила ко мне, кормила меня и поила. И вот через сорок дней было совершено омовение, означавшее, что я совершенно здоров. Царевна очень обрадовалась, щедро наградила лекаря и велела меня хорошенько одеть. Милостью божьей да заботами и попечением господа я вновь обрел прежние силы, и мое тело окрепло. Собака тоже поправилась. Царевна каждый день угощала меня вином, вела со мною беседы, и это доставляло ей удовольствие, я же развлекал ее рассказами о необыкновенных приключениях.

— Расскажи-ка мне о себе,— попросила она однажды.— Кто ты, и как стряслась с тобой такая беда?

Я поведал ей о своих похождениях с начала и до конца. Она слушала меня вся в слезах.

— Теперь я буду так обходиться с тобой, что ты забудешь все свои несчастья,— сказала она.

— Да хранит вас господь! — отвечал я.— Вы вернули мне жизнь, теперь я весь ваш. Ради бога и впредь будьте так же благосклонны ко мне.

Так она просиживала у меня целые ночи, и мы вели разговоры. Иногда с ней была нянька; она тоже слушала мои истории и рассказывала свои. Когда же госпожа удалялась и я оставался один, то совершал омовение и, забившись в уголок, творил намаз.

Случилось однажды, что госпожа отправилась к своему отцу, а я, по обыкновению, умывшись, спокойно молился, как вдруг царевна неожиданно вернулась.

— Посмотрим, что сейчас делает перс: спит или бодрствует,— сказала она няньке.

Не найдя меня на обычном месте, они удивились и не могли понять, куда я делся, уж не ушел ли с кем-нибудь? Стали заглядывать во все углы, разыскивать меня по укромным местам и наконец попали туда, где я предавался молитве. Молодая царевна никогда не видала намаза. Когда, кончая молитву, я воздел руки и согнулся

в земном поклоне, она, будучи не в силах сдержаться, вдруг рассмеялась.

— Что, этот человек лишился рассудка? — спросила она. — Какие странные движения он делает.

При звуках смеха сердце мое затрепетало от волнения.

— Эй, перс! — окликнула меня госпожа. — Что это ты делал?

Я ничего не был способен ответить.

— Да приму я на себя все несчастья и буду я твоей жертвой! — вмешалась нянька. — Мне кажется, этот человек — мусульманин и враг Лат и Манат *. Он поклоняется невидимому богу.

— Откуда мне было знать, что он турок *и отвергает наших богов? — всплеснув руками, вскричала в расстройстве царевна. — Из-за этого я навлекла на себя гнев нашего великого идола. Напрасно я ходила за этим человеком и взяла его к себе в дом.

С такими словами она удалилась, а я, лишь только это услышал, совсем растерялся — только подумать, что теперь она со мной сделает! Ужас прогнал сон с моих глаз, и до утра я безутешно рыдал, орошая лицо потоками слез. Трое суток провел я в слезах, колеблясь между надеждой и страхом, и ни на миг не сомкнул очей.

На третью ночь госпожа, отуманенная винными парами, пришла ко мне вместе с нянькой. Полная гнева, держа в руках лук и стрелы, она села перед домом на краю цветника и потребовала у няньки чашу вина.

— Няня, — сказала она, выпив вино, — тот перс, что прогневил нашего великого идола, уже умер или до сих пор жив?

— Да приму я на себя все несчастья! В нем еще держится жизнь, — ответила та.

— Он упал в моих глазах, но все же скажи, чтобы он вышел.

Нянька позвала меня, и я сразу же выбежал. Вижу, лицо госпожи распалилось от гнева и стало красным.

Сердце у меня ушло в пятки, но я поклонился и встал, сложив руки.

— Простит мне великий идол мое прегрешение, если я пушу стрелу в этого врага нашей веры и уничтожу его? — обратилась она к няньке, глядя на меня яростным взором. — Я сильно провинилась, взяв его к себе и оказав ему теплый прием.

— В чем же вина царевны? — возразила ей нянька. — Вы ведь взяли его, не догадываясь, что это враг веры. Вы просто сжалились над ним, и за доброту вам воздастся добром, а его накажет за грехи великий идол.

— Няня, скажи, чтобы он сел, — попросила царевна.

Нянька подала мне знак сесть, и я опустился на землю. Госпожа выпила еще чашу.

— Дай-ка вина и этому злосчастному человеку, — сказала она няньке, — ему легче будет расстаться с жизнью.

Нянька протянула мне чашу, я осушил ее без отговорок и поклонился. Госпожа даже не повернула головы, но я заметил, что украдкой она наблюдала за мной. Вино подбодрило меня, и я принялся читать кой-какие стихи; между прочим, там были такие слова:

Если душа, отдаваясь тебе, задрожала, что из того?
Если кто-то вздохнул под ударом кинжала, что из того?

Услышав их, царевна улыбнулась и обратилась к няньке:

— Что, тебе хочется спать?

— Да, сон меня одолевает, — отвечала нянька, которая уловила желание своей госпожи. Получив разрешение уйти, она убралась вон.

Немного спустя царевна велела подать вина. Я мигом наполнил чашу и поднес ей. Она грациозно приняла ее из моих рук и осушила. Тут я упал к ее ногам.

— Ах, глупый! — она похлопала меня по плечу. — Что плохого нашел ты в нашем великом идоле, коль стал служить невидимому богу?

— Будьте справедливы и посудите сами,— ответил я.— Ведь поклонения заслуживает тот бог, который из одной капли воды создал красавицу, подобную вам, и наделил вас такой прелестью и изяществом, что вы способны вмиг заставить тысячи людей лишиться рассудка? А что такое идол, чтобы ему поклоняться? Каменотесы обтесали глыбу в виде фигуры и расставили сеть для глупцов. Те, кого соблазняет шайтан, принимают создание за создателя — они гнут шею перед тем, что делают своими же руками. А мы — мусульмане, мы почитаем того, кто нас создал; он сотворил ад для неверных, а нам дал рай. Если царица проникнется верою в бога, она вкусит сладость небес, познает сущность истинного и сокровенного и поймет ложность своей нынешней веры.

После долгих увещаний каменное сердце царицы смягчилось. Благодаря милости божьей она со слезами обратилась ко мне:

— Ладно, научи и меня своей вере.

Я преподал ей символ веры, который она повторила с искренним сердцем. Принеся покаяние и помолившись о прощении, она обратилась в мусульманство. Тогда я снова упал к ее ногам. До самого утра читала она символ веры и твердила покаянные молитвы, потом спросила меня:

— Хорошо, я-то приняла твою веру, но родители мои остались неверными; их как спасти?

— Что вам за дело до этого,— отвечал я.— Каждый получает, что он сам заслужил.

— Меня прочили за сына дяди, а он идолопоклонник,— объяснила царица.— Не дай бог, придется завтра идти замуж, а жить с неверным было бы страшным грехом. Нужно сейчас же придумать, как избежать этой беды.

— Вы говорите разумные вещи. Что вам придет в голову, то и сделайте,— предложил я.

— Я больше здесь не останусь, лучше уеду куда-нибудь,— сказала она.

— Как же думаете вы убежать и куда хотите направиться?

— Прежде всего уходи отсюда ты, — велела она. — Поселись в караван-сарай вместе с мусульманами, чтобы весь народ прослышал об этом и никто бы ни в чем тебя не подозревал. Посвяти свое время поискам корабля, который бы направлялся в Аджам, и дай знать о нем мне — для этого я стану часто посылать к тебе няньку. Когда ты сообщишь мне о судне, я приду и, уехав на нем, освобожусь от этих жалких безбожников.

— Я готов умереть за вашу жизнь и безопасность, — отвечал я. — Но как вы разделаетесь со своей нянькой?

— С ней дело просто. Я дам ей чашу смертельного яда.

На том мы и порешили.

Наутро я отправился в караван-сарай, снял комнату и поселился в ней. В разлуке с царевной я жил лишь ожиданием встречи. Через два месяца собралось много купцов из Рума, Шама и Исфагана. Они решили отправиться водным путем и принялись грузить свои товары на корабль. Житие в одном месте сближает людей — стали и меня звать с собой.

— Ну как, почтенный? Поедьте с нами! — говорили купцы. — До каких пор вам жить тут, у неверных? Собирайтесь.

— Мне нечего особенно собираться, — отвечал я. — Все мое имущество — рабыня, собака да сундук. Если вы отведете мне немного места и назначите за него плату, я буду спокоен и тоже поеду.

Купцы предоставили мне каюту. Я за нее полностью расплатился и, успокоившись, под каким-то предлогом отправился к няньке.

— Эй, матушка! — обратился я к ней. — Я пришел попрощаться с тобой. Уезжаю на родину. Если ты сообразишь помочь мне в последний раз взглянуть на царевну, я буду тебе очень благодарен.

После долгих уговоров нянька в конце концов согласилась.

— Ночью я приду в такое-то место,— сказал я,— и буду там ждать.

— Хорошо,— отвечала она.

Я вернулся в караван-сарай, взял сундук и постель, отнес их на судно и вручил капитану.

— Завтра утром я приду вместе с рабыней,— сказал я ему.

— Поскорей возвращайтесь,— велел капитан.— Утром мы снимемся с якоря.

— Превосходно,— ответил я, а сам с наступлением ночи отправился на то место, о котором договорился с нянькой, и стал дожидаться. Вскоре после полуночи дверь дворца отворилась, и в грязной старой одежде вышла царевна, неся в руках ларчик с драгоценностями. Она передала его мне, и мы тронулись в путь. Под утро мы вышли к берегу моря и на лодке добрались до корабля. Эта верная собака тоже была с нами. Когда совсем рассвело, подняли якорь, и мы со спокойной душой вышли в море. Вдруг с пристани раздался пушечный залп. Все заволновались, не зная, что бы это могло значить. Снова бросили якорь. На судне начались разговоры о том, что начальник порта, верно, что-то замышляет, зачем бы ему иначе палить из пушек.

Между тем обнаружилось, что у всех купцов были взяты с собой красивые рабыни. Боясь, как бы начальник порта их не забрал, купцы попрятали девушек в сундуки. Я поступил точно так же: усадил царевну в сундук и запер на ключ. Тем временем показалась большая лодка, на которой был портовый начальник со свитой. Вскоре лодка подошла к кораблю. А явился начальник порта вот почему. Когда до царя дошла весть о смерти няньки и бегстве царевны, то он, храня свою честь, не назвал ее имени, но отдал такой приказ начальнику порта: «Дошло до меня, что у персидских купцов есть хорошенькие рабыни; так я хочу забрать их для царевны. Задержи корабль и доставь мне всех девушек, каких только найдешь на нем. Я выберу и куплю тех, которые мне понравятся, а остальных отпущу».

Поэтому-то и приплыл на судно сам портовый начальник.

Рядом со мной находился один человек, у которого тоже была спрятана в сундуке красивая невольница. Начальник порта, велел выводить рабынь, уселся прямо на этот сундук. Я возблагодарил бога, что о царевне и не помянули. Но когда люди начальника порта стали сводить на свое судно всех рабынь, каких находили, он сам в шутку спросил у хозяина сундука, на котором сидел:

— Что, ведь и у тебя тоже была невольница?

— Клянусь вашими стопами,— ответил этот дурак,— я к этому не причастен. Это другие в страхе перед вами попрятали своих рабынь в сундуки.

Услышав в чем дело, начальник порта принялся осматривать один сундук за другим. Открыли и мой; царевну вытащили и увели. Мною овладело неописуемое уныние. «Случилось такое, что жизнь моя пропала ни за грош,— подумал я.— А что теперь сделают с госпожой?»

При мысли о ней я забыл собственный страх. Весь день и всю ночь молился я богу. На следующее утро невольниц доставили назад на корабль. Купцы обрадовались.

— Моя рабыня не вернулась. В чем дело? — спросил я.

— Нам неизвестно,— ответили мне.— Может быть, она понравилась царю.

Купцы принялись ободрять и утешать меня.

— Ладно, что случилось, того не поправишь,— говорили они.— Не печалься. Мы сложимся и возместим тебе, что она стоит.

Я готов был лишиться чувств.

— Теперь незачем мне ехать в Аджам,— ответил я им и обратился к привезшим девушек лодочникам:

— Возьмите меня с собой на берег.

Они согласились. Я сошел с корабля, и собака следом за мной тоже прыгнула в лодку. Когда мы подплыли к пристани, я роздал все свои вещи людям на-

чальника порта, оставив лишь ларчик с драгоценностями, который взяла с собой госпожа, и отправился разведывать всюду, не услышу ли что-нибудь о царевне, но нигде и следа ее не нашел. Раз ночью хитростью пробрался даже в царский дворец и искал ее там, но ничего не узнал. Около месяца топтал я пыль по городским улицам и кварталам и тоской своей довел себя почти что до гибели. Я слонялся везде, как безумный, и, наконец, решил, что вернее всего моя царевна спрятана у начальника порта — больше нигде ей быть. Тут стал я кружить около его дома, ища путь, как бы пробраться внутрь. Попалась мне на глаза сточная труба, через которую мог бы пролезть человек, но отверстие ее было забрано железной решеткой. Я решил все-таки ею воспользоваться; снял с себя одежду, влез в эту грязь и, выломав с тысячью усилий решетку, через отхожее место пробрался в помещение для наложниц. Одевшись там женщиной, я стал осматриваться по сторонам. Из одной комнаты до моих ушей донеслись какие-то звуки, словно кто-то твердил молитвы. Я подошел ближе и вижу: это моя госпожа; она безутешно плачет, кладет земные поклоны и молит бога, чтобы ради своего посланника и его чистого рода он вызволил ее из этой страны неверных и даровал ей благополучную встречу с тем человеком, который наставил ее на путь ислама. Лишь только я увидел ее, сразу же подбежал и бросился в ноги; она обняла меня, и на миг мы забыли обо всем, что нас окружало. Как только мы снова пришли в себя, я спросил у госпожи, что с ней было.

— Когда начальник порта доставил всех невольниц на берег,— рассказала она,— я молила бога, чтобы тайна моя как-нибудь не открылась, чтобы меня не узнали, и твоя жизнь не подверглась опасности. Благодаря всевышнему никто и не заподозрил во мне царевну. Начальник порта стал нас осматривать — думал, какую бы взять для себя. Выбор его пал на меня, и он тайком отправил меня к себе в дом, а остальных повел во дворец. Отец не нашел меня среди них и всех отпустил —

ведь весь переполох был поднят только из-за меня. Ничего же объявлено, что царевна очень больна, и, если я не найдусь, то в один прекрасный день всю страну облетит известие о моей смерти: таким способом царь сможет избежать бесчестия. Но сейчас я попала в другую беду. У начальника порта дурные намерения — он все время склоняет меня к сожительству с ним. Я не согласна, а он меня действительно любит и до сих пор ждет, что я сама уступлю, поэтому пока ведет себя сдержанно. Боюсь, что долго так продолжаться не может. Про себя я уже твердо решила, что лишу себя жизни, если он попытается действовать силой; но встреча с тобой породила в душе у меня новые планы. Даст бог, из этого что-нибудь выйдет — другого пути к освобождению я не вижу.

— Расскажи, что это за план, — попросил я.

— Если ты постарайся и не побоишься труда, его можно выполнить, — заявила она.

— Я целиком покорен тебе: если велишь, пойду в огонь, а дали б мне лестницу, то ради тебя я забрался бы на самое небо. Я сделаю все, что ты прикажешь.

— Тогда отправляйся в храм великого идола, — сказала царевна. — В том месте, где снимают туфли *, лежит черная дерюга. У нас есть обычай: когда кто-нибудь впадает в нужду, он идет туда и садится, накрывшись этой дерюгой, а все, кто приходит в храм на молитву, подают ему, кто сколько может. Когда через несколько дней он соберет немалую сумму, жрецы дарят ему халат от имени великого идола и отпускают. Разбогатев, он уходит, и никто не знает, кто это был. Поди и ты, сядь под эту холстину, спрячь хорошенько лицо и руки и ни с кем не разговаривай. Через три дня брахман и идолопоклонники вынесут халат и предложат тебе удалиться. Но ты ни за что не двигайся с места, как бы они ни настаивали. Когда же начнут очень упрашивать, скажи им: «Мне не нужны эти деньги, я не жажду такого добра. Меня притесняют, и я пришел просить помощи. Если мать брахманов проявит ко мне справедливость — бу-

дет прекрасно, а не то я обращусь за судом к самому великому идолу и принесу ему жалобу на своего притеснителя». Пока мать брахманов не выйдет к тебе, ты никого не слушай, как бы тебя ни уговаривали; тогда поневоле ей придется принять тебя. Она очень стара — ей двести сорок лет, и тридцать шесть ее сыновей вершат службу в храме. Ее слушает сам великий идол, поэтому она пользуется столь большой властью, что все великие и малые нашей страны почитают за счастье слышать ее приказание: все, что она говорит, тут же покорно исполняется. Схвати ее за подол и проси: «О матушка! Если ты не защитишь меня, угнетенного путника, от моего притеснителя, я стану бить лбом землю перед великим идолом; в конце концов он-то сжалится и вступится за меня перед тобой». Когда после этого мать брахманов станет расспрашивать тебя о твоих делах, скажи так: «Я — житель Аджамы. Я приехал сюда за много верст, чтобы поклониться великому идолу, да еще потому, что прослышал о вашей справедливости. Несколько дней я прожил спокойно; но со мною была жена, молодая, привлекательной внешности, с правильными чертами лица. Невесть каким образом увидел ее начальник порта; он насильно отнял ее у меня и забрал к себе в дом. А у нас, мусульман, такой обычай: если чужой человек посмотрит на какую-нибудь из наших жен или похитит ее, муж должен во что бы то ни стало убить обидчика и вернуть обратно жену, а до тех пор он не станет ни есть, ни пить от тоски, ибо, пока тот человек жив, общение с женой запрещено для супруга. И теперь мне поневоле пришлось прийти к вам, чтобы просить вашего заступничества».

Когда госпожа наставила меня так и отпустила, я вылез через ту же трубу и вставил обратно решетку. Наутро я пришел к храму и сел, набросив на себя черную холстину. За три дня вокруг меня набралось столько денег и всякого платья — целый склад. На четвертый вышли ко мне с молитвами и песнопениями жрецы, вынесли халат и стали просить удалиться. Я не

соглашался и взывал к великому идолу, говоря, что я пришел не за милостыней, а явился к нему и к матери брахманов за справедливостью и, пока не добьюсь правосудия, не покину этого места. Услыхав это, жрецы удалились к старухе и рассказали ей обо мне. Затем вышел знающий четыре Веды* брахман и позвал меня, сообщив, что матушка ждет. Тотчас же, с головы до пят завернувшись в дерюгу, я вступил в храм. Вижу, на драгоценном троне, усыпанном рубинами, алмазами, жемчугом и кораллами, сидит великий идол. Рядом, на золотом возвышении, где разостлан прекрасный ковер, окруженная подушками величаво восседает старуха, одетая в черное, а справа и слева от нее стоят два мальчика десяти-двенадцати лет. Она подозвала меня. Я почтительно приблизился и поцеловал подножие трона, потом припал к ее подолу. Тогда она спросила, что со мной, и я рассказал все так, как учила царица.

— Что, мусульмане держат своих жен в затворничестве? — спросила она, когда я кончил.

— Да! Да будет счастье вашим детям! Это наш древний обычай, — отвечал я.

— У тебя хорошая вера, — сказала она. — Я тотчас же прикажу, чтобы начальник порта явился сюда вместе с твоей женой, и так проучу этого дурака, что другой раз он такого не сделает, да и остальные будут держать ухо востро и поостерегутся. Кто такой начальник порта? — обратилась она к своим людям. — Как смеет он хватать чужих женщин?

— Это такой-то, — ответили ей.

— Возьмите с собой этого человека, — указав на меня, велела старуха своим юным прислужникам. — Вместе с ним идите скорее к царю и скажите ему: «Мать говорит, что веление великого идола таково: начальник порта притесняет людей, он отнял жену у этого бедняка; вина начальника порта велика, а потому заберите его имущество и вручите пострадавшему — вот этому турку; не то сегодня же ночью все будет разрушено, и вы впадете у нас в немилость».

Мальчики поклонились, вышли из храма и направились к царю, а остальные брахманы, трубя в раковины и распевая хвалебные гимны, составили их свиту. По дороге все местные жители, от мала и до велика, бросались собирать прах от следов мальчиков и, как святыню, прикладывали его к своим глазам. Так дошли мы до царских дворцов, и лишь только царю доложили о приходе мальчиков, он босой вышел навстречу, принял посланцев с большим почетом и расположением, усадил их рядом с собою на трон и спросил:

— Зачем вы сегодня пожаловали?

Эти брахманские дети передали ему, что наказала им мать, да еще пригрозили гневом великого идола.

— Прекрасно,— сказал царь, выслушав их, и приказал своим слугам, чтобы они привели начальника порта и женщину.— Я расследую, в чем он провинился, и вынесу наказание,— заключил он.

При этих словах меня охватило волнение. «Лучше бы этого не было,— подумал я.— Если с начальником порта приведут и царевну, тайна раскроется, и что тогда будет со мной?» Страх овладел моим сердцем, и я воззвал к богу. Мальчики заметили, что я задрожал и стал меняться в лице. Они, видимо, поняли, что этот приказ мне не понравился, в гнев встали и с упреком обратились к царю:

— Ничтожный человек! Что, ты с ума сошел? Ты, видно, вышел из покорности великому идолу и считаешь слова наши неправдой, раз намерен призвать их обоих и вести розыски истины? Берегись! Великий идол разгневан тобою. Мы доставили тебе повеление, теперь думай сам, а великий идол посмотрит.

Удивительно, как повлияли на царя эти слова: он смиренно сложил руки, и дрожь пронизала его с головы до самых пят. С извинениями он стал успокаивать их, но они не желали садиться и продолжали стоять. Тем временем вся присутствовавшая знать принялась в один голос поносить начальника порта: он, мол, такой подлец, развратник и грешник; делает то-то и то-то, так

что не знаешь, как и доложить об этом царю; все, что прислала сказать матушка брахманов, сушая правда — ведь если это приказ великого идола, как он может быть ложью?

Услыхав изо всех уст одно и то же, царь был очень смущен и расстроен своим приказанием. Он тут же даровал мне новый халат, собственноручно начертал повеление и, закрепив личной печатью, вручил его мне. Потом он написал матери брахманов письмо, преподнес мальчикам блюдо с самоцветными камнями и золотом и отпустил нас. Не помня себя от радости, я вернулся в храм и предстал перед старой женщиной. В письме царя, которое мы ей доставили, после титулов и изъявлений почтения и покорности было написано: «Согласно Вашему приказанию, должность начальника порта препоручена этому мусульманину, в знак чего ему пожалован халат *. Теперь он волен казнить своего обидчика и забрать себе все его имущество. Пусть делает, что захочет. Надеюсь, что вину мою мне простят».

Мать брахманов была довольна. Она велела музыкантам при храме бить в литавры и послала со мной пятьсот стрелков, которые способны были попасть из мушкета в монетку, подвешенную на волоске.

— Подите на пристань, — приказала она, — задержите начальника порта и передайте его этому мусульманину; пусть он подвергнет его любым мукам, каким только захочет. И берегитесь! Пусть никто, кроме мусульманина, не заходит на женскую половину; а казну и имущество вручите ему в полной сохранности. Когда он вас отпустит, возьмите у него записку о том, что вы сделали все как следует.

На прощанье она пожаловала мне почетный халат от жрецов великого идола и велела посадить меня на коня.

Прежде чем я сам добрался до гавани, один из моих людей сообщил обо всем смотрителю порта. Тот сидел ни жив ни мертв, когда я прибыл туда. Сердце мое было

переполнено гневом; лишь только увидел я начальника порта, тотчас же выхватил саблю и напроць отсек ему голову. Потом я созвал всех делоправителей, казначеев, надсмотрщиков и инспекторов портового ведомства, забрал книги отчетов и удалился в дом, чтобы встретиться с госпожой. Обняв друг друга, мы пролили слезы радости и воздали благодарение богу. Я вытер слезы ей, а она мне, и мы вышли наружу. Воссев там на маснаде, мы роздали служащим нарядные халаты и оставили всех их на прежних местах, а слугам и рабам дали поощрения. Тех людей, что были приставлены ко мне матерью брахманов, я отпустил, всех одарив, а начальников одев в богатое платье. Я взял драгоценные камни, целые штуки тканей, шали и вышивки, набрал товаров и диковинок со всех концов света и много денег наличными — все это в подношение царю, в дар вельможам, каждому по его чину, и для раздачи жрецам и их женам. Через неделю я, забрав все с собой, отправился в храм идола и сложил дары у ног матушки брахманов. Она вновь наградила меня халатом почета и титулом. Потом я явился с подношениями ко двору и доложил, как думаю загладить все то зло, какое совершил прежний начальник порта. Царь, вельможи и купцы согласились со мною; владыка обласкал меня, подарил мне халат и коня, пожаловал поместье и должность и отпустил меня с честью. Выйдя из дворца, я столько роздал чиновникам и слугам, что всех их ублагодотворил и заставил за себя молиться. Одним словом, я достиг наивысшего процветания и в полном довольстве и покое стал жить в этой стране, вступив в брак с царевной. Досуг свой я посвящал служению богу, и весь народ радовался моей справедливости. Раз в месяц я посещал храм идола и царский двор.

День ото дня царь осыпал меня все большими почестями. В конце концов он ввел меня в круг своих приближенных и ничего не предпринимал без моего совета. Моя жизнь потекла несказанно легко, но, бог свидетель, нередко приходила мне на ум мысль о моих

братьях. «Где они могут быть,— думал я,— и что с ними?» По прошествии двух лет к нам в порт пришел караван купцов из Зербада. Все они направлялись в Аджам и хотели ехать туда морем. А у нас было правило: каждый раз, когда приходил караван, ко мне являлся его начальник с подношением иноземных товаров и всяких диковинок. На другой день я шел к нему, забирал в виде подати десятую долю с имущества и выдавал разрешение на выезд. Так пришел встретиться со мной и купец из Зербада и принес бесценный подарок. На следующий день я направился к нему в шатер. Гляжу, два человека в старой рваной одежде подносят на голове тюки, а после досмотра несут их обратно, изнуряясь этим тяжким трудом.

Когда я в них хорошенько всмотрелся, вижу — это мои братья. Гордость и стыд не позволили мне сразу признать их, занятых черной работой. Вернувшись домой, я приказал людям: «Приведите тех двух человек». Их привели. Опять я одел их в новое платье и усадил рядом с собой, и спать эти бессовестные сговорились убить меня. Раз среди ночи, когда все беззаботно спали, они пришли к моему изголовью. Я же в страхе за свою жизнь выставлял у дверей часовых, и мой верный пес спал у меня под кроватью. Лишь только выпули они из ножен мечи, собака проснулась и напала на них, а от ее лая пробудился весь дом. Я тоже поспешно вскочил. Их схватили, и тут стало ясно, кто это. Все стали их проклинать за то, что они решились ответить таким делом на мое доброе отношение к ним.

Благополучие падишаху! Тут и меня взял страх. Известна пословица: «Раз ошибешься, два ошибешься, но третья ошибка — мать всяких бед». И я решил про себя, что надо теперь лишить их свободы. Но если я отправлю их в тюрьму, кто присмотрит за ними? Они погибнут от голода и жажды, а не то принесут еще какой-нибудь вред. Поэтому я посадил их в клетки, чтобы они всегда находились у меня на глазах и я мог быть спокоен, что они не придумают новый обман. А честь и

почет, которыми я окружил собаку,— награда за ее верность и преданность. Великий Аллах! Вероломный человек хуже, чем преданное животное.

Вот моя история; я всю ее поведал падишаху. Теперь, хотите — казните, хотите — милуйте; на то воля падишаха,— кончил ходжа.

— Выслушав рассказ,— продолжал Азадбахт,— я похвалил этого честного человека.

— Твое благородство не вызывает упрека,— сказал я ему,— а бесстыдство и подлость этих двоих не имеют границ. Поистине верно говорят: горбатого могила исправит.

Потом я попросил ходжу рассказать, откуда взялись двенадцать рубинов, которые украшали ошейник собаки.

— Да продлится век падишаха сто двадцать лет! — отвечал тот.— Однажды, три-четыре года спустя после того, как я был назначен начальником гавани, я сидел на крыше своего дома и любовался видом на море и берег. Я посматривал во все стороны и вдруг на опушке леса, где не было проезжей дороги, заметил две движущиеся фигуры. Взяв подзорную трубу, я различил двух людей странной наружности и послал стражников, чтобы их привели.

Когда их доставили, выяснилось, что это мужчина и женщина. Ее я отослал на половину к жене, а мужчину потребовал к себе. Смотрю, это молодой человек лет двадцати-двадцати двух, у которого только лишь начинают пробиваться борода и усы, но лицо его от загара черно, словно сковорода, а волосы на голове и ногти на пальцах отросли, как у лесного дикаря. На плече у него сидел мальчик лет трех-четырех, через шею мужчины была перекинута куртка, и рукава ее, чем-то наполненные, как мешки, свисали ему на грудь

наподобие ожерелья. Вид молодого человека поверг меня в изумление.

— Эй, дорогой! Кто ты такой, откуда родом и что с тобою случилось? — спросил я удивленно.

— Еды! Еды! Ради бога дайте чего-нибудь съесть! — вскричал он, заливаясь слезами и положив передо мной свои мешки. — Много дней я иду, питаюсь только травой и листьями деревьев; у меня совсем не осталось сил.

Тотчас потребовал я хлеб, вино и жаркое, и он принялся есть. Тем временем евнух принес из гарема еще мешки от его супруги. Я развязал их и увидел всевозможные самоцветы, да такие, что каждый камешек мог служить данью с целого султаната, и все — один лучше другого по форме, величине и чистоте. От их блеска весь дом засверкал, переливаясь разными красками. Когда пришелец немного утолил голод, выпил чашу вина и передохнул, он пришел в себя, и я принялся за расспросы.

— Откуда попали к тебе эти камни? — начал я.

— Родина моя — страна Азербайджан, — отвечал он. — Оторвавшись с детских лет от дома и родителей, я вынес много тягот и долгое время был заживо похоронен в могиле. Не раз ускользал я из рук ангела смерти.

— Добрый человек, расскажи поподробнее, чтобы все было ясно. — попросил я.

— Мой отец был купцом и постоянно ездил в Хиндустан, Рум, Чин, Кхата * и Фаранг, — приступил молодой человек к своей истории. — Когда мне исполнилось десять лет, отец, отправляясь в Хиндустан, захотел взять меня с собой. Хотя мать и все тетки говорили ему, что я еще ребенок и не гоюсь для такой поездки, родитель мой не послушался.

— Я уже состарился, — ответил он им. — Если он не обучится под моим руководством, то печаль об этом

я унесу с собой в могилу. Он сын мужчины. Сейчас не научится делу, так когда же еще?

Так он сказал, и мне волей-неволей пришлось ехать с ним. Мы благополучно прибыли в Хиндустан, продали там часть товаров и, накупив местных диковинок, двинулись дальше, в Зербад. И эта поездка оказалась благоприятной. Мы поторговали и здесь, а затем сели на корабль, чтобы быстрее вернуться на родину. Через месяц пути разразилась буря, вокруг нас огромными столбами крутились смерчи, весь мир скрылся во мраке, в довершение всего у корабля раскололся руль. Лоцман и капитан рвали на себе волосы. Десять дней носились мы по воле волн и ветра, на одиннадцатый наскочили на риф, и корабль разлетелся в куски. Отец, слуги, имущество — все исчезло неизвестно куда.

Опомнившись, я увидел себя на доске. Трое суток носила она меня по морю, на четвертый день ее прибило к берегу. Во мне еще теплилась жизнь; я слез с доски и ползком кое-как выбрался на сушу. Невдалеке я увидел поля и на них много народу, но все были темнокожие и голые, в чем мать родила. Некоторые что-то мне говорили, но я совершенно не понимал их языка. На полях росли бобы. Люди разводили костры, поджаривали стручки и ели. Поблизости виднелось несколько хижин. Вероятно, эти бобы составляли главную пищу темнокожих, и сами они жили тут же. Они стали делать мне знаки: поешь, мол, и ты. Я взял пригоршню бобов, поджарил их и съел прямо с ладони. Потом я выпил воды, лег в сторонке и заснул.

Когда спустя много времени я проснулся, один из этих людей подошел ко мне и стал показывать на дорогу. Я сорвал немного бобов и пошел по указанному пути. Вокруг расстилалась плоская, как ладонь, равнина, такая же обширная, какой должна бы быть та, где соберутся в день страшного суда наши души. Я жевал бобы и шел вперед. Через четыре дня показалась какая-то крепость; подойдя ближе, я увидел очень высокую стену из камня, простиравшуюся на несколько

верст; вход в крепость закрывался вытесанной из цельной глыбы каменной плитой, запертой на огромный замок; но нигде не было следов человека. Я пошел дальше и вскоре увидел холм черной, словно сурьма, земли. Когда я поднялся на него, передо мной открылся большой город, окруженный стеной, кое-где над ней возвышались башни; рядом с городом протекала широкая река. Дойдя до городских ворот, я со словами «Во имя Аллаха» * вступил в них. За ними сидел на стуле человек, одетый в платье фарангов *, так что я принял его за путешественника-чужеземца. Услышав из моих уст «Во имя Аллаха», он подозвал меня. Я приблизился и поклонился. Он очень любезно ответил на мой поклон, пригласил в дом и, поставив на стол хлеб, масло, жаркое и вино, предложил есть до отвала. Я немного поел и попил, потом беззаботно заснул. Вечером я проснулся, вымыл лицо и руки, и хозяин снова стал меня угощать.

— Расскажи-ка о себе, сын мой! — попросил он.

Я поведал ему все, что со мною случилось.

— А сюда-то зачем ты пришел? — спросил он тогда.

— Ты, наверно, сумасшедший, — сказал я ему раздраженно. — После долгих бедствий я, наконец, увидел жилье. Сам Аллах направил меня сюда, а ты спрашиваешь, зачем я пришел.

— Сейчас пока отдохни, — ответил он мне на это. — Завтра я скажу тебе все, что будет нужно.

Наутро он обратился ко мне:

— В чулане есть мешок, решето и лопата. Вынеси их наружу.

«Бог знает, какой только работы не навалит он на меня, накормив своим хлебом», — подумал я, но поневоле должен был достать эти вещи и принести их ему.

— Пойди на тот холм, который ты видел вчера, — велел он, — выкопай яму глубиной в два локтя; землю, которую вынешь оттуда, просей через сито, а все, что не будет просеваться, сыпь в мешок и принеси мне.

Забрав инструмент, я отправился на холм: копал, просеивал и сыпал в мешок. Смотрю: это всевозмож-

ные драгоценные камни, блеск которых ослепляет глаза. Набив ими мешок до краев, я притащил его к хозяину.

Тот взглянул на него и сказал:

— Возьми все, что в нем есть, и уходи отсюда. Хорошо тебе жить в этом городе.

— Господин проявил ко мне великую милость, подарив столько разных камней,— отвечал я,— но на что они мне? Если захочется есть, я не смогу их ни разжевать, ни проглотить. Значит, даже если дадите еще, то к чему они мне?

— Мне жаль тебя,— сказал он с улыбкой,— потому что ты, как и я, уроженец Аджама. Из-за этого я и не советую тебе оставаться. Но поступай, как знаешь. Если ты все же решил войти в этот город, возьми с собою мой перстень. Когда придешь на базарную площадь, обязательно разыщи там седобородого человека, очень похожего на меня. Это мой старший брат. Отдай ему кольцо, и он позаботится о тебе, а ты делай все так, как он скажет, не то пропадешь ни за что. Моя же власть кончается здесь — в город я войти не могу.

Я взял у него перстень и с поклоном простился. Войдя в город, я был поражен его красотой: улицы и базар сверкали чистотой, женщины и мужчины свободно занимались торговлей, и все были превосходно одеты. Я шел, любясь тем, что меня окружало. Выйдя на середину базара, я увидел такую толпу, что брось сверху тарелку, она не упала б на землю, а поскакала бы по головам. Люди стояли так плотно друг к другу, что трудно было пройти. Когда толпа понемногу начала расходиться, я стал проталкиваться вперед. Наконец, я увидел того человека, к которому направлялся; он сидел на скамеечке, а перед ним стоял осыпанный самоцветами жезл. Я подошел, поклонился и вручил ему перстень.

— Зачем ты пришел сюда? — спросил он, гневно взглянув на меня. — Захотел попасть в большую беду? Разве мой неразумный брат не запретил тебе это?

— Он-то говорил, но я не послушался,— отвечал я и рассказал о себе все с начала до конца.

Этот человек встал и повел меня за собой. Дом его выглядел, словно шахский дворец, и повсюду было множество слуг.

— Сын мой! — обратился он ко мне, усадив в своей комнате. — Что за глупость ты сделал, ступив собственными ногами в могилу! Разве хоть кто-нибудь приходит сам в этот злосчастный заколдованный город?

— Я уже рассказал о себе,— возразил я. — Сама судьба толкнула меня сюда. Но будьте милостивы и поведайте мне о здешних обычаях, чтобы я понял, почему вы и ваш брат не велите мне здесь находиться.

— Царь и вся знать этого города не следуют истинной вере; их обычаи и религия удивительны,— сказал мне почтенный муж. — Здесь в храме есть один идол, в чреве которого сидит шайтан, называющий имя, род и веру всякого человека. О любом бедном путнике, кто приходит сюда, становится известно царю, и пришельца ведут прямо в храм на поклонение идолу. Если он простигается перед божеством — хорошо. А не то несчастному велят броситься в реку. Если же он хочет переплыть ее и убежать, то члены его так распухают, что он теряет способность двигаться. Вот какое волшебство владеет этим городом. Мне жаль твоей юности, и потому я придумаю кое-что, чтобы хоть на некоторое время сохранить тебе жизнь и спасти от этой беды.

— Что же это за способ? — спросил я. — Соизвольте сказать.

— Я женю тебя,— сказал он,— и возьму тебе в жены дочку везира.

— Как отдаст везир за меня, нищего, свою дочь? — изумился я. — Разве что я приму его веру? Но сделать этого я не могу.

— В этом городе такой обычай,— объяснил он. — Всякий, кто придет на поклонение к идолу, должен получить, что он попросит. Если он — будь то хоть нищий — потребует царскую дочь, то надо вручить ее

ему и ублажить его этим; нельзя оставить его во власти печали. А я сам пользуюсь доверием у царя, он меня любит, поэтому меня почитает вся здешняя знать и вельможи. Два дня среди недели они посвящают богослужению в храме идола, и как раз завтра все там соберутся. Я возьму тебя с собой.

Потом он меня накормил, напоил и уложил спать. Наутро вместе с ним я отправился в храм. Там я увидел, что со всех сторон сходятся люди и поклоняются идолу. Впереди рядом с жрецами сидели, почтительно обнажив головы и скрестив ноги, царь и вся знать, а вокруг них стояли рядами незамужние девушки и красивые мальчишки, словно райские девы и юноши.

— Теперь делай, что я скажу,— обратился ко мне мой покровитель.

— Все, что изволите приказать, я исполню,— сказал я.

— Прежде всего поцелуй у царя руки и ноги,— велел он,— потом ухватись за полу везира.

Так я и сделал.

— Кто это? — спросил тогда царь.— Что он говорит?

— Этот юноша — мой родственник,— ответил мой покровитель.— Он пришел издалека, чтобы поцеловать царские стопы. Он надеется, что везир возвысит его, допустив служить у себя, если будет на то повеление великого идола и согласие вашего величества.

— Примет он нашу веру и наши законы,— сказал царь,— тогда превосходно.

В этот миг в храме зазвучали литавры; на меня надели почетный халат и, обвязав шею черной веревкой, повлекли к трону идола и заставили пасть перед ним ниц.

— Эй, сын ходжи! — раздался голос из идола.— Хорошо, что ты пришел служить мне. Теперь уповай на мою благосклонность и милости.

При этих словах все присутствовавшие простерлись на земле и стали кричать:

— Будь благословен! Пусть будет так! Таков наш бог!

С наступлением вечера царь и его приближенные сели на коней и отправились во дворец к везиру. Там они вручили мне его дочь, совершив обряд по своим обычаям, дали богатое приданое и выражали мне свою благодарность, говоря, что по велению великого идола девушка принадлежит мне. Нас вместе оставили в одном доме, и тут я увидел, что моя новобрачная красотой своей, безупречной до кончиков волос и ногтей, действительно может сравниться с пери. Она обладала всеми совершенствами падмини *, о каких только можно мечтать, и очень понравилась мне. Поутру, совершив омовление, я явился к царю на поклон. Он пожаловал мне по случаю женитьбы халат и повелел, чтобы я всегда присутствовал у него на приемах. И, наконец, через несколько дней я попал в число его приближенных.

Царь был очень доволен моим обществом и часто жаловал мне халаты и другие награды, хотя я и без того был богат всяким имуществом, потому что жена принесла мне без счета денег, вещей и драгоценностей. Два года протекли в полном довольстве и покое, и вот моя жена забеременела. Когда отошли седьмой и восьмой месяцы и наступили сроки родов, начались боли. Пришли няньки и повивальные бабки и извлекли мертвого младенца. Яд от него передался роженице, она умерла тоже, а я обезумел от горя. Что за несчастье разразилось надо мной! Я сидел весь в слезах у ее изголовья. Вдруг плач раздался по всему дому, и со всех сторон начали сбегаться женщины. Каждая в знак горя раз или два хлопала меня руками по голове и принималась рыдать еще громче. Собралось столько женщин, что среди них я совсем потерялся, и мне казалось, что душа моя расстается с телом.

Тут кто-то схватил меня сзади за воротник и потянул. Смотрю, это тот самый перс, который женил меня.

— Эй, глупец! — произнес он. — Над кем ты плачешь?

— Жестокий! — возопил я. — Что ты сказал? Мое царство похищено, пропал мой душевный покой, а ты спрашиваешь, почему я в тоске!

— Оплакивай собственную смерть, — сказал он с печальной улыбкой. — Я давно говорил тебе, что в этот город ты пришел на свою погибель. Так и случилось. Теперь тебе не остается ничего, кроме смерти.

Потом меня схватили и повели в храм. Вижу, там уже собрались царь с приближенными и простой народ. Туда же принесли все имущество моей покойной жены. Всякий брал, что хотел, и выкладывал плату.

Одним словом, все имущество обратили в наличные деньги, на них накупили драгоценных камней и сложили в шкатулку. Наполнили один сундук хлебом, сладостями, жареным мясом, сухими и свежими фруктами и прочей снедью; в другой положили тело моей жены и оба сундука погрузили на верблюда. Меня посадили сверху и дали мне в руки шкатулку с драгоценностями. Впереди двинулись брахманы, совершая службу и трубя в раковины, а сзади, вознося благословения, шел народ. Так мы вышли из города, через те же ворота, в которые я вошел два года назад. Лишь только взгляд привратника упал на меня, он залился слезами.

— Несчастный смертник! — произнес он. — Ты не послушал меня, вошел в этот город и понапрасну отдал свою жизнь. Я не виноват — ведь я не велел тебе.

Он говорил, а я словно оцепенел: язык не подчинялся мне, чтобы ответить, и не было сил ясно представить, что меня ждет. Наконец привели меня к той самой крепости, мимо которой я проходил когда-то. Целая группа людей общими силами открыла тяжелую дверь; гроб и сундук втащили внутрь. Ко мне подошел пандит и стал наставлять.

— Человек однажды родится, — говорил он, — однажды он и умирает — таков ход дел мирских. Вот твоя жена, сын и богатство; вот и пропитание на сорок дней, возьми его и оставайся здесь, пока не смилуется над тобой великий идол.

В ярости хотел я проклясть и этого идола; и здешних жителей, и этот обычай, а на брахмана готов был наброситься с кулаками, но все тот же перс меня остановил.

— Берегись! — предостерег он. — Ни слова! Стоит тебе открыть рот, и тебя тут же сожгут. Ладно уж, что было тебе суждено, то и случилось. Теперь уповай на милость божью. Быть может, Аллах даст тебе случай выбраться отсюда живым.

Потом, оставив меня совсем одного, все вышли из крепости и снова заперли вход. От сознания своего одиночества и беспомощности я невольно разрыдался и принялся осыпать труп ударами. «Эй, злодейка! — кричал я. — Если тебе суждено было умереть во время родов, зачем пошла замуж, зачем забеременела?» Избив бездыханное тело, я снова сел. Тем временем солнце поднялось высоко и стало палить. Голову мне припекало, и я задыхался от зловония. Куда ни взгляну, всюду валяются человеческие кости и стоят сундуки с кучами драгоценных камней. Я собрал несколько поломанных сундуков, сложил их так, чтобы можно было укрыться днем от жары, а ночью спастись от росы, и принялся искать воду. В стороне я увидел отверстие, высеченное в стене наподобие горла кувшина; оттуда вытекала вода. Несколько дней прожил я на воде и оставленной пище.

Но вот пропитание кончилось. Я всполошился и возопил к господу богу. Он был так милосерден, что вновь открылись ворота и в крепость внесли мертвеца, а вместе с ним привели старика. Когда все ушли, мне пришлось в голову убить старца и забрать его сундук с пищей. Взяв в руку ножку от сундука, я подошел к старику. Несчастный сидел в отчаянии, опустив голову на колени. Я подкрался к нему сзади и так ударил по голове, что череп его раскололся, мозг брызнул наружу, и он в тот же миг вручил душу богу. Забрав его запасы еды, я стал ими питаться. Долгое время занимался я тем, что убивал всех живых, которых приводили с покойниками, и благополучно поддерживал свою жизнь их припасами.

Однажды, уже немало времени спустя, пришла вместе с гробом очень красивая девушка. Мне не хотелось ее убивать. Она же при виде меня от страха лишилась сознания. Я забрал ее пищу и утащил к себе, но не стал есть один: когда чувствовал голод, я шел к ней, и мы ели вместе. Между тем молодая женщина увидела, что я не хочу ей вреда, и день ото дня меньше дичилась и становилась послушной. Потом она сама начала приходить в мое логово, и как-то раз я спросил, кто она.

— Я дочь первого советника царя, — отвечала она, — и была предназначена в жены сыну моего дяди. К ночи в день свадьбы у него начались колики, и он мгновенно умер, а меня вместе с его гробом бросили здесь.

Потом она попросила меня рассказать о себе, и я поведал ей все с начала и до конца.

— Аллах послал тебя сюда для меня, — сказал я ей в заключение. Она улыбнулась и промолчала.

Вскоре между нами возникла любовь. Я обучил ее основам мусульманской религии, заставил прочитать символ веры и сделал своею женой. Вскоре она зачала и родила сына. Почти три года протекло таким образом.

— До каких пор будем мы здесь оставаться? Как бы нам выбраться отсюда? — обратился я однажды к жене, когда мальчик был уже отлучен от груди.

— Поможет бог выйти — выйдем, а нет — так здесь и помрем. — отвечала она.

Ее ответ и думы о собственной жизни очень расстроили меня, и я заснул весь в слезах. Во сне увидел я человека, который сказал: «Можно выйти через водосток. Выходи!»

— Жена! — закричал я, восторженно от радости. — Собери и принеси железные гвозди и скрепы от старых сундуков — я расширю ими водосток.

И вот я до изнеможения стал долбить гвоздем камни подземной трубы, и в результате года трудов проход расширился настолько, что в него мог пролезть человек. Потом мы наполнили рукава снятых с мертвецов курток

лучшими самоцветами и, взяв их с собой, все трое выбрались наружу. Там я воздал хвалу богу, посадил сына на плечи, и вот уже месяц, как мы пробираемся через леса и горы, боясь появляться на дорогах и утоляя голод травой и листьями. Вот моя история, ты слышал ее всю.

Больше нет сил говорить.

— Благополучие падишаху! — продолжал ходжа. — Я проникся состраданием к его положению: послал его в баню, одел в новое платье и назначил своим помощником. Между тем у нас с царевной рождались дети, но все они умирали в младенческом возрасте. Один сын скончался, дожив до пяти лет, и в тоске по нему жена сама оставила мир. Я совсем закручинился; жизнь без нее в той стране стала мне тягостна, и душа была объята печалью. Тогда я решил вернуться в Аджам. Доложил об этом царю, передал должность начальника порта своему молодому помощнику, а тем временем и сам царь скончался. Я забрал этого верного пса и вместе со всем своим богатством прибыл в Нишапур. Там никто не знал истории моих отношений с братьями и потому прозвали меня ходжой-собакопоклонником. За этот позор я до сих пор плачу двойную подать двору падишаха Ирана. Случайно приехал в Нишапур этот купеческий сын, и благодаря ему я удостоился чести целовать ваши стопы, — закончил ходжа.

— Разве это не твой сын? — спросил я его.

— О тот, кому поклоняется мир! — ответил ходжа. — Он не сын мне. Это ваш подданный, но отныне он мой господин и наследник; как он соизволит сказать, так и будет.

— Кто же твой отец? — спросил я тогда «купеческого сына». — Где живут твои родители?

Мнимый юноша поцеловал землю и попросил даровать ему жизнь.

— Я, ничтожная,— дочь вашего везира,— произнес он.— Мой отец впал в немилость у вашего величества из-за рубинов этого купца, и было приказано, что, если в течение года слова его не найдут себе подтверждения, ему придется расстаться с жизнью. Услыхав это, я изменила свой облик и отправилась в Нишапур. Господь помог мне доставить к вам этого ходжу вместе с собакой, и вы выслушали всю его историю. Надеюсь, что мой старый отец будет освобожден.

Услышав слова дочери везира, ходжа испустил тяжкий вздох и свалился без чувств.

Когда его окропили розовой водой, он пришел в себя и сказал:

— О несчастье! С таким трудом я добрался сюда, уповав на то, что усыновлю этого юношу, сделаю его своим наследником, написав ему дарственную на все имущество, и тогда имя мое сохранится и весь народ будет звать его сыном ходжи. Но мои надежды оказались напрасными, и вышло иначе. Он оказался женщиной и обманул чаяния старика. Я попал в сети женских плутишек. Теперь станут обо мне говорить: «Собирался к святым местам, а остался дома; только осрамился, когда зря выбрил голову, словно паломник».

— Одним словом,— продолжал Азадбахт,— его расстройство и плач вызвали у меня жалость. Я подозревал к себе ходжу и шепнул ему на ухо приятную весть:

— Не грусти. Я выдам ее за тебя. Даст бог, у тебя еще будут дети, и они станут твоими наследниками.

Эти слова его успокоили.

— Отведите дочку везира во дворец,— велел тогда я,— а отца ее освободите из темницы, вымойте в бане, оденьте в почетное платье и скорей приведите ко мне.

Когда везир вошел, я выступил навстречу ему к самому краю ковра, обнял его, чувствуя его превосходство, и вновь пожаловал ему должность везира, вручив ему каламдан *. Ходжу я наградил поместьем и должностью и, дождавшись счастливого часа, сочетал его браком с дочерью везира. За несколько лет у них родились

два сына и дочь, так что старший теперь старейшина купцов, а младший — управитель у меня при дворе.

О дервиши! Я рассказал вам эту историю потому, что вчера ночью выслушал похождения двух факиров. Теперь и вы, двое оставшихся, представьте, что вы сидите на том же месте, сочтите меня своим слугой, а этот дом моею обителью, поведайте нам свои приключения и погостите здесь несколько дней.

— Хорошо, — отвечали факиры, видя приветливость падишаха. — Раз вы проявили столько любезности к нам, нищим, мы тоже оба расскажем, что с нами случилось. Слушайте.

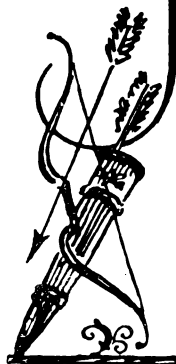
Схожденія
третьего дервиша

РЕТИЙ дервиш подтянул пояс, уселся и начал свой рассказ такими словами:

Повесть о жизни факира, друзья,
слушайте,
Жил в постоянных страданиях я, слушайте,
Сам шах любви надо мною так зло
тешился,
Что истомил и меня и себя, слушайте.

Ничтожный, который сидит перед вами, — персидский царевич. Благословенный отец мой был падишахом Аджамы, а я его единственный сын. Юность моя прошла беззаботно: я постоянно играл с приближенными в кости и карты, в шахматы и нарды * или развлекался прогулками и охотой. Однажды я велел оседлать коней, взял с собой друзей и приятелей и отправился в поле. Мы пускали соколов и других

ловчих птиц в погоню за утками и куропатками и захали далеко. И тут нашему взору открылась изумительная долина: во все стороны, куда ни взглянешь, простирался бескрайний зеленый луг с красным узором цветов. Пораженные этим видом, мы опустили поводья коней и шаг за шагом тихо, как на прогулке, продолжали двигаться дальше. Вдруг, глядим, в этой долине, куда ни человек не заходит, ни птица не залетает, спокойно пасется черная антилопа. На ней парчовая попона, уздечка вся в драгоценных камнях, золотые колокольчики на вышитой ленте позвякивают на шее. Услышав стук копыт наших коней, она насторожилась, подняла голову, посмотрела на нас и стала тихонько удаляться.

Вид ее возбудил во мне такой пыл, что я сказал своим спутникам:

— Стойте здесь. Я поймаю ее живьем. И смотрите, не трогайтесь с места, ни шагу за мной!

А конь подо мной был так быстр, словно летел на крыльях. Не раз я пускал его за антилопами и, невзи-

рая на их прыжки, ловил их руками одну за другой. Вот и тут я погнался за черной антилопой. Заметив меня, она бросилась вскачь и вихрем понеслась прочь. Мой конь, который мог поспорить с ветром, даже пыли от ее копыт не настиг. Наконец скакун мой весь покрылся потом, а у меня язык стал трескаться от жажды, но все напрасно.

Приближался вечер, а я заехал неведомо куда. По неволе пришлось мне пойти на обман. Я вынул из чехла лук, достал из колчана стрелу, наложил ее, натянул тетиву до самого уха и, нацелившись в антилопу, со словами «Аллах велик» выстрелил. Первая же стрела пронзила ей ногу. Тогда, хромая, она свернула к подножью горы. Я сошел с коня и пешком направился следом за ней. Она стремилась укрыться в горах, но я не отставал ни на шаг. Одолев несколько подъемов и спусков, я заметил купол какой-то башни, а подойдя поближе, увидел садик и родничок. Антилопа тем временем скрылась из глаз.

Я очень устал и присел, чтобы обмыть руки и ноги. Вдруг из башни до моих ушей донесся плач.

— О дитя! — послышалась мне чья-то речь. — Пусть стрелы вздохов моих пронзят сердце того, кто ранил тебя этой стрелой. Да не вкусит он плода своей юности и да пошлет ему бог такие же страдания, как мне.

Я вошел в сад и вижу: почтенный старец с седой бородой и в богатых одеждах сидит на маснаде, а перед ним лежит антилопа. Он извлекает у нее из ноги стрелу и посылает проклятья.

— Мир господину, — обратился я, поклонившись и сложив приветственно руки. — Это я, ваш покорнейший раб, нечаянно провинился. Но я сделал это по незнанию. Простите меня ради бога.

— Ты причинил мучения бессловесному существу, — ответил он мне. — Но раз это сделано тобой по неведению, Аллах простит тебя.

Я присел рядом с ним и стал помогать вытаскивать стрелу. Лишь с большим трудом нам удалось ее вы-

нуть. Заполнив рану целебными мазями, старик отпустил антилопу. Потом, вымыв как следует руки, он угостил меня всем, что у него тогда было. Насытившись, я растянулся на постели.

От усталости я после сытной еды сразу же задремал. Вдруг сквозь сон услышал я стенания и плач. Протер глаза, гляжу: ни старика, ни кого другого не видно, я один лежу на кровати, а зал пуст. В испуге стал я оглядываться вокруг, и в углу бросился мне в глаза занавес. Я подошел и поднял его. Вижу: трон, и на нем сидит прекрасная женщина лет четырнадцати-пятнадцати, обликом подобная луне. На ней платье фарангов, по обеим сторонам смеющегося лица выются локоны, и взгляд ее полон очарования, а сам почтенный старик склонил к ее ногам голову и безудержно рыдает, готовый лишиться чувств и рассудка.

Поведение старика и неописуемая красота женщины так потрясли меня, что я, как безжизненный труп, упал без сознания. Заметив, что со мной случилось, старик взял флакон розовой воды и принялся опрыскивать меня ею. Когда же я вновь пришел в чувство и, поднявшись, приблизился с приветствием к красавице, она даже пальцем в ответ не шевельнула и губ не раскрыла.

— О красавица с телом розы! — обратился я к ней. — В какой вере считается подходящим вести себя так высокомерно и не отвечать на приветствия?

Немногословье — достоинство, это бесспорно,
но обернуться во зло может молчанье ее,
Ведь если даже сомкнутся любимого очи,
розовых уст разомкнуть не захочет она.

Именем бога, который тебя сотворил, скажи мне хоть слово. Ведь я забрел сюда случайно, а гостю следует угождать.

Много слов я потратил, но все они пропали даром: по-прежнему она только слушала и не проронила ни слова, сидя, будто безмолвное изваяние. Тогда я бросился на колени и припал к ее стопам, но, коснувшись

их, почувствовал, что они тверды и холодны как лед. Только тут понял я, что это сокровище высечено из камня; видно, Азар * сотворил этого идола.

— Стрелой из своего лука я ранил в ногу твою антилопу,— сказал тогда я старому идолопоклоннику,— а ты стрелой страсти насквозь пронзил мое сердце. Проклятие твое свершилось. Теперь расскажи, зачем и как сотворено это чудо и почему ты, покинув людей, поселился среди гор и лесов. Поведай мне все, что с тобой произошло.

— Это и погубило меня,— ответил он после моих настойчивых просьб.— Неужели ты тоже хочешь пропасть, услышав эту историю?

— Довольно! — вскричал я.— Хватит уловов и хитростей! Говори мне о деле, не то убью!

Видя, что я упорно стою на своем, он сказал:

— О юноша, пусть всевышний охранит человека от пыла страсти! Взгляни, каких только бедствий не вызвала любовь: ведь из-за любви вдова сжигает себя с телом мужа *, жертвуя собственной жизнью; а истории Фархада и Меджнуна известны всякому. Что ты обрешь, услышав мой рассказ? Разве что уйдешь от людей, понапрасну покинув семью, имущество, мир.

— Хватит! — заявил я ему.— Оставь пока свою дружбу, лучше считай меня врагом. Если жизнь тебе дорога, рассказывай начистоту!

Не видя выхода, он залился слезами и поневоле стал говорить.

— Я пропащий человек, а история моя такова,— начал он.— Зовут меня Ниман Сайях. Раньше я был крупным купцом; в те времена я объездил по торговым делам все страны света и имел доступ ко всем падишам. Однажды пришла мне в голову мысль, что хоть я и путешествовал по всему миру, но не побывал на острове Фаранг, не видел, что там за царь, какой народ и войско, и совсем незнаком с обычаями и образом

жизни в этой стране — надо бы когда-нибудь и туда съездить. Посоветовавшись с друзьями и близкими, я утвердился в этом решении, набрал всяких диковинок, которые годилось бы везти в эту страну, собрал караван купцов, сел на корабль и отправился. Ветер был нам попутный, и, добравшись туда в несколько месяцев, мы раскинули лагерь у самой столицы. Удивительный это был город — ни один не сравнится с ним красотой. На всех базарах и в переулках устроены хорошие мостовые, и их поливают водой; чистота такая, что соломинки нигде на земле не увидишь, о грязи же и речи быть не может; здания самые разнообразные, а ночью на улицах два непрерывных ряда огней. Вокруг города — сады, и в них растут удивительные цветы, плоды и деревья, каких, наверно, больше нигде, кроме как разве в раю, не бывает. Короче говоря, красота этого города была выше всяких похвал.

Вскоре в городе пошли толки о прибытии заморских гостей. В сопровождении нескольких слуг к нашей стоянке явился верхом на коне почтенный придворный.

— Кто ваш начальник? — спросил он у купцов.

Все указали ему на меня. Придворный вошел ко мне, я встретил его с почетом, и мы приветствовали друг друга. Я усадил его на ковер, пригласил опереться на подушки, а потом обратился с вопросом:

— С какой целью пожаловал к нам господин? Соизвольте сказать.

— Царевна прослышала, что приехали купцы и привезли много товаров, — отвечал он. — Она приказала мне пойти и привести вас к себе. Поэтому возьмите с собой все, что есть среди ваших товаров подходящего для царского двора, и идите. Вы обретете счастье облобызать царский порог.

— Сегодня я очень устал и не могу сделать этого, — сказал я, — но завтра же предстану перед царевной с жизнью своей и имуществом. Все, что имеется у меня, ничтожного, я принесу в дар, и пусть то, что понравится, принадлежит госпоже.

С таким обещанием я отпустил придворного, одарив его бетелем и благовониями, а сам созвал купцов, собрал у них все диковинки, какие у кого были, взял также и те, что имелись у меня самого, и поутру отправился к царскому дворцу. Привратник доложил обо мне. Последовал приказ: «Приведите!» Вышел тот же самый придворный, взял меня за руку и повел, беседуя дружеским образом. Пройдя через помещение для слуг, я попал в роскошное здание.

О друг! Ты не поверишь! Я увидел таких красавиц, словно здесь были собраны пери, которым обрезали крылья. Куда ни взгляну, глаз не отвести! Я не чуял ног под собой. Сдерживая себя всеми силами, я приблизился к царевне. Но когда мой взор упал на ее лицо, я почувствовал, что сознание оставляет меня; даже руки и ноги у меня онемели. Едва-едва я отдал поклон. А по бокам, справа и слева, рядами стояли, скрестив руки, красавицы с обликом пери.

Тут на нескольких подносах внесли драгоценности, парчовые ткани для одежд и всяческие диковинки, которые я отобрал для царевны. Все они были достойны внимания госпожи, и она, обрадовавшись, передала их дворецкому и соизволила молвить, что цена их, какая указана в списке, будет выплачена мне завтра. Я почтительно раскланялся, очень довольный, что благодаря этому завтра опять должен буду прийти. Когда меня отпустили и я вышел оттуда, я был похож на безумца: говорить пытался одно, а получалось другое. В смятенных чувствах явился я в караван-сарай. Все друзья принялись меня спрашивать:

— Что это с вами?

— От этих хождений в голове помутилось,— сказал я.

В общем всю ночь я провел в беспокойстве. Утром снова явился туда и с тем же придворным прошел во дворец. Опять я увидел ту же ослепительную картину, что и вчера. Царевна заметила меня и отпустила всех по своим делам. Когда все разошлись и мы

остались одни, она подозвала меня. Я подошел — она велела сесть, потом изволила спросить:

— Какую ты хочешь награду за то, что пришел сюда и принес это богатство?

— Мною владело сильное желание увидеть стопы ваши,— осмелился я доложить,— но господь исполнил его. Теперь я получил все, к чему стремился, и обрел счастье обоих миров. А что до цены, указанной в списке, то я уступлю вам за половину — другая половина составила бы мою прибыль.

— Нет, сумма, которую ты написал, будет выдана полностью,— возразила царица.— А кроме того, тебе будет пожалован еще и подарок, если ты сможешь выполнить дело, на которое последует мое повеление.

— Если моя жизнь и имущество смогут быть полезны моей госпоже, я сочту это даром счастливой судьбы и тотчас же сделаю все,— отвечал я.

Услышав мой ответ, она потребовала принадлежности для письма, начертала записку, вложила ее в вышитую жемчугом сумочку и, обернув сверху платком из тончайшего муслина, дала мне. Потом сняла с пальца перстень с печаткой и сказала:

— В той стороне есть большой сад. Его называют Дилькуша *. Пойди туда и найди там надсмотрщика, которого зовут Кайхусру. Вручи ему этот перстень, передай приветствия от нас и попроси ответа на записку. Но поскорей возвращайся. Как говорят: «Если поешь там, то воды напейся уж здесь». Увидишь, как я награжу тебя за это.

Я поклонился и пошел, расспрашивая встречающих. Пройдя несколько верст, увидел сад. Лишь только я приблизился к нему, какой-то вооруженный человек схватил меня и ввел в ворота. Вижу: окруженный пышностью и блеском, восседает на золотом сиденье юноша с обликом льва; на нем кольчуга и латы, голова его покрыта стальным шлемом. А рядом пятьсот молодых воинов, сомкнув ряды, стоят наготове: в руках щиты и мечи, колчаны и луки за плечами.

Я отвесил поклон, и юноша подзвал меня. Я отдал ему перстень, повел любезные речи и, показав платок, рассказал про записку.

При этом известии он выразил огорчение и сказал, покачивая головой:

— Наверно, злая судьба привела тебя сюда. Ладно, иди в сад. На кипарисовом дереве висит железная клетка, в ней заперт молодой человек. Отдай ему это письмо и, получив ответ, поскорей возвращайся.

Я поспешно углубился в сад. Да разве это был сад! Казалось, я живым попал в рай: каждая лужайка пестрела всевозможными цветами, били фонтаны, щебетали птицы. Я шел все прямо и на одном дереве увидел ту клетку. В ней находился красивый молодой человек. Почтительно склонив голову, я поздоровался и через прутья клетки подал ему запечатанную сумочку. Он вынул письмо, прочитал и принялся с жаром расспрашивать меня о царевне.

Но не успела закончиться наша беседа, как показалось целое войско эфиопов. Они налетели на меня со всех сторон и стали наносить удары копьями и саблями. Чем может защитить себя безоружный?! Мигом всего меня изрубили, изранили, и я свалился без чувств. Когда же ко мне вернулось сознание, я увидел себя на носилках. Несут их два человека и разговаривают между собой.

— Бросим этого мертвеца в поле,— сказал один.— Пусть его сожрут собаки и вороны.

— А если царь вздумает осведомиться и узнает об этом,— ответил другой,— он нас с тобой велит закопать живьем в землю, а наших детей раздавят под колодой, которой жмут масло. Что, нам жизнь надоела, чтобы пойти на такой неразумный поступок?

Слыша их разговор, я взмолился к этим ужасным людям:

— Ради бога, смилуйтесь надо мной. В моем теле осталось еще последнее дыхание жизни. Вот когда я умру, тогда делайте, что захотите. Ведь мертвый в ру-

ках у живого. Но скажите, что случилось со мной, почему меня так изранили и кто вы? Поведайте мне хоть это.

Им стало жалко меня, и они рассказали:

— Юноша, который заперт в клетке,— племянник нынешнего царя. А прежде страной правил его отец. Перед смертью он завещал своему брату: «Пока мой сын, законный наследник этого царства, еще несмышленное дитя, поручаю тебе вести государственные дела самому, заботливо и осмотрительно. Когда же он достигнет совершеннолетия, жени его на своей дочери и передай ему власть надо всей страной и казной». С этими словами он скончался, и правление перешло к младшему брату. Но тот не исполнил заветы покойного. Наоборот, он объявил племянника сумасшедшим безумцем, бросил его в эту клетку и поставил вокруг сада надежную стражу, так что и птица не может туда пролететь. Несколько раз он подсылал юноше смертельный яд, но жизнь в нем сильна, и яд не подействовал. Наша царевна и этот царевич любят друг друга: она беспокоится дома, он же трепещет в клетке. Через тебя она отправила любовное письмо, о котором каким-то путем пропюхали соглядатаи и донесли царю. Тот послал отряд эфиопов, и они нанесли тебе эти раны. А советнику царь приказал придумать план, как уничтожить царевича-пленника. Вероломный советник неведомо как ухитрился уговорить царевну, чтобы она сама своими руками на глазах у царя убила невинного юношу.

— Пойдемте, мне хочется перед смертью увидеть это зрелище,— попросил я.

Они согласились не сразу, но наконец вместе со мною, израненным, тайком подошли к тому месту и встали в сторонке. Смотрю: на троне сидит сам царь, а царевич выведен из клетки и поставлен напротив. Царевна же, обратившись в палача, с обнаженным мечом в руках идет казнить своего возлюбленного. Но приблизившись к царевичу, она отбросила меч и кинулась к нему на шею,

— Так умереть я согласен,— произнес влюбленный царевич.— Ведь я жажду тебя в этой жизни и за гробом буду стремиться к тебе же.

— Нет! — сказала она.— Это был только повод по-видать тебя.

Видя, как обернулось дело, царь вышел из себя и стал грозить советнику:

— Ты что же, привел меня сюда любоваться этаким зрелищем?!

Слуги оторвали царевну от юноши и повлекли ее во дворец, а советник, которого обуяла злоба, поднял меч и бросился к царевичу, намереваясь одним ударом покончить с несчастным. Но только он занес меч, как внезапно стрела, явившаяся из-за завесы таинственного, вонзилась ему прямо в лоб, и он упал замертво.

При виде такого события царь убежал во дворец. Юношу снова посадили в клетку и унесли в сад. Я тоже поспешил скрыться. По пути какой-то человек подозвал меня и отвел к царевне. Узнав, что я ранен, она велела позвать лекаря и с величайшей заботливостью соизволила ему приказать:

— Вылечи этого человека, чтобы скорей совершить омовение исцеленья,— вот твоя задача. Сколько ты приложишь стараний, столько получишь наград и отличий.

Словом, лекарь принялся хлопотать, исполняя повеление госпожи, и через сорок дней, совершив омовение, привел меня к ней.

— Ну, как теперь себя чувствуешь? — спросила она.

— Благодаря вашей милости я совершенно здоров,— отвечал я.

Тогда она наградила меня подарками и деньгами вдвойне против обещанного и отпустила. И я уехал из страны, где осталось мое сердце, вместе со всеми своими спутниками и слугами. Когда мы прибыли к этому месту, я сказал им:

— Отправляйтесь на родину. Я решил построить на этой горе обитель, поставить в ней изображение царевны и остаться тут навсегда.

Одарив по достоинствам слуг и невольников, я отпустил их со словами: «Пока я жив, на вас ложится забота о моем пропитании, а в остальном будьте свободны». Теперь они преданно заботятся, чтобы мне не пришлось голодать, и я со свободной душой предаюсь поклонению своему кумиру. Такова цель оставшихся дней моих. Вот и вся моя история, которую ты хотел услышать,— кончил старик.

О факиры! Едва дослушав этот рассказ, я накинул на плечи кафни и, одевшись факиром, отправился в путь, стремясь увидеть страну Фаранг. Пробродив долгое время по лесам и горам, я стал похож на Меджнуна или Фархада.

Наконец, страсть моя привела меня в тот самый город. Словно безумный, слонялся я по улицам и переулкам; подолгу простаивал около дворца царевны, но не видел никакого способа проникнуть туда. Мысль, что то, ради чего я пришел, претерпев столько мук, не дается мне в руки, повергала меня в неописуемое уныние.

Однажды я стоял на базаре, как вдруг весь народ начал разбегаться, даже лавочники попрятались, закрыв свои лавки. Только что здесь была толчея — и вдруг стало безлюдно. Вскоре показался юноша, подобный Рустаму. Он размахивал мечом и рычал, как лев. На плечах у него была кольчуга, на голове — стальной шлем, за поясом — пара пистолетов. Он что-то бормотал и шатался, как пьяный, а за ним два невольника в шерстяных одеждах несли на головах гроб, обтянутый кашанским бархатом.

Пораженный этим зрелищем, я решил пойти следом за ним. Всякий, кто встречался мне на пути, пытался остановить меня. Но где уж мне было слушать кого-нибудь! Пройдя немного, молодой человек вошел в великолепное здание, и я последовал за ним. Обернувшись, он хотел одним ударом меча рассеять меня надвое.

Я бросился перед ним на колени и стал клятвенно уверять, что как раз этого я и ищущу.

— Я прощаю тебе свою кровь,— говорил я.— Освободи меня от горестей жизни — я вконец ими измучен. Я нарочно пришел к тебе. Не медли!

Видя, что я твердо решил умереть, господь смягчил сердце юноши, и гнев его остыл.

— Кто ты такой и почему недоволен своей жизнью? — спросил юноша милостиво и снисходительно.

— Пожалуйста, присядьте,— попросил я,— я все объясню. Моя история длинна и начинается издалека. Я жертва в когтях любви,— вот почему я безутешен.

Вслушав это, он снял доспехи, умыл лицо и руки и принялся за завтрак, пригласив и меня.

— Рассказывай, что с тобой произошло,— сказал он, когда мы кончили есть.

Я поведал ему о старике, о царевне и о том, зачем я явился в их город. Услыхав это, он сначала заплакал, потом произнес:

— Чьих только домов не разрушила несчастная царевна. Но ничего, в моих силах тебя исцелить. Скорей всего ты с моей помощью достигнешь желаемого, а потому не тревожься и храни душевный покой.

Он приказал цирюльнику обрить и искупать меня, дал мне надеть принесенную невольником пару своего платья и тогда продолжал:

— В этом гробу, что ты видел,— царевич, который был заключен в клетке. В конце концов его обманом убил другой царский советник. Он, конечно, обрел спасение, потому что был жертвой гонений. А я его молочный брат. Я зарубил мечом убийцу-советника и готов был прикончить царя. Царь взмолился и стал клясться, что он невиновен; тогда я пощадил этого труса. С тех пор я занят тем, что каждый месяц в первый четверг новой луны ношу этот гроб по всему городу и оплакиваю царевича.

Его слова меня немного утешили. «Если он захочет,— подумал я,— то желание мое исполнится. Господь

оказал великую милость, расположив ко мне этого безумца. Поистине: когда господь милует — милуют все».

Лишь только наступил вечер и солнце село, юноша велел вынести гроб, приставил к нему меня вместо одного из носильщиков и отправился с нами. По дороге он говорил мне:

— Я иду к царевне. Если удастся, я ей представлю тебя. Только ты ни в коем случае не раскрывай рта, сиди все время тихо и слушай.

— Все, что господин изволит приказывать, я выполняю в точности,— отвечал я.— Да хранит вас господь за то, что вы сочувствуете моему положению.

Юноша направился к царскому саду. Войдя туда, я увидел на лужайке восьмиугольную мраморную террасу. На ней стоял на алмазных опорах балдахин из белой парчи, отороченной жемчужной бахромой. Под ним находился златотканый маснад и были разложены парчовые подушки. Юноша велел поставить гроб и приказал нам обоим:

— Пойдите к тому дереву, сядьте.

Через некоторое время показался свет фонарей — пожаловала царевна, окруженная прислужницами. На лице ее отражались грусть и тоска. Подойдя, она села на маснад. Молочный брат царевича сперва продолжал стоять, скрестив руки, потом с почтением, как требует вежливость, присел в стороне с краю ковра. Прочитав заупокойную молитву, он начал что-то говорить царевне. Я стал внимательно вслушиваться. Наконец, разобрал.

— Приветствую вас, госпожа мира,— говорил он.— Царевич страны Аджам, услышав о вашей красоте и очаровании, покинул свое государство, сделался факиром и, изнурившись, как Ибрагим Адхам*, вынеса страшные тяготы, прибыл сюда. Ради вас оставил он родной Балх* и в течение многих дней бродит по нашему городу, расстроенный и смущенный. В конце концов, вознамерившись умереть, он пошел следом за мной. Я пригрозил ему мечом, а он подставил мне шею и по-

клялся, что этого-то он и хочет. Одним словом, он любит вас без памяти. Я его хорошо испытал и вполне в нем уверен, только поэтому и осмелился упомянуть вам о нем. Если вы соизволите оказать ему благосклонность, как страннику, то это будет и добродетельно и справедливо.

— Где он? — изволила спросить царица, выслушав его донесение. — Если он царского рода, то в чем затруднение? Пусть предстанет передо мной.

Тут молочный брат царевича встал и подвел меня к ней. Увидев царицу вблизи, я так обрадовался, что лишился ума и рассудка и онемел — не было смелости произнести даже слово. Через мгновение царица удалилась, а юноша повел меня обратно.

— Я поведал госпоже о тебе все с начала до конца и представил тебя ей. Теперь ты можешь ходить к ней каждую ночь и вкушать наслаждения и радости, — сказал он, вернувшись домой.

Я упал к его ногам, а он обнял меня.

Целый день я провел, считая часы, — ждал, когда, наконец, станет темнеть, чтобы пойти туда. Едва наступила ночь, я распростился с хозяином, отправился в царский сад и уселся на террасе царицы, опершись на подушку.

Через час госпожа без свиты, с одной лишь служанкой, тихо-тихо пришла и села на маснад. От счастья, что наступил этот миг, я бросился лобызать ее ноги. Она подняла мою голову, прижала к своей груди и сказала:

— Сочти этот час благоприятным и слушай меня: увези меня куда-нибудь подальше отсюда.

— Идемте, — ответил я, и с этими словами мы вышли из сада. И тут от восторга и изумления я позабыл все на свете. Куда-то мы шли и шли, но пристанища себе нигде не находили. Царица встревожилась и взмолилась:

— Я уже устала. Где же твой дом? Идем скорее туда, а то что мы будем делать? Я изранила себе ноги и готова сесть прямо среди улицы.

— Дом моего слуги близко, сейчас мы придем. Будьте покойны, пройдите еще лишь немного,— солгал я в ответ, а в душе был крайне смущен: куда же я ее поведу? Тут попалась мне на глаза закрытая дверь. Быстро сбил я замок, и мы вошли внутрь. Там оказалось прекрасное помещение: повсюду разостланы ковры, на полках в порядке расставлены полные вина сосуды, а в кухне приготовлены лепешки и жаркое. Нас одолела усталость; мы выпили по чаше португальского вина и, закусив сладостями, всю ночь провели в блаженстве.

Когда наступил рассвет, в городе поднялся шум: «Царевна исчезла!» Во все кварталы и закоулки пошли глашатаи, крича об этом. Разослали сводниц и согляда-таев, чтобы задержать царевну, где бы она ни находилась. У всех городских ворот были выставлены караульные посты из царских слуг. Стража на дорогах получила приказ следить, чтобы даже муравей не выполз из города без разрешения. Всякому, кто принесет известие о царевне, была обещана награда в тысячу золотых и халат. Сводни забегали по городу и стали врываться во все дома подряд.

На свое несчастье, я забыл запереть дверь. Какая-то старуха, чертова тетка (да сделает Аллах лицо ее черным!), закутанная в покрывало и с четками в руках, увидела, что дверь открыта, и смело вошла. Представ перед царевной, она воздела руки и взмолилась:

— Да сохранит Аллах твое счастье! Да не поколеблется тюрбан супруга твоего! Я бедная нищая женщина. У меня есть дочь, она беременна и изнемогает в родовых муках. А у меня нет возможности сжечь в лампе хоть каплю масла, еды же и питья взять совсем неоткуда. Если она умрет, то на какие средства сделаю ей саван и могилу? А родится ребенок — что дам пови-тухе и чем накормлю роженицу? Вот уж два дня, как она ни крошки в рот не брала. О благородная госпожа! Удели нам хоть что-нибудь от своей доброты.

Проникнувшись состраданием, царевна подозвала ее к себе и дала ей четыре лепешки и кусок жареного мяса.

Потом сняла с мизинца кольцо и сказала:

— Продай его, купи все, что тебе нужно, и живи спокойно, а если понадобится еще что-нибудь, приходи как в свой дом.

Вполне преуспев в тайной цели, ради которой она и явилась, старуха, принося благодарности, радостно покинула дом. За порогом она бросила хлеб и мясо, а кольцо зажала в кулак, думая про себя: «Теперь господжа у меня в руках». Но, видно, бог захотел избавить нас от этой беды, потому что вдруг верхом на арабском коне подъехал сам хозяин дома — молодой воин с копьем в руках и антилопой, переброшенной через седло. Когда он увидел, что замок сбит, а дверь его дома открыта, и заметил выходящую сводню, он в гневе схватил ее за волосы и втащил обратно во двор. Связав ей ноги веревкой, он повесил ее на суку вниз головой. Несколько мгновений она трепетала и умерла. При виде этого человека я пришел в такой ужас, что у меня затряслись поджилки. Хозяин же, заметив наше смущение, успокоил нас.

— Вы поступили очень опрометчиво, — сказал он. — Сделали такое дело и оставили дверь открытой.

— Царевич сказал, что это дом его слуги, и ввел меня в заблуждение, — молвила с улыбкой царевна.

— Царевич не ошибся, — почтительно ответил он на это. — Все люди Аллаха суть слуги царей, от великодушия и щедрости которых зависят жизнь и благоденствие подданных. Я ваш покорнейший раб, но сейчас благоразумней всего хранить ваше происхождение в тайне. О царевич! То, что вы с царевной оказали внимание моему жалкому дому и изволили сюда пожаловать, принесло мне счастье обоих миров. Этим вы возвысили меня сверх всякой меры. Ради вас я готов пожертвовать всем и не пожалею ни жизни своей, ни имущества. Располагайтесь со всеми удобствами. Здесь вам не грозит никакая опасность. Если бы та сводня ушла целой, она принесла бы страшное несчастье. Но теперь оставайтесь, пока будет угодно вашей благородной

душе, а обо всем, что понадобится, извольте говорить мне — я все доставлю. Что царь! О вас здесь даже ангел не узнает.

Он долго говорил такие утешительные речи, и мы несколько успокоились.

— Превосходно! — сказал я ему. — Вы благородный человек. При первой возможности мы наградим вас за ваше великодушие. Как вас зовут?

— Имя вашего слуги — Бихзад-хан, — ответил он.

Одним словом, шесть месяцев он преданно служил нам, как обещал. В довольстве и полном покое мы провели это время. Но однажды вспомнилась мне отчизна и родители, и я сидел, погруженный в глубокие думы. Заметив печаль на моем лице, Бихзад-хан предстал передо мной, почтительно сложив руки.

— Если ваш покорный слуга позволил себе какое-нибудь упущение в услужении вам, извольте лишь указать, — обратился он ко мне.

— Ради бога! — воскликнул я. — Что это вы говорите? Вы с нами обходитесь так, что мы живем в этом городе столь же спокойно, как в утробе у матери. А ведь мы были в таком положении, что каждая былинка казалась нам врагом. Кто проявил бы к нам столько дружелюбия, чтобы дать хоть немного отдохнуть? Да окружит вас господь довольством! Вы редкостный человек.

— А если сердце у вас не лежит к этому месту, — сказал он тогда, — то я благополучно доставлю вас куда только прикажете.

— Я хотел бы попасть на родину и увидеть отца и мать, — отвечал я. — Ведь чего только со мной ни стряслось! А что могло с ними случиться за это время, знает один только бог. Цель, ради которой я покинул родную страну, мною достигнута. Пора бы мне теперь припасть к стопам моих родителей. Им ведь ничего обо мне не известно, они не знают, жив я или мертв. Какое беспокойство должно владеть их сердцами!

— Превосходно! Едемте! — вскричал Бихзад-хан.

Он тотчас же привел турецкого коня, способного пробежать зараз сотни косов, и кобылицу для госпожи, смирную, но быструю, как птица. Усадил нас обоих верхом, потом надел броню и кольчугу, вооружился и сам вскочил на коня.

— Я поеду вперед,— сказал он.— Вы же следуйте за мной, подгоняя коней.

Подскакав к городским воротам, он испустил громкий клич, сбил стрелою замок и угрожающе закричал страже:

— Эй, трусы! Подите к своему владыке и скажите ему: «Бихзад-хан открыто увозит царевну Михрнигар и царевича Камгара, вашего зятя. Если у вас найдется хоть капля мужества, выходите в поле и отнимите царевну, да не говорите потом, что я увез ее тайно; а нет, так сидите в крепости и наслаждайтесь покоем».

Эта весть быстро дошла до царя.

— Свяжите и приведите сюда всех трех подлых бунтовщиков,— повелел царь советнику и военачальнику,— или отрубите им головы и доставьте ко мне.

В мгновение ока явилось несчетное войско, от которого земля и небо окутались пылью. Бихзад-хан укрыл нас с царевной под аркой большого моста, равного по величине Джаунпурскому мосту*, а сам, подстегнув коня, помчался назад и, рыча, словно лев, ворвался в самую середину врагов. Бихзад-хан расколол их ряды, как брошенный камень пробивает рясу на стоячей воде, и, подскакав к предводителям, снес головы им обоим. Лишь только войско увидело, что начальники убиты, оно мигом рассеялось. Есть ведь пословица: без пастуха овцы — не стадо. Тут явился на помощь сам царь с целой армией латников. Храбрый юноша снова один смело принял бой и одержал полную победу. Царь обратился в бегство. Конечно, победа — дар божий, но все же Бихзад-хан проявил такую отвагу, какой вряд ли мог обладать даже Рустам.

Когда Бихзад-хан увидел, что поле битвы очистилось, и убедился, что не осталось никого, кто бы стал нас

преследовать, он, успокоившись, подъехал туда, где мы стояли с царевной, и отправился с нами дальше. Время в дороге летит быстро. Вскоре достигли мы границ моей страны. Написав отцу своему, падишаху, сообщение о нашем благополучном прибытии, я отправил вперед гонца.

Получив мое письмо, прибежище мира преисполнился радостью — словно иссохшие уста окропились водою. Горячо возблагодарил он Аллаха и, взяв с собой всех эмиров, отправился мне навстречу. Достигнув реки, все остановились, и начальнику флота был дан приказ приготовить суда для переправы. Когда я увидел шахскую свиту, стоящую на другом берегу, меня охватило такое нетерпение упасть поскорее в ноги отцу, что я погнал коня в воду и, переплыв реку, предстал перед ним. Отец с любовью заключил меня в свои объятия.

Тут-то и случилось еще одно неожиданное несчастье. Видно, мой конь был жеребенком от той кобылицы, на которой сидела царевна, — поэтому, или просто слушая голос инстинкта, та лошадь, глядя на моего скакуна, поспешно бросилась в реку следом за нами и поплыла, унося с собой госпожу. Царевна в страхе натянула поводья, а у кобылицы были нежные губы, и она перевернулась. Вместе с ней ушла под воду и царевна. Больше они не показывались. Бихзад-хан, видя такое дело, кинулся на коне в реку, чтобы помочь царевне, но сам тоже попал в водоворот и не смог из него выбраться; сильно бил он по воде руками и ногами, но все напрасно — утонул и он.

Увидев такую беду, прибежище мира велел принести и закинуть огромную сеть. Лодочникам и водолазам было приказано обыскать всю реку. Поднимали землю со дна, но тех двоих и следа не нашли.

О факиры! Это происшествие было так ужасно, что я почти лишился рассудка и, обратившись в факира, бродил, как безумный, непрестанно твердя: «Таков уж, глаза, ваш удел: видели радости, посмотрите и горести». Если бы царевна просто исчезла или умерла, то сердце

могло бы на чем-нибудь успокоиться: надо было бы или искать, или терпеть. Но раз она ушла под воду у меня на глазах и там бесследно пропала, мне ничего не оставалось делать. Наконец я решил: утоплюсь-ка и я — может быть, найду любимую после смерти.

Однажды ночью пришел я к той же реке и, собираясь исполнить намерение, зашел в воду по горло. Только хотел ступить еще дальше и погрузиться уже с головой, как вдруг появился всадник в плаще, тот самый, который принес вам хорошие вести. Он схватил меня за руку и произнес слова утешения:

— Не отчаивайся. Госпожа и Бихзад-хан живы. Зачем тебе несправедливо губить свою душу? В мире может стрястись и такое, но не смей сомневаться в милости божьей. Если останешься жив, то не сегодня, так завтра встретишься с ними обоими. Теперь отправляйся в Рум. Два других дервиша, как и ты раненные в сердце, уже на пути туда. Когда ты встретишься с ними, ты достигнешь желанного.

О факиры! Явившись сюда по приказу того, кто освещает нам путь, я предстал перед вашим благородным собранием. Надеюсь, теперь каждый из нас обретет то, что ищет.

Вот моя история. Я поведал ее вам полностью и целиком.

Ч

ЕТВЕРТЫЙ дервиш, весь в слезах, начал историю своих похождений такими словами:

Путь мой печальный окончится вскоре,
слушайте,
Был я с рожденья с удачею в ссоре,
слушайте,
Я расскажу, почему одинок и несчастен я,
Все расскажу о страданиях и горе,
слушайте.

О вы, наставники в вере! Соизвольте уделить мне немного внимания. Факир, который, как вы видите, попал в столь печальное положение,— сын падишаха Чина. Я был взлелеян в ласке и неге, получил хорошее воспитание и совсем не был знаком с превратностями судьбы,— мне казалось, что всегда будет так продолжаться. Как раз в эту беззаботную пору случи-

лось несчастье — покинул сей мир покровитель людей, мой родитель. В смертный час он позвал к себе младшего брата — моего дядю.

— Я намерен отправиться в дальний путь и оставить власть и богатство, а ты исполни мое завещание и соверши дело старшего. Пока царевич — владыка трона и венца — повзрослеет, наберется ума и осмотрится в своем доме, возьми его под свою опеку и не допускай до упадка войско и подданных. Когда же он станет взрослым, тебе надлежит, наставив его хорошенько, передать ему трон и, женив его на Рошан Ахтар — твоей дочери, самому устраниться от власти. Так царство укрепитя за моим родом и не понесет ущерба.

С этими словами он вручил свою душу богу. Дядя стал падишахом и принялся править страной. Мне он приказал жить на женской половине и не выходить оттуда, пока не вырасту. До четырнадцати лет я воспитывался среди шахских жен и служанок, там я играл и резвился. Весть о предстоящей женитьбе на дядиной дочери обрадовала меня; в надежде на это я жил без-

заботно и говорил про себя: «Теперь скоро мне и царство достанется и свадьба сыграна будет». Мир ведь держится на надежде.

У покойного отца был слуга-эфиоп по имени Мубарак, умный и преданный человек, который пользовался его большим доверием. Я нередко приходил к нему; он тоже любил меня и, видя мое возбуждение, радовался вместе со мной.

— Хвала Аллаху, царевич! — говорил он. — Вы теперь стали юношей. Если соизволит всевышний, ваш дядя скоро последует завету покойного падишаха, тени всевышнего, и вручит вам свою дочь и трон вашего отца.

Однажды какая-то подлая служанка ни за что ни про что так шлепнула меня по щеке, что на ней отпечатались все пять ее пальцев. С плачем я побежал к Мубарaku. Он обнял меня, утер рукавом мои слезы и сказал:

— Пойдемте, сегодня я сведу вас к падишаху. Может быть, увидев вас, он смилуется, сочтет вас достойным и вручит вам ваши права.

И он повел меня на прием к дяде. Дядя встретил нас в собрании придворных приветливо.

— Чем вы озабочены и почему сегодня пришли сюда? — спросил он.

— Мы пришли кое о чем доложить, — ответил ему Мубарак.

На это дядя сам вдруг сказал:

— Пора бы уж женить молодого царевича.

— Прекрасно, — только и вымолвил Мубарак.

Тотчас же дядя велел позвать звездочетов и предсказателей.

— Какой месяц, день и час в этом году благоприятны для совершения свадьбы? — спросил он у них с тайным умыслом.

Догадавшись о его настоящем желании, они подсчитали и доложили:

— О покровитель мира! Весь этот год несчастливый. Ни один день ни одного месяца не годится для

свадьбы. Если же нынешний год пройдет благополучно, то следующий окажется лучше для доброго дела.

— Отведи царевича во дворец,— обратился падишах к Мубарак.— Даст бог, по прошествии этого года я вручу ему то, что принадлежит ему по праву. Пусть будет покоен и учится.

Мубарак поклонился и увел меня с собой во дворец. Дня два-три спустя я пришел к нему. При виде меня он прослезился.

— Что случилось, дядюшка? — спросил я в беспокойстве.— Почему ты плачешь?

— Зачем я тогда свел тебя к этому жестокому человеку? — ответил мой доброжелатель, любивший меня душою и сердцем.— Знал бы я, так ни за что б не повел.

— Что же было плохого в том, что мы сходили к нему? — совсем взволновался я.— Скажи мне всю правду!

— Все эмиры, везиры и столпы государства от мала и до велика, оставшиеся еще со времен отца вашего,— сказал он,— очень обрадовались, когда увидели вас, и принялись благодарить бога. «Наконец-то наследник нашего владыки вырос и стал достоин власти,— говорили они меж собой.— Близок день, когда она достанется тому, кому принадлежит по праву. Тогда он признает наши заслуги и оценит нашу долгую службу». Известие об этих разговорах достигло ушей вашего бесчестного дяди — и словно змея вползла в его грудь. Он позвал меня к себе в покои и повелевал: «Мубарак! Придумай какой-нибудь способ уничтожить царевича; сними с моего сердца страх перед ним и успокой мою душу». С тех пор я в постоянной тревоге — ведь ваш дядя стал вам смертельным врагом.

Лишь только услышал я эту горькую весть, смертный холод сковал мою душу. В страхе за жизнь бросился я к ногам Мубарака.

— Я откажусь от царства, только спаси меня как-нибудь ради бога!

— Не бойтесь, опасности нет,— ответил верный слуга, прижав к груди мою голову.— Есть у меня один план: если он удастся, то беспокоиться не о чем. Пока вы живы, ничто не потеряно. Думаю, что нам удастся и спасти вашу жизнь и преуспеть в достижении цели.

Обнадежив меня таким образом, он пошел со мной в покои, где сживал и почивал мой усопший родитель. Там стоял шахский трон. Мубарак взял его с одной стороны, а мне велел взяться с другой; общими силами мы сдвинули его с места. Потом он поднял ковер и принялся копать землю. Вдруг показался люк, запертый цепью с замком. Мубарак позвал меня. Я было решил про себя, что он выкопал эту яму, чтобы убить меня и зарыть в ней. Смерть встала перед очами; но я все же подошел, шепча потихоньку молитву. Гляжу, а за дверцей помещение из четырех комнат; в каждой из них раскачиваются на золотых цепях по десять больших кувшинов; горлышко каждого покрыто золотым слитком, и на них сидят искусственные обезьянки, усыпанные самоцветами. Во всех четырех залах я насчитал тридцать девять таких сосудов и еще один, набитый до самого горла золотыми монетами, только на нем не было ни обезьянки, ни слитка. Увидел я и целый бассейн, полный драгоценных камней.

— Дядюшка! — обратился я к Мубараку.— Что это за чудо? Чей это дом и зачем все это?

— История обезьянок, которых вы видите,— отвечал он,— такова. Ваш отец с молодых лет повел дружбу и стал постоянно встречаться с Маликом Садыком — падишахом джиннов. Раз в год он отвозил ему в подарок благовония и разные диковинки из нашей страны и проводил у него в гостях около месяца. На прощание Малик Садык давал ему изумрудную обезьянку, и падишах прятал ее в этот погреб. Никто, кроме меня, об этом не знал. Однажды я осмелился спросить: «Защитник мира! Какая польза в том, что вы приносите дары на сотни тысяч рупий, а взамен получаете безжизненную обезьянку из камня?» Он улыбнулся и изволил отве-

тить: «Смотри, не проговорись никому. Каждой из этих обезьянок, которых ты видишь, подчинены и послушны по тысяче дэвов. Но пока у меня не соберутся сорок таких обезьян, воспользоваться ими нельзя — они ни к чему не пригодны». И не хватало уже только одной обезьянки, как падишах скончался. Такие труды не принесли пользы! Плоды их пожать не удалось! О царевич! При виде вашей беспомощности все это пришло мне на память, и я решил каким бы то ни было способом доставить вас к Малику Садыку и рассказать ему о злодействе вашего дяди. Может быть, он, помня о своей дружбе с вашим отцом, подарит вам недостающую обезьянку, и тогда вы с помощью всех сорока вернете себе государство и спокойно станете править страной. Во всяком случае это спасет вашу жизнь, если даже не даст ничего больше. Другого способа вырваться из рук нашего притеснителя я не вижу.

— Дядюшка! — сказал я ему тогда. — Ты теперь волен в моей жизни и смерти; что сочтешь за лучшее, то и делай.

И Мубарак, успокоив меня, отправился на базар покупать духи, благовония и все, что уместно было бы взять с собой в подарок. На следующий день он пришел к моему жестокому дяде — этому нынешнему Абу-Джахлю *.

— Хранитель мира! Я придумал способ, как устранить царевича. Если прикажете, я вам доложу.

— Какой способ? — обрадовался тот негодяй.

— Если умертвить его во дворце, то это может покрыть вас позором. Лучше я отведу его куда-нибудь в лес, там с ним покончу, зарюю труп и вернусь. Никто никогда не узнает, что произошло.

— Превосходно! — воскликнул дядя, выслушав план Мубарака. — Я хочу только того, чтобы он не оставался в добром здравии. Мысль о нем тревожит мою душу. Если ты избавишь меня от моих опасений, я щедро награжу тебя за твою службу. Веди его, убей где угодно, только скорей принеси мне эту радостную весть.

Усыпив таким путем подозрения падишаха, Мубарак взял меня, забрал все подарки, и среди ночи мы вышли из города и направились к северу. Шли мы целый месяц. Раз ночью в пути Мубарак обратился ко мне:

— Благодарение богу, теперь мы достигли желанного места.

— Дядюшка! Что ты говоришь? — удивился я.

— Разве вы не видите войска джиннов?

— Мне не видно никого, кроме тебя, — отвечал я.

Мубарак достал коробочку с сурьмой Соломона и тонкой палочкой нанес мне сурьму на глаза. Тотчас же зрению моему стали доступны войсковые шатры и палатки и сами джинны. Все они были красивы лицом и превосходно одеты. Каждый узнавал Мубарака; по старой дружбе они с ним обнимались и шутили.

Вскоре мы дошли до шахской резиденции и вступили во дворец. Гляжу: повсюду сияют огни; в два ряда расположены всяческие сиденья, а на них сидят ученые мудрецы, дервиши, эмиры, везиры, придворные и советники. Телохранители, стража и разные слуги стоят, сложив руки, а в центре — усыпанный самоцветами трон. На нем, облокотясь на подушки, величественно восседает Малик Садык в жемчужном венце и в мантии.

Я подошел и поклонился. Он милостиво велел мне садиться, потом пригласил к столу. Когда покончили с едой и убрали дастархан, Малик Садык обратился к Мубараку и стал расспрашивать обо мне.

— Теперь вместо его отца правит дядя, который стал его смертельным врагом, — сказал Мубарак. — Поэтому я бежал с ним оттуда и привел его к вам. Он сирота, и царство принадлежит ему по праву, но без покровителя он ничего не может добиться. Я пришел искать у вас защиты для этого обиженного. Вспомните заслуги его отца и помогите: пожалуйста ему последнюю обезьянку, чтобы были все сорок и чтобы он, вернув свои права, мог вечно молиться за вас. Ему не на что больше надеяться, кроме как на вашу защиту.

— Действительно, заслуги покойного падишаха и в службе и в дружбе немалы,— ответил на это Малик Садык, поразмыслив.— И раз этот несчастный с опустошенной душой оставил наследственное царство и для спасения собственной жизни прибег к нашей помощи и защите, я сделаю для него все, что в моей власти, и не остановлюсь ни перед чем. Но и у меня тоже есть одно дело. Если он сможет выполнить его до конца, не позволив себе вероломства, и тем полностью выдержит испытание, то я обещаю обойтись с ним еще лучше, чем с его отцом, и дам ему все, что он пожелает.

— Я ваш покорный слуга,— почтительно ответил я, сложив руки.— Я с радостью выполняю все, чем смогу служить падишаху, сделаю все хорошо, честно и добросовестно и сочту это для себя за счастье в земной и будущей жизни.

— Ты еще мальчик, поэтому снова тебе повторяю: смотри не соверши вероломства и не подвергнись несчастьям!

— Благодаря вашей счастливой судьбе всевышний облегчит мне это дело,— сказал я.— Я приложу все усилия и доставлю вам то, что вы мне доверите.

Тогда Малик Садык подозвал меня, вынул из памятной книжки листок и показал его мне.

— Ищи, где хочешь, ту, чье лицо изображено здесь; найди и приведи ее ко мне,— велел он.— И когда ты нападешь на ее след и увидишь ее, вырази ей мою бескрайнюю любовь. Если ты сослужишь мне эту службу, ты получишь за нее больше, чем можешь пожелать. Но если нет, тогда — что посеешь, то и пожнешь.

Взглянув на этот листок, я увидел такое прекрасное лицо, что в голове у меня помутилось, но из страха я сдерживал себя, хоть и с трудом.

— Прекрасно. Я отправляюсь. Если бог мне поможет, я исполню все, как велит господин,— с этими словами я вместе с Мубараком направился в лес. Долго скитались мы из деревни в деревню, из села в село, из города в город, из страны в страну и всех встречных

расспрашивали о той, чей портрет дал нам падишах. Но никто не сказал нам, что знает ее или где-нибудь слышал о ней.

Проведя семь лет в таких странствиях, претерпев всяческие лишения и беспокойства, мы прибыли в один город. В нем были красивые и удобные здания, но все его жители повторяли величайшее имя Аллаха и твердили молитвы, стремясь оградить себя от злых сил. На глаза мне попался слепой нищий из Хиндустана. Он просил милостыню, но никто не давал ему ни полushки, ни даже крошки хлеба. Я удивился, и мне стало жаль его. Вынув из кармана золотую монету, я положил ее ему в руку.

— О податель! — молвил он, взяв монету. — Пошли бог тебе счастье. Видно, ты здесь проезжий, а не житель этого города.

— Верно! Уже семь лет, как я пустился странствовать и погубил свою жизнь. До сих пор мне никак не найти даже следа того, ради чего я отправился в путь. В этот город я пришел лишь сегодня.

Старик благословил меня и пошел, а я двинулся следом за ним. За городом показалось красивое здание. Он вошел в него, и я тоже. Смотрю, стены кое-где уже поосыпались, но оставлены без починки. «Этот дворец достоин царей, — подумал я. — Если бы только привести его в порядок, какой это был бы замечательный дом! А во что он теперь превратился! Кто знает, каким образом он пришел в запустение и почему живет здесь этот слепец!» Старик между тем, опираясь на палку, пробирался все дальше, как вдруг послышался голос.

— Батюшка! — произнес кто-то. — Все ли в порядке? Почему ты сегодня вернулся так рано?

— Дочка! — ответил старик. — Господь послал нам доброго путника, который сжалился надо мной. Он дал мне золотой. Много дней не было у нас хорошей еды, поэтому я купил мяса, пряностей, масла, муки и соли да еще прихватил материи для тебя. Разрежь ее, сшей, оденься * и иди готовить обед. Мы поедем и помолимся

за этого щедрого человека. Хоть мы и не знаем, к чему он стремится, но всевышний ведаёт все и все видит, он примет молитву от нас, обездоленных.

Когда я услышал исповедь его нищеты, то решил дать ему ещё двадцать золотых. Но только повернулся я туда, откуда слышался голос, как увидел женщину — точь-в-точь тот портрет. Вынув рисунок, я сравнил его ещё раз и не заметил разницы ни на волос. Тяжкий вздох вырвался у меня из самого сердца, и я упал без сознания. Мубарак подхватил меня, усадил и стал обмахивать веером. Придя в себя, я снова устался на нее, так что Мубарак даже спросил:

— Что с вами случилось?

Но я был не в силах вымолвить ни слова.

— Юноша! — сказала тут красавица. — Побойся бога и не гляди на незнакомую женщину. Всем надлежит помнить стыд.

Она повела речь с таким достоинством, что ее манеры покорили меня не меньше, чем внешность. Мубарак всячески хлопотал вокруг меня, но откуда ему было знать состояние моего сердца.

— О слуги божьи, жители этого дома! — вскричал я, не помня себя. — Я бедный путник. Если бы вы пустили меня и дали место для отдыха, это было бы великое дело.

Слепой подозвал меня. Узнав мой голос, он обнял меня и подвел туда, где сидела красавица, подобная розе. Сама же она спряталась в угол.

— Расскажи о себе, — попросил он. — Почему бросил ты дом и бродишь один? Чего ты ищешь?

Я не стал поминать имени Малика Садыка и не сказал ни о чем, что касалось его.

— Я, бездомный, — царевич Чипа и Мачина, — так принялся я рассказывать. — Отец мой — падишах этих стран. У одного купца я купил за сотни тысяч рупий этот портрет. Глядя на него, я лишился покоя и, приняв облик факира, пустился странствовать по всему свету. Здесь я нашел то, что искал. Теперь ваша воля.

— Друг мой! — ответил слепой со вздохом. — Моей дочерью владеет тяжкий рок. Ни один смертный не может жениться на ней и обрести плоды брачной жизни.

— Надеюсь, вы объясните мне поподробнее, — просил я.

— Слушай, царевич! — начал старик историю своих злоключений. — Я один из благородных вельмож этого злосчастливого города. Мои предки были славны и знатны. Всевышний даровал мне эту дочку. Когда она выросла, пошла молва о ее красоте, изяществе и хороших манерах и по всей стране стало известно, что у такого-то в доме есть девушка, прелестью своей посрамившая самих гурий и пери; что и говорить о человеческом лице, которое могло бы с нею сравниться! Хвалу ей услышал наш царевич и, еще не видя ее, страстно влюбился: он совсем перестал есть и пить и от слабости не мог держаться на ногах.

Толки об этом дошли до самого падишаха. Однажды ночью он вызвал меня к себе в покои, все рассказал с глазу на глаз и уговаривал до тех пор, пока я не согласился на брак. Я сам понимал, раз в доме есть дочь, надо ведь выдать ее за кого-то. «Так что же может быть лучше, как отдать ее за царевича? — думал я. — Этим и падишаху окажу одолжение». Я согласился и ушел. С того же дня с обеих сторон начались приготовления к свадьбе. Наконец, в счастливый час собрались все кази, писцы, ученые мужи и знатные люди, был совершен брачный обряд, назначена доля жены*, и невесту торжественно увели. Когда окончились все церемонии, новобрачные остались одни и молодой муж вознамерился лечь спать с женою, в их покоях поднялся такой страшный шум, что люди, стоявшие снаружи на страже, переполошились. Хотели открыть двери комнат и посмотреть в чем дело, но они были так крепко заперты, что никаким усилиям не поддались. Тем временем шум

утих. Дверь сняли с петель и, войдя в комнату, увидели страшное зрелище: обезглавленное тело жениха еще трепещет, а невеста лежит на земле без сознания с пеной на губах, вся в пыли и крови.

При виде этой ужасной картины все оцепенели; общая радость сменилась печалью. Донесли падишаху, собрались все столпы власти, но никто не был в силах понять, что произошло. Тогда падишах, вне себя от горя, велел: «Отрубите голову злополучной невесте». Лишь только эти слова слетели с его уст, вновь поднялся тот же страшный шум. Падишах испугался и убежал, спасая свою жизнь; напоследок он приказал выгнать мою дочь из дворца. Служанки доставили девушку ко мне. Слух об этом несчастье пошел по всему миру, и всякий, кто узнавал о нем, содрогался. А из-за смерти царевича сам падишах и все жители города стали моими врагами.

Когда окончились сорок дней всеобщего траура, падишах обратился к столпам государства за советом, что делать дальше. «Дела уже не поправишь,— отвечали они,— но, чтобы хоть как-то облегчить свое сердце, вам надо казнить девушку вместе с отцом и забрать все их имущество». Исполнить приговор было приказано начальнику городской стражи. Но, едва он окружил мой дом со всех сторон своими людьми и затрубил у ворот, намереваясь ворваться внутрь, чтобы покончить с нами, как невеста откуда полетел такой дождь камней, что его войско не устояло. Прикрывая головы, все разбежались куда глаза глядят, а в это время падишах у себя во дворце собственными ушами услышал страшный голос: «Что за дурь нашла на тебя? Какой бес тобой овладел? Если хочешь добра, не мешайся в судьбу этой красавицы! А то за вражду с ней ты сам увидишь то же, что видел твой сын в день своей свадьбы. Если ты станешь ее преследовать, будешь наказан».

От ужаса падишах задрожал. Он тотчас велел, чтобы нас больше не трогали, не говорили с нами, а оставили жить в этом доме и не притесняли. С того дня чародеи

стараятся рассеять это колдовство молитвами, амулетами и заклинаниями, и все жители города без устали твердят величайшее имя Аллаха и читают священный Коран. Тянется это уже долгое время, но до сих пор все по-прежнему окутано тайной, и я сам ничего понять не могу. Раз я все-таки спросил у дочери, что она видела. «Я ничего не знаю,— отвечала она.— Мне показалось, что в тот миг, когда муж мой ложился в постель, потолок разверзся и в комнату сверху явился усыпанный самоцветами трон. На нем сидел прекрасный юноша в шахской одежде, и вокруг прислуживала ему масса людей. Они были готовы убить моего мужа, а сам их глава подошел ко мне со словами: „Ну что, любимая? Куда ты теперь убежишь от меня?..“ У них был облик людей, но я видела их козлиные ноги... Сердце мое затрепетало, я от страха лишилась чувств и ничего больше не помню».

С тех пор нам пришлось жить одним в этом разрушенном доме. Все друзья покинули нас, опасаясь шахского гнева, и, когда я выхожу просить милостыню, никто не дает ни гроша, мне не велят даже стоять около лавок. У бедной девочки нет тряпки на теле, ей голову нечем накрыть; и давно уже мы не ели досыта. Я молю бога о том, чтобы он послал нам смерть. Пусть бы нас поглотила земля, только бы кончились эти мучения. Чем жить так, лучше умереть. Верно, всевышний привел тебя нам на помощь, раз ты, сжалившись, подал мне золотой: я вкусно поел, купил платье для дочери, вознес хвалу богу и помолился за тебя. Если бы дочкой моей не владели злые чары джиннов и пери, я отдал бы ее тебе вместо рабыни и счел бы это за счастье. Вот вся моя история. Не думай о моей дочери и откажись от своих намерений.

Выслушав этот рассказ, я стал его умолять, чтобы он взял меня к себе зятем,— пусть свершится со мной, что мне суждено. Старик никак не хотел согласиться.

С наступлением вечера я распрощался и ушел в караван-сарай.

— Чудесно, царевич! Все превосходно, — сказал мне там Мубарак. — Аллах сделал все, как надлежит. Наконец-то наш труд не пропал даром.

— Сколько я его сегодня ни уговаривал, бесовестный слепой не соглашается, — отвечал я огорченно. — Бог знает, отдаст он ее или нет.

Я был в таком состоянии, что с трудом протянул ночь: все ждал, когда же наступит утро и я снова пойду к ним. Между тем мне приходило на ум, что если отец ее сжалится и согласится, то Мубарак отвезет ее к Садыку. «Пусть только попадет она ко мне в руки, — думал я, — а там я уговорю Мубарака и сам буду с ней наслаждаться». Потом страх охватил душу: что, если Мубарак согласится? Не постигнет ли и меня та же участь, какая досталась царевичу? А если нет — как посмотрит здешний падишах на то, что сын его был убит, а счастье досталось другому?

Всю ночь я не мог сомкнуть глаз; мысли о ней не оставляли меня. Лишь только засиял день, я поднялся, накупил на базаре самых лучших тканей на платье, тесьмы для отделки и фруктов, сушеных и свежих, и отправился к старику. Он радостно приветствовал меня.

— Всякому дороже всего своя жизнь, — сказал он. — Но, если бы сама моя жизнь могла быть полезна тебе, я не пожалел бы ее. Я бы сейчас же вручил тебе свою дочь, но боюсь, как бы не подвергнуть тебя смертельной опасности — это легло бы проклятием на мою душу до самого судного дня.

— Я оказался здесь без поддержки. Вы — мой отец и наставник в вере и в жизни, — отвечал я. — Подумайте, сколько времени горю я желанием, сколько тягот и расстройств я перенес, каких только не претерпел несчастий, пока добрался сюда. Наконец-то я нашел след желанной, да и вас умилил всевышний, раз вы готовы отдать ее замуж; только страх за меня заставляет вас колебаться. Посудите же сами вполне беспристрастно,

есть ли такая вера на свете, что велела бы прятать голову от меча любви и хранить жизнь от опасностей страсти? Будь что будет! Так или иначе я уже погубил себя. Соединение с любимой я почту за спасение, а буду ли жив или погибну — мне все равно. Больше того, если желание мое не исполнится, то в тоске я умру раньше смертного часа и в судный день призову вас к ответу.

В таких спорах и пререканиях со стариком я провел почти целый месяц, бросаясь от надежды к отчаянию. Каждый день я являлся к слепому и любезными речами старался сломить его упрямство. Вдруг он занемог, и я неотрывно ухаживал за ним: бегал показывать мочу лекарям, составлял по рецептам лекарства и поил его ими, собственными руками готовил ему отвары и легкую пищу и кормил его сам.

— Юноша! — сказал он однажды растроганно. — Ты очень настойчив. Хотя я и поведал тебе о грозящих несчастьях, хоть и велел отказаться от мысли о моей дочери, — ведь пока есть у нас жизнь, мы все имеем, — ты против моей воли сам толкаешь себя в яму. Хорошо, сегодня я поговорю о тебе с дочкой; посмотрим, что она скажет.

О факиры Аллаха! Я так расцвел от этой радостной вести, что не чувствовал ног под собой.

— Наконец-то подумали вы о моей жизни, — сказал я с почтительным поклоном и удалился.

Придя домой, я всю ночь напролет проговорил с Мубараком. Куда девались и сон и голод! Утром с первыми лучами солнца я снова предстал перед стариком. Поздоровался.

— Вот, — произнес он, — я отдаю тебе свою дочь. Благослови вас всевышний. Вручаю вас обоих ему под защиту. Пока во мне еще теплится жизнь, оставайтесь при мне; когда же очи мои закроются, делайте что захотите, — воля ваша.

Через несколько дней этот почтенный человек вручил свою душу богу. В горе исцарапав себе все лицо, я

совершил погребальный обряд. После похорон Мубарак на носилках доставил красавицу в караван-сарай.

— Ее доверил нам Малик Садык,— сказал он, обращаясь ко мне.— Смотрите! Не позволяйте себе вероломства, чтобы не пустить на ветер все наши труды и усилия.

— Друг мой! — ответил я.— Где тут Малик Садык? Сердце не слушается меня. Как мне терпеть? Будь что будет, сохраню жизнь или погибну, но сейчас уж вкушу наслаждения.

— Не ребячьтесь! — пригрозил Мубарак, рассердившись.— Все может вмиг измениться. Думаете, что Малик Садык далеко, так можно его и не слушаться? Ведь, когда мы отправлялись, он сразу предупредил о лучшем и худшем исходе. Если послушаетесь его слов и доставите ее в неприкосновенности, то он, может быть, оценит ваши старания и дарует ее вам. Это будет действительно хорошо: вы обретете любовь, но сохраните и дружбу.

Внимая его угрозам и наставлениям, я взволновался и замолчал.

Мы купили двух верховых верблюдов и, взобравшись на них, направились в государство Малика Садыка. Ехали долго, и вот как-то в поле послышались шум и голоса.

— Благодарение богу,— произнес Мубарак.— Труды наши кончились благополучно — это прибыло войско джинов.

И, вмешавшись в их толпу, он спросил:

— Куда вы направляетесь?

— Падишах выслал нас вам навстречу,— отвечали они.— Теперь мы подчиняемся вам; если прикажете, мы вмиг вас доставим.

— Посмотрите,— сказал Мубарак,— как отличил нас господь перед лицом падишаха после стольких усилий. К чему теперь торопиться? Если, не дай бог, что случится, все наши труды пойдут прахом, и мы подвергнемся гневу хранителя мира.

— Ваша воля,— согласились все в один голос.—
Поезжайте, как вам угодно.

И хотя мы были окружены всеми удобствами, но ехали и днем и ночью. Когда мы были уже совсем близко к цели, я, видя, что Мубарак заснул, пал головой в ноги красавице и со слезами и плачем поведал ей о своей сердечной тоске и о том, как я беспомощен перед Маликом Садыком.

— С того дня, как я увидел ваш портрет, я запретил себе сон, еду и покой. Наконец, Аллах дал мне встретиться с вами, но и то я остаюсь вам чужим.

— Мое сердце тоже питает к вам склонность,— отвечала она.— Чего только не сделали вы для нас и сколько перенесли трудностей! Помните бога и не забывайте меня; посмотрим, что покажется нам из-за завесы таинственного.

При этом она зарыдала. Вот в каком состоянии были мы оба! Тут проснулся Мубарак и, увидев нас, разлученных, в слезах, принялся и сам плакать.

— Утешьтесь,— сказал он немного погодя.— У меня есть одна мазь; я намажу ею тело этой прекрасной розы, и от ее запаха Малику Садыку станет противно. Скорей всего тогда он отдаст девушку вам.

План Мубарака наполнил мое сердце бодростью.

— Дядюшка! — принялся я обнимать его и ласкать.— Ты мне вместо отца. Ты раз уже спас мою жизнь; подари ее мне опять, не то я умру от тоски.

Он долго меня утешал. Когда же воссиял день, снова раздались голоса джиннов. Гляжу, приближаются прислужники Малика Садыка и несут нам два почетных халата до пят и паланкин с жемчужным шитьем. Мубарак намазал красавицу своей мазью, одел ее, убрал и отправил к Малику Садыку. Тот встретил нас очень приветливо и усадил с превеликим почетом.

— Я обойдусь с тобой так, как не поступал ни с кем до сих пор,— милостиво изрек он.— Царство отца открыто тебе. Кроме того, ты отныне будешь мне сыном.

Меж тем как он говорил мне эти любезные речи, перед ним предстала наша красавица. От запаха мази у него в голове помутилось, и настроение сразу испортилось. Не в силах вынести это зловоние, он поднялся, вышел и потребовал привести нас обоих к себе.

— Что, почтенный! — обратился он к Мубараку. — Хорошо же ты исполнил условие! Я ведь предупреждал: не пытайтесь обманывать — попадете в немилость. Что это за вонь? Увидите, что я теперь с вами сделаю!

Потом он грозно обернулся ко мне.

— Это твоих рук дело! — закричал он и в ярости принялся сыпать бранью. Из его слов можно было понять, что он хочет тотчас лишиться меня жизни. Когда выражение его лица подтвердило мои опасения, я совершенно отчаялся; не заботясь больше о себе, я сорвал меч с пояса у Мубарака и вонзил его в брюхо Малику Садыку. Лишь только металл коснулся его тела, он наклонился и зашатался. Я удивился, не умер ли он, но сразу решил, что рана не может быть столь опасной; так что же случилось? В изумлении я стоял и смотрел, как он, покатавшись по земле, превратился в шар и полетел к небесам. Он поднялся так высоко, что совершенно исчез из виду; через миг он обрушился вниз с грохотом грома и, крича в гнев что-то бессмысленное, нанес мне такой удар, что я плашмя упал без сознания и погрузился в небытие. Бог знает, сколько времени пролежал я без чувств. Когда же, наконец, глаза мои открылись, я увидел себя в диком лесу, где не было ничего, кроме колючих кустов и деревьев. Ум отказался служить мне, и я не знал, куда идти, что предпринять! В отчаянии, вздохнув, пустился куда глаза глядят. Когда попался мне навстречу человек, я спрашивал про Малика Садыка, но все глядели на меня, как на безумного, и отвечали, что даже имени такого они не слыхали.

Однажды поднялся я на гору и тоже хотел покончить с собой, бросившись вниз. Только я решился упасть, как явился тот же всадник в плаще с мечом Зульфикар*.

— Зачем губишь ты свою жизнь? — сказал он.— С человеком случаются всякие беды. Твои тяжкие дни миновали, наступают дни светлые. Скорей иди в страну Рум. Три человека, таких же как ты, уже пошли туда. Встреться с ними и найди падишаха, который там правит. Все впятером вы найдете свое счастье в одном месте.

Вот история моих походов. Наконец-то по совету устранителя наших тягот я попал в ваше общество и предстал перед очами падишаха, тени всевышнего. Теперь все мы должны получить утешение.

АК ШЛА беседа между четырьмя дервишами и падишахом, как вдруг из шахского гарема прибежал евнух, бросился к падишаху с почтительными приветствиями и доложил, что родился царевич, красотой которого посрамлены и солнце и луна.

— Не видно было, чтобы какая-нибудь из моих жен ожидала детей,— сказал падишах в изумлении, и желая узнать, чье чрево подарило ему наследника, спросил:

— Из какого же созвездия явилось это прекрасное солнце?

— Есть одна луноликая наложница, которая уже много дней как чем-то прогневала падишаха,— смиренно сообщил евнух.— Она с тех пор ютилась в стороне от всех по углам, и, боясь шахского гнева, никто к ней не

приближался и не расспрашивал. На нее-то и снизошла милость Аллаха: из ее чрева явился мальчик прекрасный, словно луна.

Падишаха охватила такая радость, что он чуть не умер от счастья.

— Превосходно, о покровитель! — принялись благословлять его все четыре факира. — Да не пресечется процветание твоего дома! Да снизойдет благополучие на твоего сына, и пусть вырастет и состарится он под твоею опекой!

— Это случилось благодаря вашему появлению здесь — ведь я уже не мечтал о таком счастье. Если позволите, я пойду поглядеть на него, — отвечал падишах.

— Во имя Аллаха, идите, — ответили дервиши.

Падишах сам пожаловал на женскую половину, взял царевича на руки и принес благодарность творцу. Тоска оставила его сердце. Он прижал ребенка к груди, вынес его и положил к стопам дервишей. Они благословили дитя и отвратили от него злые силы. Затем падишах ве-

дел готовиться к празднеству: заиграла музыка, отверзлись двери казны, бедняки, искавшие грош, стали владельцами тысяч, все столпы государства получили удвоенные поместья и должности, войску выдали пятилетнее жалованье, ученым шейхам пожаловали пенсии и земли, миски и чашки бедняков и нищих наполнились кашей из золота и серебра, а народу простили налоги и подати на три года вперед — каждый мог растить или сеять что ему вздумается и оставлять себе весь урожай целиком, а не половину.

По всему городу, в домах у военных и у торговых людей, начались веселые пляски; на радостях и малые и великие чувствовали себя падишахами. Внезапно в разгар торжества в гареме раздались причитанье и плач. Осыпая волосы прахом, выбежали из гарема служанки, няньки и евнухи и бросились к падишаху.

— В тот час, когда царевича вымыли и вручили кормилице, — доложили они, — налетело облако и закрыло их. Через миг мы увидели няньку без чувств, а царевич исчез. Что за несчастье!

Падишах, услышав об этих необъяснимых вещах, совсем расстроился. По всей стране пошел плач. Два дня нигде ничего не варили — люди вкушали тоску по царевичу, пили кровь собственных сердец и были готовы отказаться от жизни. Но на третий день вернулось опять то же облако и, разорвавшись, открыло осыпанную жемчугом люльку. Оно оставило ее во дворце, а само испарилось. В люльке нашли царевича, который мирно сосал пальчик. Мать-царица приняла с него на себя все несчастья *, взяла его на руки и прижала к груди. Глядит, на нем распашонка из тончайшего муслина с жемчужной оторочкой, а поверх нее надет златотканый передничек, на руках и ногах — браслеты с самоцветами, на шее — ожерелье из девяти драгоценных камней, а рядом лежат разукрашенные погремушки и соска.

Все окружающие пришли в восторг, принялись молиться о благополучии царевича и говорили:

— Пусть сердце твоей матери будет покойно, ты станешь достойным человеком.

Падишах велел построить большой новый дворец и, украсив его коврами, поселил там дервишей. Когда он освобождался от государственных дел, то приходил к ним и окружал их всяческим вниманием. Но каждый месяц в первый четверг новой луны являлось облако и уносило царевича, а через два дня возвращало его с подарками, игрушками и диковинками всякого рода из самых разных земель, от одного вида которых ум человека приходил в замешательство. Так продолжалось, пока царевич не достиг в полном здравии семи лет. В самый день его рождения падишах Азадбахт обратился к дервишам.

— Святые люди! — сказал он. — Совсем непонятно, кто это уносит и вновь возвращает царевича. Удивительнейшее дело. Что же это такое?

— Сделайте одну вещь, — посоветовали ему дервиши. — Напишите любезное письмо и положите его в кровать к царевичу; что-нибудь в таком роде: «Видя Вашу благосклонность и добрые чувства к моему сыну, я возымел сердечное стремление встретиться с Вами. Если Вы дружески сообщите мне о себе, то душа моя успокоится и волнения оставят ее».

По совету друзей падишах написал письмо в точно таких выражениях на лучшей бумаге с золотыми узорами и положил его в золотую кровать. Царевич исчез, как и прежде. С наступлением вечера падишах пришел к дервишам и сидел, беседуя с ними, как вдруг рядом с ним упала сложенная бумажка. Он развернул ее и прочел — то был ответ на его письмо. В нем содержалось всего несколько строк: «Знайте, что и мы рады Вас видеть. Чтобы доставить Вас, за Вами послан наш трон. Если Вы тотчас же пожелаете, будет прекрасно, ибо мы сможем встретиться. Все готово для веселья и радости, лишь Ваше место остается свободным».

Падишах вместе с дервишами уселся на прибывший трон. А трон этот, подобно престолу великого Соломона,

был способен летать по воздуху. Вскоре они опустились в таком месте, где стояли роскошные здания и видны были следы тщательных приготовлений, но не было ясно, есть ли там кто или нет. Тем временем кто-то провел палочкой с сурьмой Соломона по глазам всех пятерых, и, уронив по две слезинки, они увидели собрание пери, которые в разноцветных праздничных одеждах с кувшинчиками розовой воды в руках вышли навстречу.

Азадбахт проследовал меж двух рядов почтительно выстроившихся пери и джиннов и на возвышении увидел изумрудный трон, где, облокотясь на подушки, величественно восседал Малик Шахпал, сын Шахруха. Перед ним прелестная девочка играла с царевичем Бахтияром, сыном Азадбахта. По обе стороны трона были расположены по порядку сиденья, и их занимали знатнейшие пери. Лишь только Малик Шахпал заметил падишаха, он поднялся с места, спустился с трона и обнял его; потом, взяв его за руку, усадил рядом с собой и повел дружеский разговор. Весь день они провели в развлечениях, вкушая легкую пищу и слушая музыку. На другой день, когда оба правителя встретились снова, Шахпал спросил Азадбахта, почему тот взял с собой четверых дервишей.

Падишах подробно рассказал историю четырех неудачников, как сам ее слышал; он представил их Шахпалу и попросил его помочь им.

— Они вынесли много тягот и лишений. Если вы теперь осчастливите их своей милостью и поможете каждому обрести его заветную цель, господь щедро вознаградит вас за это, и я вечно буду благодарен. Ваш благословенный взгляд поможет им преуспеть в их делах.

— С полной готовностью! — ответил Малик Шахпал. — Я сделаю все, что вы просите.

При этих словах он строго взглянул на окружавших его дэвов и пери и написал повеление самым главным джиннам, которые правили разными областями, чтобы

они, как только получают этот приказ, явились пред его светлейшие очи; а если кто-нибудь захочет уклониться, то будет за это наказан и все равно его приведут силой. И пусть возьмут с собой всех пленных людей — и женщин и мужчин, которых держат они при себе, а если кто-нибудь попытается спрятать пленника и это потом обнаружится, то всю семью ослушника раздавят под колодой для выжимания масла, а от него самого даже имени не останется.

С такими приказами дэвы разлетелись во все концы света, а между обоими падишахами продолжалась дружеская беседа.

— Мною тоже владело страстное желание иметь ребенка, — сказал Малик Шахпал, обращаясь к шаху и дервишам, — и я дал обет, если господь пошлет мне сына или дочку, сочетать его браком с отпрыском, который родится у падишаха 'рода людского. Вскоре после этого решения выяснилось, что супруга моя ждет дитя. Прошли часы, дни и месяцы, и настал срок, когда родилась эта девочка. Помня свое обещание, я повелел всему роду джиннов отправиться на поиски, обшарить весь мир земной, найти где угодно новорожденного сына падишаха или шахиншаха и как можно быстрее, но бережно доставить ко мне. Тотчас же, подчиняясь приказу, все пери разлетелись в разные стороны, и спустя некоторое время мне принесли вашего сына. Я воздал хвалу богу, взял ребенка на руки, и в сердце у меня вспыхнула любовь к нему сильнее, чем к дочери. Не хотелось ни на миг отпускать его с глаз своих, но все же я отослал его обратно, потому что подумал, каково должно быть его отцу и матери, если они его не увидят. Поэтому я каждый месяц требую доставить его и, продержав несколько дней у себя, отправляю назад. Если будет угодно Аллаху, раз уж мы с вами встретились, давайте устроим их сговор. Все живое подвержено смерти, так лучше еще при жизни увидеть их свадьбу.

— Сначала таинственные исчезновения сына внушали нам неописуемый страх, но речи вашей милости

меня совсем успокоили,— сказал Азадбахт, целиком покоренный словами Малика Шахпала и его добротой.— Пусть отныне станет он вашим сыном; поступайте с ним, как вам будет приятно.

Так текла беседа двух падишахов, сладостная, как молоко с сахаром, и они проводили время в полном довольстве. Дней через пять или десять собрались величайшие правители райских цветущих равнин, гор и островов, за которыми посылались гонцы, и все предстали перед Шахпалом. Прежде всего он обратился к Малику Садыку:

— Представь сюда всех рожденных Адамом, которых ты держишь.

подавив свое недовольство, тот поневоле мигом доставил красавицу с ланитами розы — дочку слепца.

У властителя Омана * Малик Шахпал потребовал дочь падишаха джиннов, по которой сходил с ума оседлавший быка царевич Нимроза. И этот отдал ее с великими извинениями.

Когда дошел черед до дочери царя Фаранга и Бихзад-хана, все начисто отреклось от участия в их похищении и клялись в этом клятвою Соломона. Шахпал начал расспрашивать владыку моря Кулзум *. Он молчал, опустив низко голову. Малик Шахпал принялся его уговаривать, обещал ему повышение и стал даже грозить. Тогда тот, сложив почтительно руки, доложил:

— Благополучие падишаху! Дело в том, что в тот час, когда падишах Аджама выехал к реке встречать сына и царевич в нетерпении пустил коня в реку, я случайно вышел в те же места прогуляться и поохотиться. Путь мой пролегал мимо, и я, остановив свою свиту, стал наблюдать за ними. Тем временем кобыла понесла царевну в реку. Лишь только я увидел ее, сердце мое не смогло устоять, и я приказал своим пери захватить ее вместе с лошадей. Следом за ней бросился на коне Бихзад-хан. Когда он пустился вплавь, я, покоренный его мужеством и отвагой, решил забрать и его. Вместе с ними я вернулся к себе. Сейчас они в полном здравии.

И с этими словами он вывел обоих.

Начались розыски дочери султана Шама. Допрашивали всех и мягко и настойчиво, но никто не признавался в том, что ее задержал, и даже следов ее не видел никто.

— Все ли правители и наместники присутствуют здесь или кто-нибудь отказался явиться? — спросил тогда Малик Шахпал.

— Покровитель мира! — доложили джинны. — Пришли все, кроме Мусалсала Джаду — чародея, который силами волшебства воздвиг себе крепость под сенью горы Каф. Он возгордился и не хочет идти, а мы, ваши слуги, не в силах притащить его неволей: там неприступное место, и сам он большой шайтан.

Выслушав это, Малик Шахпал разъярился. Тут же он отрядил на войну целую армию джинов, великанов-ифритов* и пери и повелел:

— Если он сам придет по доброй воле вместе с царевной, то ладно; а нет — притащите его, связав по рукам и ногам, а царство его и крепость уничтожьте до основания и проведите борозду плугом, запряженным ослом.

Тотчас же двинулось в поход такое войско, что через день гордый мятежник был схвачен; его притащили с петлею на шее и поставили на колени перед шахом. Малик Шахпал, считая это достаточным наказанием, сразу спросил его о царевне, но гордец твердил одно только слово: «нет». В страшном гневе Шахпал велел изрубить тело его на куски, а предварительно содрать с него кожу и набить ее мякиной. Он снова отправил отряд пери на гору Каф с приказанием во что бы то ни стало отыскать и привезти царевну. Наконец, ее нашли и доставили.

Все пленники и четыре факира на радостях принялись молиться за Малика Шахпала. Падишах Азадбахт тоже был очень доволен. Тогда Малик Шахпал повелел отвести мужчин к нему в приемные комнаты, женщин — в шахский сераль, а городу придать праздничный вид и

сделать приготовления к свадьбе, чтобы все ждало только приказа.

Однажды, дождавшись доброго часа, Малик Шахпал скрепил брачные узы между царевичем Бахтияром и своей дочерью. Купеческого сына из Ямана он женил на дамасской царевне; царевича страны Фарс — на царевне из Басры; царевну с острова Фаранг отдал за царевича из Аджама; дочку падишаха Нимроза — за Бихзад-хана; царевичу Нимроза вручил дочь шаха джинов, а царевича Чина сочетал браком с дочерью старика, которая была захвачена Маликом Садыком. Так, благодаря Малику Шахпалу все обездоленные достигли желанной цели. После этого был устроен пир на сорок дней, где удовольствия и наслаждения не прекращались ни днем, ни ночью.

Наконец, Малик Шахпал одарил всех царевичей всякими диковинками и драгоценностями и отпустил их в родные земли. Все благополучно отправились в путь, счастливо прибыли на место и стали властвовать. Только Бихзад-хан и купеческий сын из Ямана остались по доброй воле у падишаха Азадбахта. В конце концов яманский купец стал править дворцовыми делами, а Бихзад-хан был назначен главнокомандующим над войском у владыки счастья — царевича Бахтияра, и жили они до конца своих дней в полном довольстве.

О Аллах! Подобно тому как достигли желанной цели своей четверо дервишей и пятый — падишах Азадбахт, даруй своим милосердием и добротой исполнение сердечных желаний всем обездоленным через посредство пяти чистых телом, двенадцати имамов и четырнадцати невинных * — да пребудет мир и покой над ними! Аминь, о владыка обоих миров!

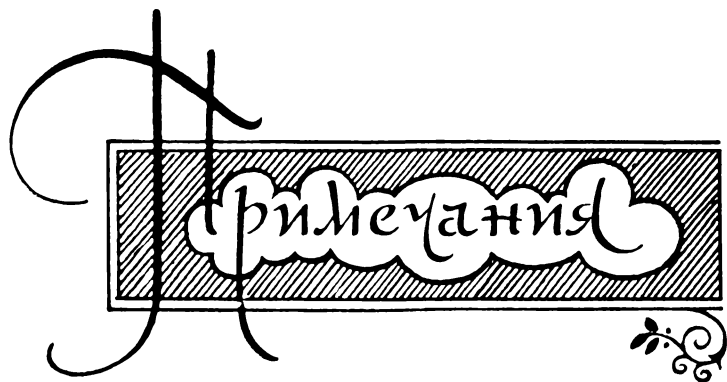
Заключение

Когда эта книга, по милости божьей, была окончена, мне пришло в голову дать ей такое название, из которого виден был бы год сочинения. Когда подсчитал, оказалось, что начал я складывать свою повесть в конце 1215 года хиджры, и из-за недостатка досуга удалось ее кончить только в начале 1217 года. Сердце подсказало мне хорошее имя — «Сад и весна»: здесь и название есть и видно число*. На нем я и остановился. Всякий, кто прочтет эту книжку, словно бы совершит прогулку по саду, но простой сад подвержен увяданию осени, а мой вечно в весеннем цвету.

*Книга с названием «Сад и весна»
Мною торжественно завершена.
Тысяча двести семнадцать — число,
В чтенье звучащее «сад и весна».
Этою цифрой означен сей год,
Осень для книги моей не страшна;
Кровью души я свой сад поливал,
Соком гранатовым стала она,
Сердце свое я в плоды обратил,
Жертва великая принесена,
Но после смерти меня позабыть,
Вам не позволит она лишь одна.
Каждый, читающий «Сад и весну»,
Вспомнит меня и мои времена,
Пусть он ошибки мои извинит —
Часто колючка в цветах не видна,
И ошибиться способен, увы!*

*Каждый, с рассвета трудясь дотемна.
Ныне Аллаху вознес я мольбу,
Просьба моя несложна и скромна —
Не позволяй мне тебя забывать,
Как бы ни пенилась жизни волна.
Но разреши позабыть хоть на миг,
То, что к могиле тропа не длинна,
Милость во имя пророка пошми,
В жизни и в смерти она мне нужна.*

Стр. 19. Б е л ы й и ч е р н ы й — имеется в виду цвет кожи людей.

Стр. 20. Д в е н а д ц а т ь и м а м о в — потомки Мухаммада, которых мусульмане-шииты почитают святыми.

Х и д ж р а — мусульманское летосчисление, ведущееся со времени бегства пророка Мухаммада из Мекки в Медину, то есть с 622 г. н. э. При этом счислении используется не солнечный, как у нас, а лунный год, длительность которого 354 дня (на одиннадцать суток короче нашего), вследствие чего расхождение между нашим летосчислением и хиджрой постепенно сокращается. Так, 1215 г. хиджры соответствовал 1801 г. н. э.; разница составляла уже только 586 лет.

Ф а с л и — употреблявшееся в Индии летосчисление, которое было введено императором Акбаром (1566—1605). Оно опиралось на хиджру, но в основу счисления был положен солнечный год, а потому оно постепенно отставало от хиджры. Летосчисление фасли находится в прямом соотношении с нашим при разнице в 593 года.

М а р к и з У э л з л и л о р д М о р н и н г т о н — английский генерал-губернатор Бенгалии с 1798 по 1805 г.

Стр. 21. Я з ы к б а з а р а — урду. Само слово «урду» имеет значение «армия», «лагерь», «базар». В качестве названия языка оно появляется в литературе лишь со второй половины XVIII в.

Язык Хиндустана — хиндустани, распространеннейший в Индии разговорный язык, на котором основываются литературный хинди и урду. Слово «Хиндустан» может обозначать всю Северную Индию, но в данном случае под этим названием разумеется лишь двуречье Ганга и Джамны. Мир Амман обращается здесь к читателям, которые станут учиться языку по его книге.

Амир Хосров (Хусро) Делийский (ум. в 1325 г.) — выдающийся индийский поэт и теоретик литературы, творивший на персидском языке.

Низамуддин Аулия (XIII в.) — один из популярнейших мусульманских святых Северной Индии. Хазрат — почтительный титул.

Кос — индийская мера длины. Величина ее колебалась в разные времена и в разных областях. Около 4 км.

Гробница Низамуддина находится в южной части современного Нового Дели и до сих пор служит местом паломничества индийских мусульман.

В день, когда было совершено омовение. — Встав с одра болезни, мусульмане совершают очистительное омовение, которое так и называется «омовение исцеления». Оно означает полное выздоровление.

Джон Гилкрайст руководил преподаванием хиндустани (хинди и урду) в колледже Форты Вильям (Калькутта), основанном в 1800 г. для обучения языкам Индии англичан — чиновников Ост-индской компании.

Жалкий грешник — здесь сказывается требование средневекового этикета наделять себя уничижительными эпитетами в знак уважения к собеседнику.

Стр. 22. Хумаюн — император династии Великих Моголов, правивший с перерывом с 1530 по 1539 и с 1555 по 1556 г.

Та доля, какой мы сами свидетели.— Мир Амман имеет в виду упадок власти Великих Моголов и их военные поражения, приведшие во второй половине XVIII в. к фактическому распаду империи.

Сурадж Мал — раджа джатского княжества, правивший с 1756 по 1763 г. и достигший больших военных успехов.

Ахмад-шах Дуррани (Абдали) — первый независимый правитель афганцев, совершивший в 1748—1767 гг. ряд военных походов в Северную Индию.

Азимбад — мусульманское название города Патны.

Наваб (букв. «наместник») — титул, который широко употреблялся в Индии применительно к феодалам-мусульманам.

Мир Бахадур Али (Хусейни) служил преподавателем колледжа Форта Вильям одновременно с Мир Амманом и писал на урду в том же стиле, как и Мир Амман. Мунши — писец, мелкий чиновник; это слово используется как почтительное обращение к индийцам, имеющим образование.

Стр. 23. Махмуд Газнави — султан Газни (998—1030), совершивший ряд грабительских походов в Индию и подготовивший почву для ее завоевания.

Гури — династия, правившая в Газни в 1152—1206 гг. К концу XII в. Гуриды подчинили территорию Индии вдоль течения рек Инда и Ганга.

Лоуди — афганская династия, правившая в Северной Индии с 1451 по 1526 г.

Хиндустан захватил эмир Тимур. — Знаменитый завоеватель Тимур (Тамерлан) в 1398—1399 гг. совершил грабительский поход в Индию и произвел страшные опустошения в Дели и других городах. Бабур, основавший династию Великих Моголов, происходил из рода Тимуридов.

Патаны — афганцы.

Акбар (1555—1606) — император династии Ве-

ликих Моголов, заложивший основы могущества империи и подчинивший почти всю Северную Индию.

Шах-Джахан (1627—1658) — император династии Великих Моголов, правивший в эпоху расцвета империи.

Благословенная крепость — Красный форт (Лал-кила) в Дели.

Соборная мечеть (Джама масджид) — крупнейшая мечеть в Дели, расположенная против Красного форта.

Городская стена — в правление Шах-Джахана вокруг Старого Дели (Шахджаханабада) была построена каменная стена, которая частично сохранилась до настоящего времени.

Павлиний трон — знаменитый трон Шах-Джахана, который был украшен массой драгоценных камней и считался роскошнейшим в мире. Был захвачен и увезен в качестве трофея Надир-шахом во время его индийского похода 1737—1738 гг.

Наваб Али-Мардан-хан провел канал. — Али-Мардан-хан, знаменитый инженер Шах-Джахана, реконструировал Западный канал Джамны и довел один из его рукавов до самого Дели.

Шахджаханабадом, или Старым Дели (как он теперь именуется в отличие от Нового Дели, строительство которого было начато англичанами в нынешнем веке), называется старая часть города, прилегающая к Красному форту. Во времена Мир Аммана «новым городом» считался Шахджаханабад, противопоставлявшийся еще более древним частям города.

Мухаммад-шах (1719—1748), Ахмад-шах (1748—1754) и Аламгир II (1754—1759) — представители династии Великих Моголов, правившие в период упадка империи.

Стр. 24. Книги грамматических правил. — Дж. Гилкрайт издал самую подробную из старых грамматик хиндустан (1796 г.) и ряд других учебных пособий.

Шах-Алам (1759—1806) — император династии Великих Моголов, обладавший лишь номинальной властью.

Сюда — то есть в Калькутту.

Стр. 26. Рум — под этим названием, обозначавшим первоначально Византию, здесь понимается Турция.

Науширван — Хосров I Ануширван (531—579), персидский царь из династии Сасанидов, имя которого служит символом справедливости.

Хатим — вождь арабского племени тай, прославившийся своей щедростью.

Стр. 27. Намаз — один из главнейших обрядов ислама; совершается обычно пять раз в сутки: 1) утренний намаз — на рассвете, перед восходом солнца; 2) полуденный; 3) послеполуденный; 4) вечерний — после захода солнца, когда сгущаются сумерки; 5) ночной — в любое время после наступления темноты. Намаз состоит из молитвы, сопровождаемой установленными телодвижениями, и ритуального омовения, предшествующего молитве.

...Не дал лишь светильника моему темному дому — образное сравнение сына со светильником в доме. Распространено в литературе индийских мусульман.

Стр. 28. В час разрешения от поста. — Во время поста мусульмане не едят с восхода и до заката солнца.

Везир — министр, главный советник.

Стр. 29. Эмир — вассальный князь, военачальник.

Стр. 30. Восемнадцать тысяч живых существ — традиционное, по представлениям индийцев, число видов животных.

Стр. 31. Йог — индус-подвижник, нищенствующий аскет.

Факир — мусульманский странствующий монах, добывающий пропитание нищенством.

Дервиш — то же, что факир.

Стр. 32. Дабир — писец, государственный чиновник.

Поднесли ему свои дары. — Феодалный

этикет требовал, чтобы подданные при встрече с монархом подносили ему подарки в знак преданности и покорности.

Стр. 33. Кабир (1440—1518)—популярный народный поэт Северной Индии, проповедник религиозной реформации (бхакти), слагавший свои гимны и песни на диалектах языка хинди.

...Получить искупление в будущей (жизни).— Здесь сказывается влияние на мусульман Индии индуистского верования, что сын является искупителем грехов отца, а человек, не имеющий сына, обречен после смерти на вечные муки.

Стр. 34. Дэв—по поверьям народов мусульманского Востока, злой дух, обладающий страшным обликом и сверхъестественной силой.

Стр. 35. ...Чихнул и воскликнул: «Хвала Аллаху!»—Суеверный мусульманин, чихнув, поминует бога, чтобы обезопасить себя от последствий чихания, которое считается недобрый знаком.

Хади (букв. «руководитель») — духовный наставник.

Стр. 39. Кафни—короткий плащ кирпичного цвета, обычная одежда дервишей.

Волосяное ожерелье (сели) — ожерелье из нитей или волос, которое некоторые дервиши носят как отличительный знак.

Стр. 40. Маснад (букв. «место сидения») — покрывало из парчи или других ценных тканей, иногда богато вышитое и украшенное золотом и самоцветами. Оно расстилается поверх ковра, и на нем, скрестив ноги, восседает хозяин дома, опираясь спиной на большой валик и имея под коленями небольшие подушечки. Место, предоставляемое на маснаде гостю, служило показателем степени уважения, питаемого к нему хозяином. Низшего по положению сажали на уголок, равного хозяин помещал рядом с собой, а высшему уступал все подушки и сам устраивался с краю. Маснад мог находиться и на возвышении.

Стр. 41. Карун — легендарный богач, обладавший несметными сокровищами.

...Приняла на себя все мои беды. — Ритуальный жест, который заключается в том, что женщина обеими руками касается головы близкого человека и затем прижимает ладони к своим вискам. Ныне этот жест превратился в выражение ласки.

Стр. 42. Димашк — Дамаск, столица Сирии.

Стр. 43. Тика — небольшой значок, который ставится на лбу между бровей либо краской, либо разными мазями, в состав которых часто входит какое-нибудь вещество, полученное от коровы — животного, считающегося у индусов священным. Нанесение тики является торжественным актом, сопровождающим значительные события в жизни человека, такие, как заключение брака, вступление в должность или отъезд в далекое путешествие и паломничество. Обычно тика служит кастовым знаком, но может быть и простым украшением, что особенно распространено в последнее время. В Индии этому индускому обычаю следуют и мусульмане.

Стр. 46. Мой нищий дом — это выражение отражает требование восточного феодального этикета говорить обо всем, что касается себя лично, в униженном тоне. На деле этот «нищий дом» может быть самыми роскошными палатами. Напротив, дом собеседника, независимо от его действительного процветания, именуется «обителью богатства».

Ним — дерево, соком из листьев которого пользуются как антисептическим средством.

Бедмушк — тоническое средство, приготовляемое из растительных соков и обладающее сильным ароматом.

Бетель — растение из семейства перечных. Его пряные и острые листья смазывают известью, заворачивают в них семена арековой пальмы и акации катеху, а также различные пряности и употребляют

для жевания. Бетелем обычно называется и вся эта смесь в готовом виде.

П е р и — по поверьям народов мусульманского Востока, разряд сверхъестественных существ, которые выступают в роли как добрых, так и злых духов мужского и женского пола. Обычно пери представляют в образе прекрасной женщины.

Стр. 47. В л а с т ь н а д с е м ь ю с т р а н а м и с в е т а.— Согласно мусульманской географии мир делится на семь стран света. Поэтому это выражение означает то же, что власть над всем обитаемым миром.

К а л а м — тростниковое перо.

Стр. 48. С л о в о «с и д и» (арабское «сайид» — господин) первоначально служило в Индии почтительным обращением к мусульманам из Африки, но затем распространилось на всех африканцев и приобрело значение «чернокожий». Так стали называть черных рабов.

Стр. 51. Т а н С е н — известный музыкант, живший в Северной Индии в эпоху императора Акбара (XVI в.).

Б а й д ж у Б а в р а — знаменитый певец Северной Индии, живший в XII в.

Стр. 53. П л е в а т е л ь н и ц ы служат необходимым предметом обстановки там, где жуют бетель, так как при этом обильно выделяется слюна кроваво-красного цвета.

К у р т и — короткая кофточка, которую носят индийские женщины.

Стр. 55. Л е й л и и М е д ж н у н — герои распространенной на Ближнем и Среднем Востоке истории о преданных любовниках, погибающих в разлуке. Согласно одной из версий, Лейли была некрасива, но Меджнуну казалась прекрасной.

Стр. 59. С о б а к а п р а ч к и — символ гонимого и обездоленного существа. Стирка чужого белья считалась при кастовом строе нечистым занятием, а презрение к прачкам (дхоби), стоявшим на самых низких ступенях социальной лестницы, распространялось и на принадлежащих им животных.

Стр. 62. К а з и — судья, в компетенцию которого входит совершение гражданских церемоний, в том числе заключение брака.

На что тебе теплую воду? — В этом вопросе содержится намек на то, что молодой человек не исполнял своих супружеских обязанностей. Имеется в виду мусульманский обычай совершать омовение после сношения с женщиной.

Стр. 67. На людном перекрестке базара. — В Индии базарами именуются торговые улицы. Наиболее оживленным местом обычно бывает скрещение двух таких улиц.

Му р з з и н — служитель мечети, призывающий верующих на молитву.

Стр. 69. Верблюд с кошкой на шее. — Автор намекает на распространенный восточный анекдот об арабе, потерявшем верблюда. Когда араб совсем отчаялся найти животное, он поклялся, что если только верблюд найдется, то он продаст его за один динар. Вскоре верблюд нашелся, и хозяину, к его огорчению, пришлось исполнить зарок. Но хитрый араб нашел выход. Он вывел на рынок верблюда с привязанной к его шее кошкой и закричал: «Продается верблюд за один динар и кошка за тысячу! Отдельно не продаются!»

Л а к х — сто тысяч.

Стр. 70. Был чудесный весенний день... моросил мелкий дождичек. — В странах тропического климата, где большую часть года люди изнывают от жары, пасмурный день с моросящим дождем очень приятен.

Ш а б - е - б а р а т — мусульманское ночное празднество, совершаемое в полнолуние месяца шабан (восьмой месяц мусульманского лунного года). Оно сопровождается иллюминацией и фейерверком.

Стр. 72. Повесил пояс на шею — знак полной покорности.

Стр. 76. Мы убивали дичь, как того требует

ш а р и а т.— Согласно шариату — мусульманскому религиозному праву,— убивая животное на мясо, нужно перерезать ему горло и спустить кровь, обязательно сопровождая эти действия молитвой. В противном случае мясо считается непригодным для пищи.

Стр. 78. Д ж и н н — по поверьям народов стран мусульманского Востока, злой дух.

Ш а м — Сирия.

Стр. 79. М у р т а з а А л и — «Али избранный» — зять пророка Мухаммада и четвертый правоверный халиф. Почитается в исламе (у шиитов) святым и считается устранителем затруднений, которые встречаются верующим.

Стр. 82. Ф а р с — область на юге Ирана. Иногда под этим названием понимают весь Иран (отсюда — Персия).

И с ф а г а н до начала XIX в. был столицей Персии.

Стр. 90. Д а с т а р х а н — скатерть из ткани или кожи, которая расстилается прямо на полу.

Стр. 91. К а ш а н с к и й к о в р и к.— Кашан — город в центральном Иране. Издавна славился своими коврами, крупным центром производства которых остается до сих пор.

Стр. 95. Ф а р х а д — как и М е д ж н у н, традиционный в персидской литературе образ преданного любовника.

Стр. 96. Н и м р о з (букв. «полуденная страна») — область на юго-востоке Ирана.

Стр. 98. И н д р а — главный бог древнего индийского пантеона.

Стр. 100. Н о ч ь п р е д о п р е д е л е н и я — мусульманский праздник, отмечаемый в день, когда, по преданию, божественным откровением был ниспослан Коран.

Стр. 101. Б и б и — госпожа, обращение к женщине из высших классов общества.

Стр. 102. К и б л а — направление от каждого данного места к Мекке. В этом направлении мусульмане становятся лицом при молитве, и сюда они обращают

свои поклоны. Поэтому слово «кибла» приобрело переносное значение — «предмет поклонения».

Кааба — храм в Мекке, где находится священный черный камень. Он является объектом паломничества мусульман. Сравнение с киблой и Каабой означает дань величайшего уважения.

...Прах с ваших следов класть себе на глаза, как сурьму. — Индийские женщины подкрашивают сурьмой веки и брови. Делается это как для красоты, так и для защиты глаз от ярких лучей солнца. Кроме того, суеверные люди приписывают сурьме и магические свойства — она якобы отворачивает злых духов и помогает увидеть чудеса, обычно недоступные глазу (см. рассказ четвертого дервиша). Сравнение праха из-под чьих-либо ног с сурьмой служит способом выражения глубокого почтения и любви к человеку.

Умылась песком. — Перед молитвой мусульманин обязательно должен умыть лицо, уши, шею, руки, прополоскать рот. Если воды достать невозможно, как бывает, например, при путешествии в пустыне, то совершается символическое омовение песком.

Стр. 103. Лукман — легендарный мудрец. Иногда он отождествляется с создателем басен Эзопом.

Ибн Сина — Абу-Али ибн Сина (Авиценна), выдающийся ученый и философ (ум. в 1037 г.).

Хизр — популярный в Индии мусульманский святой, о котором сложено много легенд. Он якобы нашел источник живой воды и поэтому живет вечно.

Стр. 104. Кир — древнеперсидский царь (VI в. до н. э.).

Нуман (конец VI в.) — последний представитель династии Лакхмидов, правившей в Хире (юго-западная Месопотамия). Постройки Хиры поражали воображение кочевников-арабов своей роскошью.

Стр. 105. Прикладывать руки к ушам — жест полной покорности, который делает провинившийся.

Попробуй их дочка брахмана... — Здесь

подразумевается, что дочка брахмана — представителя высшей индусской касты — отказалась бы от ограничений, налагаемых на нее верой, соблазнившись запретной для индусов пищей.

Стр. 107. Р а м а з а н — один из месяцев мусульманского календаря, в течение которого ежедневно от восхода и до захода солнца мусульмане соблюдают строгий пост.

Стр. 109. Р у с т а м — знаменитый герой персидского эпоса, чьи доблести превознесены в «Шах-наме» — «Книге царей» Фирдоуси.

Стр. 111. П а н д и т — ученый индус.

Стр. 112. П и с а т ь с е м ь ю к р а с и в ы м и п о ч е р к а м и. — У народов, пользующихся арабской графикой, имеются несколько стилей каллиграфического письма, довольно сильно различающихся принципами начертания одних и тех же букв.

Стр. 114. К а ф — мифическая горная цепь, опоясывающая мир. Там якобы обитают джинны, дэвы и пери.

Х о д ж а — почетное прозвище уважаемых горожан, обычно крупных купцов.

Стр. 115. С в я т о й о т ш е л ь н и к, н е с т р и г у щ и й в о л о с. — Некоторые аскеты-индусы дают обет не стричь волосы.

М а х а д е в а (букв. «великий бог») — эпитет Шивы, в индийской мифологии бога-разрушителя, одного из наиболее почитаемых индусами богов.

Ш е в р а т — индуистский праздник в честь бога Шивы.

...Которого следует назвать Платоном нашего времени. — По традиционным мусульманским представлениям, понятия «философ» и «врач» отождествлялись; поэтому, в частности, знаменитый древнегреческий философ Платон считался на мусульманском Востоке выдающимся медиком.

Стр. 116. Л а н г о т и — набедренная повязка.

Стр. 118. В е л и ч а й ш е е и м я А л л а х а. — Мусульмане

дают Аллаху 99 эпитетов, причем считается, что один из них якобы обладает чудодейственной силой при заклинаниях, но знать, какой именно, доступно лишь избранным.

Стр. 127. Бадакшан — горная область на северо-востоке современного Афганистана и юге Таджикской ССР.

Мискаль — мера веса, около 4 г.

Фаранг — под этим названием в странах Востока была известна Западная Европа.

Стр. 128. Раджа — индусский владетельный князь, царь.

Нишапур — один из крупнейших городов средневекового Ирана. Он расположен на северо-востоке страны.

Стр. 135. Прочел символ веры. — Символом веры в исламе является формула: «Нет бога, кроме бога, и Мухаммад — посланник его». Ей придается очень большое значение, и произнесение ее — основное условие для обращения в мусульманство.

Стр. 142. И закон мой таков... — Ходжа перечисляет здесь пять основных обязанностей мусульманина, пять «столпов», на которые опирается ислам: 1) исповедание символа веры, 2) молитва, 3) пост, 4) хадж — паломничество в Мекку к Каабе и 5) жертвование на веру и в пользу бедных.

Стр. 143. Шахиншах — «царь царей».

Стр. 145. Пятница у мусульман день отдыха и молитвы.

Стр. 146. Хаким — правитель города, которому принадлежит исполнительная власть.

Стр. 150. Они избили меня, поступив, как братья с Иосифом. — Имеется в виду библейская легенда об Иосифе, который был продан братьями в рабство.

Стр. 155. Зербад (букв. «подветренная страна») — так индийцы называли земли, расположенные на юго-востоке от Индии.

Махараджа — «великий раджа», царь.

Чауган — конная игра в мяч, который гоняют длинными клюшками (чауган).

Р а н и — княгиня, царица.

Стр. 157. Приобщил ее к нашей вере.— Здесь имеется в виду желание женщины прочесть символ веры, что является главным условием обращения в мусульманство.

С а р а н д и п — название Цейлона, бывшее в ходу у арабов, персов и мусульман Индии.

Стр. 159. С а л с а б и л — источник в мусульманском раю.

Стр. 161. Х р а м и д о л о в, или кумирня,— такое название мусульмане дают индусским храмам, внутри которых стоят скульптурные изображения богов. Поэтому и самих индустских богов Мир Амман называет идолами.

П а р д а — обычай затворничества женщин, запрещающий им показываться с открытым лицом перед чужими мужчинами.

Стр. 164. Л а т и М а н а т — языческие богини арабов, которые почитались в доисламские времена. Здесь Мир Амман приписывает поклонение им жителям Цейлона.

Т у р о к — так в Индии нередко называли мусульман независимо от их происхождения.

Стр. 171. ...Г д е с н и м а ю т т у ф л и — входящий в храм или мечеть обязан снять обувь при входе.

Стр. 173. В е д ы — древнейшие памятники индийской литературы. Они состоят из ритуальных гимнов, соединенных в четыре сборника. Брахман, изучивший все четыре Веды, пользуется наибольшим авторитетом.

Стр. 175. ...Е му п о ж а л о в а н х а л а т.— Пожалование халата являлось не только знаком расположения, оно производилось и при назначении подчиненного на новую должность.

Стр. 179. Ч и н — Китай (обычно Южный) и прилежащие к нему области. К х а т а — Северный Китай.

Стр. 181. «В о и м я А л л а х а» — начало обычной благословительной формулы, которую мусульманин произносит, приступая к любому делу.

Ф а р а н г — так в Иране и Индии называли европейцев.

Стр. 185. **П а д м и н и**.— В индийской эротической литературе с давних пор существовало деление женщин по красоте на четыре группы. Падмини (женщина-лотос) — это высший тип, наиболее совершенный.

Стр. 190. **К а л а м д а н** — пенал; он служит здесь атрибутом власти везира.

Стр. 194. **Н а р д ы** — род настольной игры.

Стр. 198. **А з а р** — так в Коране именуется отец библейского Авраама. По представлениям мусульман, Азар был скульптором и идолопоклонником.

В д о в а с ж и г а е т с е б я с т е л о м м у ж а.— В Индии существовал обычай самосожжения вдовы вместе с трупом мужа. Основывался он на религиозных верованиях, в частности на учении о переселении душ, и поддерживался социальными условиями: бесперспективностью жизни вдовы, не имеющей права выйти замуж вторично, интересами родственников, претендующих на наследство покойного, и т. д. Хотя самоубийство вдовы не было обязательным, но оно считалось высоким нравственным долгом и всячески поощрялось брахманами и родными покойного. Самосожжение вдов было официально запрещено англичанами в 1829 г.

Стр. 201. **Д и л ь к у ш а** — «радость сердца».

Стр. 207. **И б р а г и м А д х а м** — легендарный царевич, оставивший власть ради благочестивой жизни.

Б а л х — город на северо-востоке современного Афганистана, в прошлом один из богатейших городов Востока.

Стр. 212. **Д ж а у н п у р с к и й м о с т**.— В городе Джаунпуре в XVI в. был построен через реку Гумти многоарочный каменный мост, пользующийся большой известностью в Индии.

Стр. 221. **А б у - Д ж а х л ь** — современник пророка Мухаммада, активно противоборствовал новой религии — исламу. По преданию, он был дядей пророка.

- Стр. 224.* «Разрежь ее (материю), с шей, одень-с я...— Платье индийской женщины (сари) состоит из одного куска ткани, оборачиваемого вокруг тела, так что на его шитье не требуется много времени.
- Стр. 226.* Доля жены — по мусульманскому праву, муж обеспечивает жене при браке долю имущества, которую она сохраняет за собой в случае развода.
- Стр. 233.* З у л ь ф а к а р (букв. «тот, кто владеет позвонками») — название знаменитого меча, доставшегося Мухаммаду в виде трофея, а от него перешедшего к Али (см. прим. к стр. 79).
- Стр. 238.* Приняла на себя все несчастья — см. прим. к стр. 41.
- Стр. 242.* О м а н — область в восточной части Аравийского полуострова.
М о р е К у л з у м — северо-западная часть Индийского океана, включающая Аравийское и Красное моря.
- Стр. 243.* И ф р и т — по представлениям народов стран мусульманского Востока, злой дух-великан.
- Стр. 244.* П я т ь ч и с т ы х т е л о м — пророк Мухаммад и его дочь Фатима с мужем Али и детьми Хасаном и Хусейном. Ч е т ы р ь н а д ц а т ь н е в и н н ы х — дети Хасана и Хусейна.
- Стр. 245.* И в и д н о ч и с л о . — Каждой букве арабского алфавита, используемого в урду, присуще определенное числовое значение. Сумма числовых значений букв, входящих в название «Сад и весна» («Баг о бахар»), составляет 1217.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
<i>Г. Зограф. Предисловие</i>	5
Сад и весна	
<i>Вступ л е н и е</i>	19
<i>Начало истории</i>	25
<i>Похождения первого дервиша</i>	37
<i>Похождения второго дервиша</i>	81
<i>История Азадбахта-падишаха</i>	123
<i>Похождения третьего дервиша</i>	193
<i>Похождения четвертого дервиша</i>	215
<i>Окончание истории</i>	235
<i>З а к л ю ч е н и е</i>	245
<i>П р и м е ч а н и я</i>	247

М и р А м м а н

САД И ВЕСНА

*Утверждено к печати Редакционным советом востоковедной литературы
при Отделении исторических наук АН СССР*

Редактор издательства Е. М. Медведев
Художественный редактор И. Р. Бескин
Технический редактор С. В. Цветкова
Корректоры Е. Г. Григорьева и Г. А. Невелева

Сдано в набор 3/VI 1960 г. Подписано к печати 23/VI 1962 г.
А-07483. Формат 60 × 84¹/₁₆. Печ. л. 16,5. Усл. п. л. 15,06.
Уч.-изд. л. 10,84. Тираж 15 000 экз. Зак. 1696. Цена 70 коп.

Издательство восточной литературы. Москва, Центр, Армянский пер., 2.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР, Москва, Краснопролетарская, 16.

Миръ Ауманъ Салъ Се Сетъ